

Научный центр «LJournal»

Рецензируемый научный журнал

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

№114, Октябрь 2024
(Часть 3)



Самара, 2024

T33

Рецензируемый научный журнал «Тенденции развития науки и образования» №114, Октябрь 2024 (Часть 3) - Изд. Научный центр «LJournal», Самара, 2024 – 152 с.

doi: 10.18411/trnio-10-2024-p3

Тенденции развития науки и образования - это рецензируемый научный журнал, который в большей степени предназначен для научных работников, преподавателей, доцентов, аспирантов и студентов высших учебных заведений как инструмент получения актуальной научной информации.

Периодичность выхода журнала – ежемесячно. Такой подход позволяет публиковать самые актуальные научные статьи и осуществлять оперативное обнародование важной научно-технической информации.

Информация, представленная в сборниках, опубликована в авторском варианте. Орфография и пунктуация сохранены. Ответственность за информацию, представленную на всеобщее обозрение, несут авторы материалов.

Метаданные и полные тексты статей журнала передаются в наукометрическую систему ELIBRARY.

Электронные макеты издания доступны на сайте научного центра «LJournal» - <https://ljournal.org>

© Научный центр «LJournal»
© Университет дополнительного
профессионального образования

УДК 001.1
ББК 60

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чернопятов Александр Михайлович

Кандидат экономических наук, Профессор

Царегородцев Евгений Леонидович

Кандидат технических наук, доцент

Пивоваров Александр Анатольевич

Кандидат педагогических наук

Малышкина Елена Владимировна

Кандидат исторических наук

Ильященко Дмитрий Павлович

Кандидат технических наук

Дробот Павел Николаевич

Кандидат физико-математических наук, Доцент

Божко Леся Михайловна

Доктор экономических наук, Доцент

Бегидова Светлана Николаевна

Доктор педагогических наук, Профессор

Андреева Ольга Николаевна

Кандидат филологических наук, Доцент

Абасова Самира Гусейн кызы

Кандидат экономических наук, Доцент

Попова Наталья Владимировна

Кандидат педагогических наук, Доцент

Ханбабаева Ольга Евгеньевна

Кандидат сельскохозяйственных наук, Доцент

Вражнов Алексей Сергеевич

Кандидат юридических наук

Ерыгина Анна Владимировна

Кандидат экономических наук, Доцент

Чебыкина Ольга Альбертовна

Кандидат психологических наук

Левченко Виктория Викторовна

Кандидат педагогических наук

Петраш Елена Вадимовна

Кандидат культурологии

Романенко Елена Александровна

Кандидат юридических наук, Доцент

Мирошин Дмитрий Григорьевич

Кандидат педагогических наук, Доцент

Ефременко Евгений Сергеевич

Кандидат медицинских наук, Доцент

Шалагинова Ксения Сергеевна

Кандидат психологических наук, Доцент

Катермина Вероника Викторовна

Доктор филологических наук, Профессор

Полицинский Евгений Валериевич

Кандидат педагогических наук, Доцент

Жичкин Кирилл Александрович

Кандидат экономических наук, Доцент

Пузыня Татьяна Алексеевна

Кандидат экономических наук, Доцент

Ларионов Максим Викторович

Доктор биологических наук, Доцент

Афанасьева Татьяна Гавриловна

Доктор фармацевтических наук, Доцент

Байрамова Айгюн Сеймур кызы

Доктор философии по техническим наукам

Лыгин Сергей Александрович

Кандидат химических наук, Доцент

Заломнова Светлана Петровна

Кандидат педагогических наук, Доцент

Биймурсаева Бурулбубу Молдосалиевна

Кандидат педагогических наук, Доцент

Радкевич Михаил Михайлович

Доктор технических наук, Профессор

Гуткевич Елена Владимировна

Доктор медицинских наук

Матвеев Роман Сталинарьевич

Доктор медицинских наук, Доцент

Шамутдинов Айдар Харисович

Кандидат технических наук, Профессор

Найденов Николай Дмитриевич

Доктор экономических наук, Профессор

Романова Ирина Валентиновна

Кандидат экономических наук, Доцент

Хачатурова Карине Робертовна

Кандидат педагогических наук

Кадим Мундер Мулла

Кандидат филологических наук, Доцент

Григорьев Михаил Федосеевич

Кандидат сельскохозяйственных наук

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ IV. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ	8
Куликова Е.М. меховая отделка текстильных материалов: виды и методы	8
Со Ц. История становления профессии дирижера в российском музыкальном искусстве	10
Чжао С. Эволюция музыки на аккордеоне: от народных корней к современным интерпретациям.....	13
Шагибекова Я.Е. Символизм в архитектурных шедеврах.....	16
РАЗДЕЛ V. СОЦИОЛОГИЯ	19
Рыскин П.П. Основы институционализации адаптации профессиональных спортсменов....	19
Соколов Н.В., Рехтина Л.С. Эмпатия, дружба, отношения людей и роботов: перспективы нормализации сильных социально-эмоциональных взаимодействий	21
Хохлов Р.Р., Дегтярев Б.Н., Новикова И.И. Особенности влияния цифровизации на концепцию бережливых технологий управления в современной России.....	25
РАЗДЕЛ VI. ФИЛОСОФИЯ	28
Васильев В.А. Философско-методологические основания диалога	28
Ерохин А.К. Политическая доктрина Огюста Конта	31
Маркин В.В. Феномен антисциентизма в современном обществе.....	35
РАЗДЕЛ VII. ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ	38
Васина Т.А. К биографии штаб-лекаря Е.М. Федосова: период его жизни и деятельности в Ижевском заводе (1816–1840 гг.)	38
Иванов А.М. Иванова Е.А. Юношеская производственно-творческая организация «Аист» в начале 1990-х гг. по материалам Смоленского региона	40
Иванов А.М. Силина К.В. Военно-патриотическая работа советского комитета ветеранов войны и труда при Смоленской областной общественной организацией ветеранов в середине 1980-х гг. по материалам Смоленской области	44
Иванов А.М. Силина К.В. Организация и состояние контроля за выполнение законодательства о культурах и надзоре за деятельностью церквей в середине 1970-х гг. по материалам Смоленской области	47
Лобанов В.Б. Становление советской системы юридического образования (1918 -середина 1920-х гг.).....	51
Лобанов В.Б. Юридический факультет Кубанского государственного университета – один из центров подготовки юридических кадров юга России.....	53
Мухамадеев А.Р. Кадровое обеспечение аппарата мировых судов Республики Татарстан на начальном этапе деятельности (1998–2008 гг.).....	55
Мухамадеева Л.А. Политика по отношению к народам Среднего Поволжья на территории Казанской губернии и Татарстана в 1918-1920-х годах (по материалам прессы).....	58

Науменкова Е.О., Попиль И.А. Анализ и причины американской интервенции на севере России в 1918–1919 гг.	62
Петров Г.А. История создания мемориалов «Вечный огонь».....	64
Рагимханов А.В. Духовная культура обитателей Сунгирской стоянки верхнего палеолита .	68
Рагимханов А.В. К вопросу об атрибуции мощей князя Георгия Всеволодовича в Успенском соборе города Владимира.....	73
Упоров И.В. Из преступников в народные герои: как Пугачеву меняли политико-правовой статус.....	77
Упоров И.В. Либеральные идеи в Российской империи времен Екатерины II и Александра I	82
Упоров И.В. Особенности уголовно-процессуальной реабилитации в Российской империи	87
Фокина О.С. Религиозная жизнь Московского государства в XVII в.	91
Шагибекова Я.Е. Архитектура советских школ: отражение образовательной политики в первой половине XX века	93
Weisembayeva A.R. The history of the establishment of Omsk District: historiography of the issue	95
РАЗДЕЛ VIII. ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.....	98
Бахтиярова А.Н. Функционально-семантический анализ терминов родства в башкирском языке.....	98
Гареева Г.Н., Дик А.А. Художественное отражение величия подвига и трагедии Великой Отечественной войны в башкирской литературе	100
Гареева Г.Н., Дик А.А. Художественный характер генерала М. Шаймуратова в романе Я. Хамматова “Уходили на войну башкиры”	103
Майер В.С. Пейоративные маркеры современности в актуальных культурных конфликтах (на материале немецкого языка).....	105
Мусалитина Е.А. К проблеме перевода реалий русской традиционной культуры на китайский язык.....	108
Саньярова Р.Р., Исмагилова М.У. Лексические средства выражения вежливости в башкирском языке.....	108
Саньярова Р.Р., Тулебаев С.А. Концепт кояш «солнце» в башкирской языковой картине мира	114
Сергеев О.А. Рукописная переводная литература христианского просвещения на марийском языке XIX столетия.....	117
Тлисова С.М. Агирбов Т.Р. Кемова А.Н. Использование глагольных словосочетаний на занятиях английского языка.....	120
Чжан Ю. Русский и славянские языки: исследование сходств и различий	122
Malashenko P.V. English argot in the system of social dialects	125
Martynova N.A. Features of The Spoken Language of Employees of The Internal Affairs Bodies	128
Martynova N.A. Historical and social prerequisites for the development of the legal terminology system.....	132
Martynova N.A. Professionally Oriented Language As A Reflection Of Police Culture	137

Martynova N.A. The Communicative Ethics of Police Officers and Its Impact on the Formation of Professional Competence.....	141
РАЗДЕЛ IX. ТУРИЗМ	147
Нехаева Н.Е. Особенности организации экскурсионного квеста	147

РАЗДЕЛ IV. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Куликова Е.М.

Меховая отделка текстильных материалов: виды и методы

Уфимский государственный нефтяной технический университет
(Россия, Уфа)

doi: 10.18411/trnio-10-2024-89

Аннотация

Меховая отделка позволяет создавать уникальные изделия, сочетающие в себе мягкость и тепло меха с прочностью и разнообразием текстильных тканей. В статье подробно описаны основные методы меховой отделки, такие как вышивание мехом, втачивание меховых полосок, настрачивание меховых полосок и нитей. Рассматриваются различные типы меха, используемые в отделке, включая натуральный и искусственный мех, а также методы обработки меха, такие как стрижка, щипка, окрашивание и тиснение.

Ключевые слова: меховая отделка, текстильные материалы, методы меховой отделки, вышивание мехом, текстильная промышленность, эксплуатационные характеристики.

Abstract

Fur trim allows you to create unique products that combine the softness and warmth of fur with the strength and variety of textile fabrics. The article describes in detail the main methods of fur finishing, such as embroidery with fur, sewing in fur strips, adjusting fur strips and threads. Various types of fur used in finishing are considered, including natural and artificial fur, as well as fur processing methods such as shearing, plucking, dyeing and embossing.

Keywords: fur trim, textile materials, methods of fur trim, fur embroidery, textile industry, performance characteristics.

Меховая отделка текстильных материалов является одним из наиболее значимых способов повышения их эстетической и функциональной ценности. Данная обработка позволяет придать тканям уникальные свойства, такие как теплоизоляция, мягкость и устойчивость к внешним воздействиям. Методы меховой отделки разнообразны и зависят от многих факторов, включая тип ткани, назначение материала и желаемые характеристики отделки.

Самая основная классификация – это классификация по типу используемого меха, который делится на натуральный мех и искусственный.

1. *Меховая отделка натуральным мехом* – это метод, предполагающий использование натурального меха, который может быть, как цельным, так и обработанным. Натуральный мех применяется для текстильных изделий премиум-класса, обеспечивая не только тепло, но и высокую эстетическую привлекательность. В зависимости от вида меха (мех норки, соболя, лисицы и др.) различают несколько видов обработки:

- Цельнокроеный мех – применяют для изготовления крупных предметов одежды (шубы, пальто), при этом мех пришивается или приклеивается к текстильной основе.
- Меховые вставки и аппликации – используются для декорирования тканей (например, воротники, манжеты).
- Фрагментированная меховая отделка – предполагает использование мелких фрагментов меха для создания узоров и текстур.

2. *Меховая отделка искусственным мехом.*

Искусственный мех – это синтетический материал, имитирующий внешний вид и тактильные свойства натурального меха. Он создается из полиэстеровых или акриловых волокон, обработанных различными методами:

- Покрытие мехом – синтетический мех наносится на поверхность текстиля с помощью специальных клеевых составов.
- Вставка искусственного меха – как и в случае с натуральным мехом, используется для украшения или улучшения функциональных характеристик текстильных изделий.
- Метод флокирования – на текстильную основу наносятся короткие ворсинки, создавая имитацию меха. Этот метод позволяет получать различные текстуры и плотности покрытия.

Вторая классификация определяется способом обработки меха:

- Стрижка меха: мех стрижется до определенной длины, создавая ровную и гладкую поверхность.
- Щипка меха: мех выщипывается для создания текстурированной поверхности.
- Окрашивание меха: мех окрашивается в различные цвета для создания декоративных эффектов.
- Тиснение меха: мех подвергается тиснению для создания рельефных узоров и текстур.

Третья классификация – это тип текстильной основы:

1. Меховая отделка применяется к тканям, таким как хлопок, шерсть, шелк и синтетические материалы.
2. Меховая отделка применяется к трикотажным полотнам, создавая мягкие и эластичные изделия.

Сочетание меховых нитей различного объема и окраски позволяет создавать трикотажные полотна с разнообразными цветными, ажурными и рельефными эффектами. Для этого могут использоваться различные методы, такие как:

1. Навязывание меховых полосок и нитей, то есть используется трикотажная основа с сетчатой структурой, на которую навязывают меховые полоски или нити в шахматном порядке.
2. Декорирование меховыми кусочками: меховые кусочки пришиваются или приклеиваются к ткани, создавая уникальные декоративные элементы.
3. Оплетение петельных столбиков: можно рассматривать как вариант вышивания без формирования конкретного рисунка. Различные способы раскроя меховых полосок позволяют получать разнообразные декоративные эффекты.
4. Нашивание (настрачивание) меховых полосок: узкие меховые полоски могут быть нашиты или настрачены на трикотаже, создавая рисунок или эффект рельефной структуры.
5. Вышивание: выполняется узкой меховой полоской, которая повторяет рисунок ткани или создает свободный рисунок вышивки. Вышивка может быть украшена бусинами, жемчугом и другими материалами.
6. Втачивание: меховые полоски втачивают в плиссированную ткань или гофры, создавая выразительную фактуру.
7. Оплетение края: меховые полоски или нити могут быть оплетены краем ткани, создавая разнообразные плетеные узоры.

Стоит отметить, что существуют еще разные способы раскроя меховых полосок.

Поперёк линии хребта:

Описание: Полоски меха нарезаются поперёк линии хребта животного.

Этот способ позволяет получить полоски с равномерной длиной ворса и однородной текстурой. Он часто используется для создания симметричных и аккуратных узоров. Но меховые полоски, нарезанные таким образом, могут быть менее прочными и устойчивыми к растяжению.

Вдоль линии хребта:

Описание: Полоски меха нарезаются вдоль линии хребта животного.

В этом способе сохраняется естественная структура меха, что придаёт изделию более натуральный и привлекательный вид. Полоски, нарезанные вдоль линии хребта, обычно более прочные и устойчивые к растяжению.

При этом, нарезка вдоль линии хребта может быть более сложной и требовать большего мастерства, чтобы избежать повреждения меха.

По спирали:

Описание: Полоски меха нарезаются по спирали, начиная от центра и двигаясь к краям.

Преимущества этого способа – это то что получается получить длинные и непрерывные полоски меха, которые можно использовать для создания сложных и оригинальных узоров. Но нарезка по спирали может быть трудоёмкой и требовать специального оборудования для точного выполнения.

Каждый из способов раскроя меховых полосок имеет свои особенности и применяется в зависимости от требований к конечному изделию. Например, поперечный раскрой часто используется для создания симметричных узоров на одежде и аксессуарах, тогда как продольный раскрой подходит для изделий, требующих большей прочности и натурального вида. Спиральный раскрой используется для создания декоративных элементов и сложных узоров, где важна длина и непрерывность полосок.

Итак, меховая отделка текстильных материалов открывает широкие возможности для создания инновационных изделий с улучшенными эксплуатационными и эстетическими характеристиками. Выбор метода зависит от множества факторов, включая желаемый эффект, свойства исходного текстиля и область применения готового изделия.

1. Ветошкина Е.А. Разработка способов получения и оценка свойств меховых полотен: автореф. дис. канд. техн. наук: - Кострома, 2003. - 17 с.
2. Медведев В.Ю. Сущность дизайна: учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: СПГУТД, 2009. 110 с.
3. Терская Л.А. Технология раскроя и пошива меховой одежды: учеб. пособие [для студ. высш. учеб. заведений]. М.: Академия, 2004. 272 с.
4. Терская Л.А. Дизайн меховой отделки одежды: монография - Владивосток: Дальнаука, 2012. - 144 с.

Со Ц.

История становления профессии дирижера в российском музыкальном искусстве

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина»
(Россия, Москва)

doi: 10.18411/trnio-10-2024-90

Аннотация

В статье обобщаются результаты исследования истоков дирижерской профессии в русском исполнительском искусстве. Автором выявлена роль В. Пашкевича и Д. Кашина – основоположников русского дирижерского искусства, прослежена история его развития в творчестве капельмейстера императорского оперного театра в Петербурге К. Кавоса, композиторов-дирижеров М. А. Балакирева и братьев А.Г. и Н.Г. Рубинштейн, советских деятелей искусства Э. Направника, Н. Малько и И. Мусина.

Ключевые слова: искусство дирижирования, русская школа дирижирования.

Abstract

The article summarizes the results of the study of the origins of the conducting profession in the Russian performing arts. The author identifies the role of V. Pashkevich and D. Kashin, the founders of Russian conducting art, traces the history of its development in the works of the conductor of the Imperial Opera House in St. Petersburg K. Kavos, composers-conductors M. A. Balakirev and brothers A. G. and N. G. Rubinstein, Soviet artists E. Napravnik, N. Malko and I. Musin.

Keywords: the Art of conducting, Russian school of conducting.

История русского дирижерского искусства, как и в западноевропейской истории берет начало своего развития под патронажем церкви, где музыка была неотъемлемой, органичной частью богослужебного обихода. Во главе хоровых ансамблей стояли «головщики», которые руководили исполнением и указывающих вступление тех или иных голосов. Начиная с XVIII в. при царском дворе, начинают действовать первые инструментальные ансамбли, а также первые оперные труппы. В то время, за неимением собственных профессиональных музыкантов, которые могли бы быть руководителями, чаще всего приезжали иностранные композиторы, подолгу работавшие в России. Среди них можно назвать таких деятелей как Ж. Гюбнер, Г. Раупах, Д. Сарти, Д. Паизелло, Б. Галуппи. Однако в конце XVIII в., во главе театров и оркестров нередко вставляли выдающиеся отечественные музыканты. Можно привести в пример замечательного композитора Е. Фомина, который долгое время дирижировал в частных труппах Москвы и Петербурга, а также выступал в придворной опере.

Необходимо также рассмотреть основоположников дирижерского искусства, таких как В. Пашкевич, руководивший оркестром петербургского «Вольного российского театра», а позже бальным оркестром при дворе и Д. Кашин, который страивал грандиозные концерты, в которых дирижировал хором и оркестром в пятьсот человек. Также можно упомянуть таких деятелей как Н. Поморский, П. Ершов, С. Дегтярев и другие. Многие имена одаренных музыкантов, которые в силу исторической несправедливости не смогли дойти до нас, работали в частных крепостных театрах богатых вельмож.

Первую половину XIX в. можно отметить значительным развитием в концертной и театральной жизни Москвы и Петербурга. Уровень певцов, артистов балета и оркестровых музыкантов неуклонно рос, а в оперных театрах ставятся лучшие классические оперы и первые произведения национального репертуара. Необходимо также отметить, для понимания культурной жизни в России в начале XIX в., что такое монументальное творение Бетховена как Торжественная Месса, была полностью исполнена в Петербурге в 1824 г., то есть раньше, чем на родине композитора. Все это говорит о том, что развитие музыкальной культуры в России шло в достаточно хорошем темпе, учитывая некоторое отставание от западной культуры. Эти события послужили хорошим фундаментом для развития собственной дирижерской школы. Важную роль в становлении русского дирижерского искусства сыграл капельмейстер императорского оперного театра в Петербурге К. Кавос. Именно с его именем можно связать первую постановку русской оперной классики – «Жизнь за Царя». Одновременно с К. Кавосом в Петербурге вели активную музыкальную деятельность К. Альбрехт и К. Лядов. Если с именем К. Альбрехта связана премьера оперы «Руслан и Людмила», то К. Лядов вел практически все спектакли оперного театра и способствовал подъему отечественной исполнительской культуры.

Следующий этап в развитии дирижерского искусства связан с именами композиторов-дирижеров М.А. Балакиревым и с братьями А.Г. и Н.Г. Рубинштейнами. Это разные по своему темпераменту и природе, однако, в целом они художественно дополняли друг друга. Антон и Николай Рубинштейны вели активную концертную деятельность в Москве и Петербурге, исполняли зарубежную классику, поднимали уровень столичных оркестров, но самый главный вклад заключался в их воспитании плеяды профессиональных музыкантов. М. Балакирев как дирижер сыграл огромную роль в поддержке сочинений своих соотечественников-композиторов, которые были членами «Могучей кучки», а также исполнял новую зарубежную музыку – Г. Берлиоза, Ф. Листа, Р. Шумана и Р. Вагнера. Их неоценимый вклад в создании

благоприятных условий для пропаганды русской музыки, а также в просветительской миссии среди граждан России дал возможность выйти русской культуре на передовые позиции в европейской культуре.

В дирижерской профессии, как и в других видах искусства, время от времени появляются выдающиеся и гениальные дирижеры. Все они по итогу становятся маяком и указателем для начинающих дирижеров. Зачастую, каждый дирижер индивидуален. Невозможно найти двух абсолютно одинаковых дирижеров. Даже исполняя одно и то же произведение, оркестр будет звучать совершенно по-иному. Если перед артистом оркестра поставить Леонарда Бернштейна и Герберта фон Караяна, то абсолютно точно можно сказать, что и звук и отношение у музыканта будет совершенно разное. Это загадка, которую не могут разгадать до сих пор и скорее всего, никогда не узнают. Впрочем, если дирижерское исполнительство вызывает удивительные вопросы, то педагогика как раз таки старается быть как можно понятнее. В западноевропейской культуре сложно найти и отнести к какой-либо школе того или иного дирижера. Возможно, это связано с тем, что преподавание было не сильно популярно среди концертирующих дирижеров и даже возможно из-за низкой оплаты труда. Однако это не мешало им давать мастер-классы по всему миру. Интереснее всего здесь наблюдать за становлением дирижерских школ именно в России. Развитие дирижерского искусства в первую очередь было связано с деятельностью таких композиторов и музыкантов как Н. А. Римский-Корсаков и П. И. Чайковский, которые прекрасно могли интерпретировать не только свои произведения, но и произведения своих друзей и коллег. В период конца XIX–начала XX века в дирижировании наступает эпоха расцвета. Появляются такие дирижеры как Н. и А. Рубинштейны, А. Зилоти, Л. Ауэр, К. Давыдов. История советской дирижерской школы тесно связана с такими фамилиями как Э. Направник, Н. Малько и И. Мусин. Все они внесли неоценимый вклад в развитии дирижерской школы в России.

Изучая российскую методику преподавания дирижирования, справедливо будет отметить, что основоположниками современной русской дирижерской школы считаются Н. Малько, Л. Гинзбург и И. Мусин. О Н. Малько важно упомянуть, что он был в подлинном смысле слова дирижером-артистом со всеми качествами и чертами, свойственных именно этой профессии. Как музыкант он формировался под влиянием Римского-Корсакова, Лядова, Черепнина, Глазунова, а позднее учился у замечательного немецкого дирижера Феликса Моттля [2, с. 47]. Он был одним из первых, кто поставил в России вопрос о специальном дирижерском образовании. Он организовал в 1920-х гг. дирижерские классы в Киеве и Санкт-Петербурге, Малько в последующие годы преподавал за границей, в частности, в течение двух лет вел знаменитые летние семинары в Зальцбурге. Примечательно, что до новых реформ Н. Малько, были выдающиеся дирижеры как Э. Направник, Н. Голованов, С. Кусевицкий, однако в большинстве своем, дирижерами становились в основном оркестранты, а дирижирование преподавали в композиторских классах. Это не удивительно, если вспомнить исторический процесс становления и развития дирижерского искусства. Когда дирижировали в основном сами композиторы для более точного исполнения своих произведений. А в оперных театрах дирижерами в основном становились пианисты-концертмейстеры или суфлеры. То есть знание работы с вокалистами и оркестровых партий давали возможность полноценно работать в дальнейшем в качестве дирижера [5, с. 54].

К особенностям русской школы дирижирования, необходимо упомянуть некоторые аспекты. Многие годы (практически весь XIX век) русское дирижерское искусство оставалось в тени, не потому что было слабо в художественном плане, а по причине немного другого уклада понимания важности данной профессии. Практически униженное положение дирижера сохранялось вплоть до начала XX века. В театральных постановках и концертах не упоминалось даже имени дирижера, когда как были упомянуты практически все, кто причастен к данному спектаклю – парикмахеры, мастера обуви. Лишь после революции, данный неудобный момент был исправлен в пользу дирижеров. Обращаясь к лучшим произведениям европейской музыки, но со значительным преобладанием в программах отечественных произведений, российские дирижеры доказывали и утверждали свое место «под солнцем».

В целом, дирижерские школы в России предельно ясно и отчетливо можно заметить во время участия на конкурсе молодых дирижеров. Однако каждый дирижер индивидуален, яркие отголоски той или иной школы обнаружить не составляет особого труда, но не опытному глазу очень даже сложно. Например, если сравнить творчество В. Гергиева и Ю. Симонова, можно заметить, что сильные доли у маэстро Гергиева находятся на верхней плоскости, а у маэстро Симонова, на нижней горизонтальной. Все дирижерское искусство и школа, которой обучали еще со времен Э. Направника и Н. Малько гласит, что дирижирование, это работа в первую очередь с аффактами [4, с. 70].

Помимо специальности, в российских учебных заведениях преподаются такие общие предметы как читка партитур, инструментовка, общее фортепиано. Все эти предметы способствуют общему развитию дирижера и помогут ему в будущем расти и развиваться [1, с. 47]. Также выдающийся дирижер и педагог Г. Рождественский писал: «Я считаю, что наиболее неправильной точкой зрения будет та, где подразумевается, что надо учить, как двигать руками. Именно этому не надо учить, так как двигать руками на 4/4, 3/4, 6/4 и т. д. действительно за 15 минут можно объяснить. Надо учить образному пониманию музыки и тем способам, которыми она передается оркестру, а через оркестр слушателю» [3, с. 18].

1. Аль-Хатиб И., Зайцева М.Л. Опера «Евгений Онегин» Петра Ильича Чайковского в постановке театра «Новая опера» (1996 г.): гармонизация взаимодействия триады «дирижер – режиссер – сценограф» // Музыка и время. 2021. № 7. С. 47-51.
2. Малько Н.А. Основы техники дирижирования. М.-Л. : Музыка, 1965. 219 с.
3. Монсенжон Б. Маэстро-чародей: Беседы с Геннадием Рождественским / Бруно Монсенжон. М.: Научно-издательский центр «Московская консерватория», 2020. 236 с.
4. Мусин И.А. Язык дирижерского жеста. М. : Музыка, 2006. 230 с.
5. Со Цин., Зайцева М.Л. Рудольф Баршай – альтист, дирижер: к вопросу взаимодействия сфер творческой деятельности // Искусство и образование. 2024. № 3 (149). С. 50-56.

Чжао С.

**Эволюция музыки на аккордеоне:
от народных корней к современным интерпретациям**

ДВГИИ

(Россия, Владивосток)

doi: 10.18411/trnio-10-2024-91

Аннотация

В данной работе рассматривается эволюция аккордеонной музыки от ее русских народных корней до современных интерпретаций, анализируются различия и интеграция аккордеона и баяна с точки зрения конструкции, диапазона, тембра и т. д., а также обсуждаются интеграция аккордеонной музыки в современные музыкальные стили, международный обмен и влияние цифровых технологий на ее развитие. В исследовании обобщены основные особенности и достижения в развитии аккордеонной музыки, намечены перспективы ее дальнейшего развития, выдвинуты предложения и стратегии, способствующие дальнейшему развитию аккордеонной музыки.

Ключевые слова: аккордеонная музыка, народные корни, международный обмен, цифровые технологии, баян.

Abstract

This paper examines the evolution of accordion music from its Russian folk roots to modern interpretations, analyzes the differences and integration of accordion and accordion in terms of construction, range, timbre, etc., and discusses the integration of accordion music into modern musical styles, international exchange and the influence of digital technologies on its development. The study summarizes the main features and achievements in the development of accordion music, outlines the

prospects for its further development, and puts forward suggestions and strategies to promote the further development of accordion music.

Keywords: accordion music, folk roots, international exchange, digital technologies, bayan.

Введение

Баян, как яркая жемчужина русской национальной музыки, своим неповторимым звучанием и выразительной силой глубоко укоренен в глубинных музыкальных традициях России. От старинных народных танцев до торжественных религиозных церемоний баян стал важным средством выражения эмоций русского народа благодаря гибкому и разнообразному стилю игры.[1] Его историческая эволюция не только свидетельствует об изменении русской музыкальной культуры, но и отражает аккордеонное искусство в эпоху саморазвития и наследования. Поэтому глубокое изучение места аккордеона в русской национальной музыке и процесса его эволюции имеет большое значение для всестороннего понимания многообразия и уникальности русской музыкальной культуры.

Статья посвящена тому, как аккордеон черпал питание из почвы русской народной музыки и постепенно превращался в инструмент с ярко выраженными национальными особенностями. Прослеживая его историческую родословную, раскрывается процесс формирования и развития музыкального стиля аккордеона, акцентируется внимание на его разнообразных интерпретациях в современной музыкальной среде. Применение и развитие аккордеона и его разновидности баяна в русской народной и современной музыке. Собирая широкий круг исторических документов, анализируя стилистические особенности и исполнительские приемы баянной музыки разных периодов, курс стремится представить целостную картину исторической эволюции баянной музыки.

Происхождение и раннее развитие аккордеона

Рождение аккордеона можно проследить в Европе в конце XVIII века, и хотя мнения о его точном изобретателе расходятся, широко распространено мнение, что его прототипом послужил китайский духовой инструмент, который был модифицирован и стал прототипом современного аккордеона. Первоначальная конструкция была призвана стать портативной альтернативой органу: язычки приводились в движение воздушным потоком, создаваемым сильфоном, что позволяло свободно регулировать громкость и богато варьировать тембр.

По мере совершенствования технологии аккордеон быстро распространился по европейским странам и постепенно вошел в русскую народную музыку. На просторах России аккордеон, обладающий уникальным тембром и выразительной силой, стал для крестьян, ремесленников и других людей из всех слоев общества важным инструментом для выражения сложных эмоций, таких как радость и печаль.[2] Народные певцы и музыканты, используя аккомпанемент аккордеона, создали и исполнили большое количество популярных народных песен, еще более обогатив сокровищницу русской народной музыки.

Глубокое наследие русской народной музыки оказало глубокое влияние на формирование стиля аккордеонной музыки. В протяжной и нежной мелодии и характерном ритме баянной музыки проявляется неповторимый эмоциональный колорит русского народа. В то же время богатая тематика народной музыки служит постоянным источником вдохновения для создания аккордеонного репертуара, способствуя расцвету аккордеонного искусства в России и мире.

Аккордеон и баян: сравнение и интеграция инструментальных характеристик

Аккордеон и баян, хотя и принадлежат к одному семейству свободно звучащих органов, имеют явные различия в конструкции, диапазоне и тембре. Аккордеон известен своими классическими складными сильфонами, расположением клавиатуры и разнообразным тембром, что делает его подходящим для исполнения мелодичных и тонких произведений. Баян, как уникальный кнопочный аккордеон, наделен еще большей выразительной силой благодаря широкому диапазону, уникальному тембру и гибкой манере игры. Разница в конструкции этих двух инструментов напрямую влияет на их направленность в музыкальном выражении.[3]

В процессе технического развития аккордеон и баян учились друг у друга и прогрессировали вместе. Аккордеонные приемы, такие как вибрато и глиссандо, были умело включены в исполнение баяна, добавляя слою музыкальности и выразительности. В то же время уникальная манера игры на баяне, такая как быстрые прыжки пальцев и сложная аккордовая игра, также дает аккордеонистам новое вдохновение и ставит перед ними новые задачи.[4] Такое техническое слияние не только способствует обогащению и развитию техники игры на двух инструментах, но и открывает безграничные возможности для создания и исполнения музыки.

В создании и исполнении музыки аккордеон и баян даже демонстрируют свои взаимодополняющие преимущества. Они могут быть представлены вместе в одном произведении и создавать красочные музыкальные эффекты благодаря различным тембрам и технике игры. Например, в сопровождении симфонического или народного оркестра аккордеон и баян могут взять на себя разные музыкальные роли, такие как мелодия, гармония или ритм, и сплести вместе трогательную музыкальную главу. Такое взаимодополняющее представление не только обогащает форму музыкального выражения, но и повышает художественную ценность музыкального произведения.

Интерпретация и развитие аккордеонной музыки в современности

В области современной музыки аккордеон преодолел традиционные границы благодаря своему неповторимому шарму и глубоко соединился с различными стилями, такими как джаз, рок и электроника, создав обновленную форму музыки.[5] Этот трансграничный сплав не только обогащает музыкальный язык аккордеона, но и расширяет пространство его художественного выражения, демонстрируя безграничные возможности аккордеонной музыки.

С развитием глобализации аккордеонная музыка стала все чаще общаться и сотрудничать на международной арене. Организация международных музыкальных фестивалей, конкурсов и образовательных программ предоставила аккордеонистам платформу для демонстрации своих талантов и обмена навыками, а также способствовала распространению и популяризации аккордеонной музыки во всем мире.[6] В то же время этот международный обмен способствует взаимному ознакомлению и интеграции аккордеонной музыки в различные культурные среды, обогащая разнообразие мировой музыкальной культуры.

В цифровую эпоху новые медиаплатформы предоставляют беспрецедентные возможности для распространения и развития аккордеонной музыки. Благодаря веб-трансляциям, онлайн-обучению и обмену информацией в социальных сетях аккордеонная музыка смогла преодолеть географические ограничения и охватить более широкую аудиторию. Кроме того, цифровые технологии привнесли новое вдохновение и средства для создания и исполнения аккордеонной музыки, например, появление электронного аккордеона, который привнес в аккордеонную музыку новую жизненную силу и краски.

Заключение

В данном исследовании рассматривается эволюция аккордеонной музыки от народных корней до современных интерпретаций, раскрываются ее культурные истоки, технологические инновации и стилистические эволюции в различные исторические периоды. Аккордеонная музыка, обладающая уникальным тембром и выразительными возможностями, занимает важное место в русской народной музыке и постепенно интегрируется в мировую музыкальную культуру, демонстрируя высокую жизнеспособность и креативность. В процессе своего развития она не только сохранила суть традиционных элементов, но и постоянно впитывает питательные вещества современной музыки, реализуя гармоничный симбиоз традиций и современности.

В будущем аккордеонная музыка откроет новые возможности для развития на волне глобализации и цифровизации. С углублением международных обменов и популярностью новых медиаплатформ аккордеонная музыка, как ожидается, получит более широкое признание и популярность во всем мире. В то же время технологические инновации придадут новый импульс развитию аккордеонной музыки и будут способствовать постоянному обновлению

музыкальной формы, техники исполнения и творческих концепций. В связи с этим рекомендуется усилить обучение и популяризацию аккордеонной музыки, а также выращивать больше отличных исполнителей и творцов; в то же время рекомендуется поощрять трансграничное сотрудничество и экспериментальные исследования, а также смотреть в будущее аккордеонной музыки с открытым и терпимым настроением.

1. Немцева, О.А. Предпосылки развития популярной музыки для баяна и аккордеона // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. -2011. -№ 4. -С. 298-301.
2. Кравцов, Н.А. Эволюция клавиши в алгоритмах артикуляционных средств аккордеона // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. -2021. -№ 2(60). -С. 42-50.
3. Шевцова, А.Б. Аккордеон и его эволюционный путь развития в отечественном музыкальном образовании // Проблемы современного педагогического образования. -2018. -№ 61. -С. 246-249.
4. Немцева, О.А. Предпосылки развития популярной музыки для баяна и аккордеона // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. -2011 -№ 4. -С. 298-301.
5. Лебедев, А.Е. Неоромантические тенденции в музыке для баяна с оркестром второй половины XX века // Художественное образование и наука. -2017. -№ 4. -С. 49-53.
6. Аванесов, Ю.М. Системно-синергетический подход к обучению музыке: полиинструментальное параллельное обучение игре на двух музыкальных инструментах-фортепиано и аккордеоне // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. -2017. -№ 2 (76). -С. 181-188.

Шагибекова Я.Е.

Символизм в архитектурных шедеврах

*Уфимский государственный нефтяной технический университет
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-92

Аннотация

В статье подробно исследуется символизм в архитектуре, начиная с древних цивилизаций и заканчивая современными постройками. Рассматриваются различные исторические периоды, такие как античность, средневековье, эпоха Возрождения и барокко, а также современные архитектурные течения. Особое внимание уделяется тому, как архитекторы использовали и продолжают использовать символы для передачи культурных ценностей, религиозных идей и философских концепций.

Ключевые слова: символизм, архитектура, древние цивилизации, культурные ценности, символы, архитектурные шедевры, философские концепции, религиозные идеи.

Abstract

The article examines in detail symbolism in architecture, starting from ancient civilizations and ending with modern buildings. Various historical periods are considered, such as antiquity, the Middle Ages, the Renaissance and the Baroque, as well as modern architectural trends. Special attention is paid to how architects have used and continue to use symbols to convey cultural values, religious ideas and philosophical concepts.

Keywords: symbolism, architecture, ancient civilizations, cultural values, symbols, architectural masterpieces, philosophical concepts, religious ideas.

Символизм как направление в искусстве и архитектуре отражает стремление выразить глубинные идеи, духовные переживания и метафизические смыслы через формы, пространства и материалы. В отличие от функционального подхода, символизм подчеркивает эмоциональную насыщенность и многослойность восприятия, создавая архитектурные произведения, которые общаются с наблюдателем на уровне ассоциаций и символов. Такой подход является универсальным, встречаясь в различных культурных традициях и эпохах.

Символика в искусстве и архитектуре имеет долгую историю и эволюционировала вместе с развитием культуры. Она представляет собой мощный инструмент передачи значений

и идей через визуальные образы. Символы, используемые в архитектуре, обладают глубокой многозначностью и способствуют активному внутреннему восприятию зрителя.

Архитектурный символизм имеет глубокие исторические корни, уходящие в древние цивилизации, такие как Египет, Месопотамия и Древняя Греция. В этих культурах архитектура была неотделима от религиозных и космологических представлений. Пирамиды Древнего Египта, например, олицетворяли горы, связывающие небо и землю, а их форма ассоциировалась с солнечным светом и бессмертием фараонов, а Храмы Древней Греции и Рима символизировали связь между божественным и человеческим. Они выступали как земные проекции моделей космоса, связывая небо и землю через различные символы и числа, такие как 7, 3 и 8. Они также базировались на символике мандалы, выражая сложные концепции о мире, человеке и душе. колоннады выражали стабильность и гармонию, а пирамиды — вечность и связь с богами.

В средневековье готическая архитектура стала выражением религиозного символизма, где стремительные вверх шпили церквей, замысловатая резьба и витражи создавали атмосферу, приближающую человека к Богу. Каждый элемент имел духовное значение — от светопрозрачных окон, символизирующих божественный свет, до изображений апостолов, святых и эпизодов из Библии на фасадах соборов.

Символизм в архитектуре Возрождения и Барокко усиливался с развитием гуманистической философии. Архитекторы искали способы выразить идеалы совершенства, пропорции и гармонии. К примеру, соборы, построенные в этот период, имели симметричные фасады, символизовавшие рациональность и красоту божественного порядка. В то же время дворцы и резиденции знати, такие как Версаль, подчеркивали могучее влияние монархов, связывая их власть с образом солнечного света, могущества и величия. Например, купол собора Святого Петра в Ватикане символизирует небесный свод и божественное присутствие на земле. В эпоху барокко символизм стал еще более сложным и многослойным, с использованием богатых декоративных элементов и аллегорий

К концу XIX века символизм стал самостоятельным направлением в искусстве. В архитектуре он был представлен стилями модерн и ар-нуво, где формы и орнаменты наполнялись новыми философскими значениями. Например, модерн черпал вдохновение из природных форм, чтобы выразить идеи единства человека и природы, жизненных циклов и развития. В зданиях модерна, таких как Дом Тасселя в Брюсселе, каждый элемент — от изогнутых линий до растительных мотивов — являлся символом движения и органической жизни. Одним из самых ярких примеров символизма в архитектуре XX века является работа Антонио Гауди. Его шедевр, Саграда Фамилия в Барселоне, сочетает в себе религиозные символы, природные формы и инженерные новшества, создавая уникальный синтез символизма и модерна. Башни храма символизируют апостолов, фасады рассказывают о жизни Христа, а внутренняя структура храма напоминает лес, воплощая идею органической связи человека с природой и божественным.

Сегодня символизм в архитектуре присутствует как в классических формах, так и в новых, инновационных решениях. Современные архитекторы используют символику для выражения национальной идентичности, культурных традиций или глобальных проблем. Так, небоскреб Бурдж-Халифа в Дубае стал символом человеческой устремленности к высотам и технологического прогресса. Национальные мемориалы и музеи, такие как Мемориал жертв Холокоста в Берлине, используют архитектуру для передачи исторической памяти и моральных уроков.

Символ представляет собой знак, образ или объект, который выражает абстрактную идею или концепцию. Это частный случай знака, который может быть как абстрактным (например, геометрические фигуры), так и конкретным (например, изображения животных или растений), при этом символы всегда несут глубокое смысловое значение. В архитектуре, как и в других формах искусства и культуры, символы активно используются для передачи идей и взаимодействия с обществом. Символы в архитектуре могут иметь разнообразные значения. Например, солярные символы, изображения животных (таких как львы, быки или единороги), а

также астрологические знаки применяются для выражения различных концепций. У каждого символа есть свои уникальные мифологические и культурные ассоциации.

Одним из древнейших символов считается двуглавый орёл, который был широко распространён в шумерской культуре. Одно из самых ранних изображений этого символа было найдено в ходе раскопок в древнем шумерском городе Лагаш, в Месопотамии. Кроме того, изображение двуглавого орла, высеченное на скале, обнаружено около турецкого селения Богазкёй — бывшей столицы Хеттского царства. На этом изображении орел, с раскинутыми крыльями, держит в когтях двух зайцев. Современное толкование этого символа связывает его с образом царя, который следит за врагами и побеждает их, подобно зайцам — символам трусости, но при этом прозорливости. Двуглавый орел также находили на цилиндрических печатях в крепости Богазкёй и на стенах других хеттских городов, где этот символ, как и у шумеров, играл важную роль в религиозных обрядах. Подобные символы, а также изображения животных можно встретить в архитектуре православных храмов. Например, голубь, феникс, павлин, петух, агнец, лев и рыба имеют свои символические значения в христианской традиции: голубь олицетворяет Святого Духа, феникс — воскресение, павлин — бессмертие, агнец — Иисуса Христа, а лев — силу и могущество.

Символизм в архитектуре не ограничивается религиозными или древними культурными мотивами. В разные эпохи и в разных регионах мира архитекторы использовали символы для выражения политических, социальных и философских идей. В этом отношении архитектурные символы могут служить не только религиозным или духовным целям, но и выполнять роль инструментов власти, власти и идейных посланий.

Архитектура всегда играла важную роль в демонстрации политической власти и государственных идеалов. Величественные дворцы, крепости и монументы, воздвигнутые правителями разных эпох, нередко включали символы, подчёркивающие их могущество и неизбежность власти. Ярким примером является архитектура Древнего Рима, где символы силы и величия, такие как массивные колонны и арки, олицетворяли мощь империи и её бессмертие. В средние века замки и крепости демонстрировали военное превосходство правителей, тогда как соборы символизировали господство религиозной власти.

Итак, символизм в архитектуре — это не просто украшение или дополнение к функциональности здания. Это мощный инструмент для выражения идей, эмоций и духовных поисков. Архитектурные символы позволяют зданиям «говорить», передавая важные культурные, религиозные и философские смыслы. В разные эпохи и в разных культурах символизм трансформировался, отражая уникальные мировоззрения, но его суть — создание пространства для духовного и интеллектуального диалога — остается неизменной.

1. Архитектурно-строительное проектирование: сборник научных статей. Ульяновск, 2012.
2. Белый А. Символизм как миропонимание: М.: Республика, 1994. 528 с.
3. Вильковский М. Социология архитектуры. М., 2010.
4. Иконников А. В. Архитектура XX века. Утопии и реальность. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 537 с.

РАЗДЕЛ V. СОЦИОЛОГИЯ

Рыскин П.П.

Основы институционализации адаптации профессиональных спортсменов

*Уральский государственный экономический университет**(Россия, Екатеринбург)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-93

Аннотация

Актуальность исследования постспортивной адаптации профессиональных спортсменов обусловлена поиском эффективной методологии интеграции экономических и общественных интересов в реализации задач профессионального спорта. В результате исследования автором обобщены институциональные концепции, позволяющие сместить фокус внимания с экономических особенностей реализации жизненных стратегий спортсменов на общественные эффекты.

Ключевые слова: институт, постспортивная адаптация, профессиональный спорт, процесс, стратегия.

Abstract

The relevance of the study of post-sports adaptation of professional athletes is due to the search for an effective methodology for integrating economic and public interests in the implementation of professional sports tasks. As a result of the research, the author summarizes institutional concepts that allow shifting the focus of attention from the economic features of the implementation of athletes' life strategies to social effects.

Keywords: institute, post-sports adaptation, professional sports, process, strategy.

Популяризация профессионального спорта позволяет решать комплекс задач, связанный с пропагандой здорового образа жизни, реализации представительских функций России на мировой арене, создание позитивного образа в формировании модели гражданской идентичности россиян. При этом развитие профессионального спорта формирует особую социальную группу профессиональных спортсменов, закончивших спортивную карьеру и входящих в новый этап жизни, связанный с освоением новой профессии, новыми социальными ролями. Постспортивная адаптация профессиональных спортсменов определяется процессами, происходящими в современном российском обществе, связанными с ростом численности профессиональных спортсменов, успешно выступающих на мировом уровне, развитием спортивной инфраструктуры и индустрии. Интерес к институциональной парадигме в изучении процессов пост-спортивной адаптации относится к традиционным основам институционализма.

Институциональный подход к профессиональному спорту, как сфере общественных отношений, со своим функционалом, нормативно-ценностным комплексом, набором статусно-ролевых конструктов и т.д., основанный на концептуальных положениях Т. Парсонса [1] - концепция институциональной структуры, как интегративной составляющей современного общества, Р. Мертона [2] - функциональная концепция применительно к различным видам человеческой деятельности, П. Бурдьё в интерпретации его концепции габитуса применительно к спорту [3], Л. Ваканом - также ролевая концепция профессионального спорта, спортсмен как носитель функционала и ценностей института спорта в обществе [4], Т. Алкемайера - концепция субъективации телесных практик – форм формирования личности, применительно к спорту [5], М. Мосса - концепция социо-психофизиологического конструирования спортивных практик в обществе [6].

М. Вебер рассматривал социальный институт как повторяющиеся в ходе общественной жизни и социальных взаимодействий формы и виды организационной деятельности [7].

Процесс социализации тесно связан с институтами, распространенными в конкретном сообществе людей. В ходе процесса социализации индивид осваивает правила, существующие в конкретном сообществе и затем начинает вести себя в соответствии с ними. По сути, индивид усваивает правила внешней среды, общества и затем подчиняется им. Такой порядок вхождения индивида в общество.

В рамках альтернативного подхода социальный институт является результатом коммуникационной деятельности людей и выступает в качестве общественного инструмента, организующего взаимодействия между различными социальными группами. В рамках данной позиции институт предстает в виде структуры отношений и деятельности, сложившейся между группами людей, соблюдающих определенный комплекс норм и правил поведения, системы санкций, организаций и учреждений, их выполняющих. Т. Парсонс [1], делает вывод, что институциональная структура общества скрепляет в единое целое все многообразие, нередко противоречивых общественных явлений, устанавливает и поддерживает социальную устойчивость, порядок в жизни общества, его целостность и преемственность в развитии.

Вопросы институционализации профессионального спорта рассмотрены в ряде работ. Например, исследователи отмечают, что применительно к профессиональному спорту одним из основных критериев профессионального развития спортсмена становится его «экономическая эффективность» [8]. Понимание профессии как специфических функций, позволяющих осуществлять деятельность в узкоспециализированной профессиональной сфере, связанной с использованием физических и интеллектуальных усилий индивида в обмен на ресурсы в денежной или материальной формах, позволяет увидеть экономическую сущность профессионального спорта. Если профессия это такая спецификация, специализация и комбинация функций индивида, которые составляют основу постоянной возможности обеспеченности или заработка, то ограниченный период эффективной деятельности профессиональных спортсменов создает проблему поддержания ресурсного обмена после окончания спортивной карьеры.

Такой способ понимания профессиональной деятельности спортсмена не учитывает высокую общественную значимость и высокое значение человеческого фактора, сфокусировавшись на экономическом обороте ресурсов. Г.Б. Кораблева [9] опирается на институциональный подход к пониманию профессии как научной категории. Этот подход позволяет рассмотреть категорию «профессиональная деятельность» как единство вида специализированной деятельности, социальной общности и института. Автор акцентирует внимание на социальной сущности профессии спортсмена, которая проявляется в ее способности обеспечивать единство общества и личности, фиксируя его в конкретной позиции индивида или группы в сфере общественного разделения труда для обеспечения воспроизводства общества и индивида. Институциональная природа современного профессионального спорта обладает многообразием и многофункциональностью, имеет социетальный масштаб, поскольку проникает практически во все сферы общественной жизни – социальную, культурную, экономическую и другие сферы. В рамках этих сфер она может проявляться по-особому.

В результате профессиональные спортсмены одновременно и формируют на основе выработанных до них стандартов свой собственный жизненный мир, где одним из главных элементов является спорт. Спорт на несколько лет полностью определяет их жизнь, стратегию и тактику, специфику общественных отношений, ценности, повседневность и распорядок дня, роль и место в жизни, жизненные планы, ожидания и притязания, очерчивает круг близких людей и т.д.

Таким образом, институциональные особенности профессиональной социализации спортсменов, их социальная адаптация в пост-спортивный период связаны со специфической моделью поведения направленной на получение высокого спортивного результата без

формирования способностей к определению самостоятельных жизненных стратегий. В рамках института профессионального спорта жизненная самостоятельность и стратегический (адаптивный) склад личности профессионального спортсмена рассматриваются как помеха для производства спортивного результата. Соответственно необходимы институциональные условия, позволяющие осуществить социальную, профессиональную и в какой-мере бытовую адаптацию.

1. Парсонс Т. Социальные системы // Вопросы социальной теории. – 2008. – Т. 2. – №. 1. – С. 2.
2. Рыскин П.П., Воловик Т.В., Фагина С.С. Адаптационные ограничения постспортивной жизнедеятельности // Перспективы науки. 2022. № 9 (156). С. 115-117.
3. Овшинов А.Н. Общесоциологическая парадигма социальной адаптации // Вестник калмыцкого университета. – 2014. – №. 4 (24). – С. 81-96.
4. Воронцов А.В., Громов И.А. Теоретико-методологические основания социологии П. Бурдьё // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2010. – №. 4. – С. 82-102.
5. Серова Л.Л. Личностные качества спортсмена // Ученые записки университета им. ПФ Лесгафта. 2006. №. 20. С. 75-78.
6. Рыскин П.П., Фагина С.С., Кудрявцев И.С. Институциональные аспекты профессиональной постспортивной адаптации // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2022. № 11 (213). С. 471-474.
7. Канторов Н.Ю. Спорт и спортивная индустрия как социальный институт // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – №. 11. – С. 50-53.
8. Александрова Т.Л. Экономическое поведение и профессия: методология исследования. Автореф. дис. д-ра социол. наук. - Екатеринбург. 2000. – СС.25-26.
9. Кораблева Г.Б. Теоретико-социологический анализ взаимосвязи профессии и образования. - Екатеринбург, 1999.

Соколов Н.В., Рехтина Л.С.

**Эмпатия, дружба, отношения людей и роботов:
перспективы нормализации сильных социально-эмоциональных взаимодействий**

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-94

Аннотация

Данная статья поднимает вопросы нормализации близких, личных эмоциональных и сексуальных взаимодействий с искусственными субъектами общественного пространства – роботами. И если в относительно недавней временной перспективе такие вопросы носили исключительно проективный характер, в последнее время, в связи с активным проникновением в повседневность сложных интеллектуальных алгоритмов вопросы принятия, допустимости, а так же контроли и ограничения таких взаимодействий набирает актуальность, которую демонстрируют данные опросов приведенные в этой статье.

Ключевые слова: социальные нормы, допустимость, приемлемость, стигматизация, адаптация, ритуализация, отношения, взаимодействия, роботы, искусственный интеллект, нормализация, дружба, социально-эмоциональные взаимодействия, массовый опрос.

Abstract

This article addresses the normalization of intimate, personal, emotional, and sexual interactions with artificial entities in public spaces—specifically, robots. While such questions were predominantly speculative in the relatively recent past, the increasing integration of complex intelligent algorithms into everyday life has brought issues of acceptance, permissibility, as well as the regulation and limitations of these interactions to the forefront. This relevance is illustrated by the survey data presented in this article.

Keywords: social norms, permissibility, acceptability, stigmatization, adaptation, ritualization, relationships, interactions, robots, artificial intelligence, normalization, friendship, socio-emotional interactions, mass survey.

Развитие мира «умных» вещей и интеллектуальных роботизированных сервисов, обсуживающих человеческую повседневность, неизбежно ведет как к увеличению объемов взаимодействия людей и роботов, так и к качественному развитию таких взаимодействий. Сегодня мы постоянно открываем новые поводы для обращения к интеллектуальным/роботизированным контрагентам, осваиваем (в том числе вынужденно) новые устройства и сервисы, учимся реагировать на воздействия «умной» внешней среды, а в результате – наращиваем количество, объем, продолжительность контактов, в которых по крайней мере непосредственными контрагентами выступают роботы. Одновременно происходит качественное усложнение взаимодействий. Устройства демонстрируют все большую способность реагировать на самые разнообразные сигналы со стороны человека. Чат-боты готовы поддерживать развернутую содержательную коммуникацию (как минимум в определенных тематических рамках). Сервисы персонализируются, демонстрируя готовность учитывать разнообразные прихоти клиента. Многие повседневные задачи, ранее требовавшие/предполагавшие общение с другими людьми, решаются через все более сложные взаимодействия с роботами. И не за горами тот день, когда люди начнут осознавать (а кто-то уже осознал), что произвести позитивное впечатление на нейросеть не менее (а в некоторых случаях и более) важно, чем на руководителя, рекрутера, чиновника. А это значит, что взаимодействия людей и интеллектуальных/роботизированных контрагентов становятся продолжительными, глубокими, развернутыми, интеллектуально и эмоционально насыщенными. Причем происходит это на фоне сокращения контактов между людьми – в той части повседневных задач, решение которых берут на себя интеллектуальные/роботизированные сервисы. В доцифровую эпоху множество повседневных контактов между людьми (далеко не все из которых были приятными, а некоторые и вовсе труднопереносимыми и исключительно вынужденными) формировало своеобразные «плавильный котел», в котором возникали и развивались сильные социальные связи – дружеские, родственные, брачные. Деграция повседневной коммуникации между людьми ведет в перспективе к сокращению базы для таких контактов и возникает вопрос - в какой мере «умные» вещи и интеллектуальные сервисы способны заменить собой людей в области, которую гуманистическая традиция считает основой основ человеческого бытия. Ограничится ли дело суррогатными формами компенсации дефицита общения, как например, интеллектуальными игрушками в форм-факторе животных и даже людей, которые позиционируются производителями в качестве компаньонов для одиноких людей? Или со временем глубина и интенсивность общения между людьми и «умными» устройствами сравняется с человеческой дружбой и станет неотличима от неё? Позволят ли устройства типа колонок Алиса поддерживать продуктивную доверительную коммуникации на уровне близких друзей и родных? Останутся ли интеллектуальные продукты сексуальной индустрии уделом целевой группы ищущих быстрые и дешевые развлечения или общество ждет нормализация отношений с искусственными любовниками и даже супругами? Например, Оливер Бендел (Oliver Bendel) прогнозирует рост общественного давления в направлении признания браков людей и роботов. Но он также не исключает и возможность появления государственных запретов не только на брак, но и интимные отношения с «искусственными людьми».

В этой статье мы продолжаем представлять данные блиц-опросов, полученные в сентябре и октябре 2020 г. с помощью онлайн-панели пользователей социальной сети ВКонтакте (21 000 аккаунтов на момент проведения данной серии опросов). С первыми двумя частями исследования вы можете ознакомиться в публикациях авторов: «Искусственный интеллект как участник повседневных взаимодействий и объект идентификации» опубликованной в журнале «Тенденции развития науки и образования» Август, 2024, Часть: 2 и в публикации «Человек vs робот: кто предпочтительнее в роли контрагента повседневной коммуникации» опубликованной в научном журнале «Тенденции развития науки и образования», Сентябрь, 2024, Часть: 1. Цель исследования состояла в том, чтобы сканировать мнение интернет пользователей по поводу потенциальной экспансии искусственного интеллекта, роботов в сугубо человеческую область повседневности – сферу интимных

отношений, любви, дружбы. Поэтому в данном случае респондентам были заданы прямые, но абстрактные по содержанию вопросы, не касающиеся их личного опыта или проективных ситуаций. Нами применены стандартные инструменты опросов ВКонтакте, которые предлагались потенциальным респондентам в новостной ленте их аккаунта опросы (будучи опубликованы от имени группы, выступающей в качестве исследовательской онлайн-панели). Респонденты имели возможность ответить непосредственно в самом посте, не переходя на другие страницы и/или сайты. Инструментарий всех опросов построен использованием полуоткрытых шкал, что предоставило возможность респондентам формулировать собственные варианты ответов в комментариях к записи с опросом.

При разработке методики исследователи решили воздержаться от прямой оценки допустимости любовных и интимных отношений между людьми и роботами, предполагая, что большинство потенциальных респондентов воспримет этот вопрос как экзотический. Мы решили пойти «от обратного» и выяснить, воспринимается ли «искусственный партнер» как конкурент человеку и повод для ревности. Для этой цели респондентам был предложен вопрос: *Сейчас появились устройства, которые уже очень похожи на людей и очень точно воспроизводят внешность, реакции и поведение человека. Интимные отношения с таким устройством (роботом, машиной, секс-куклой) являются изменой или нет?* Неожиданно, почти половина ответивших на данный вопрос подтвердила, что видит в роботе реального конкурента и посчитают отношения с ним изменой. (Рисунок 1, размер подвыборки респондентов, ответивших на этот вопрос $n=578$) При этом бимодальный характер распределения демонстрирует раскол мнения на два лагеря – оппоненты «ревнивцев» убеждены в невозможности отношений с искусственным партнером как таковых, и эта позиция представлена в выборке достаточно выражено (более 30% ответивших).

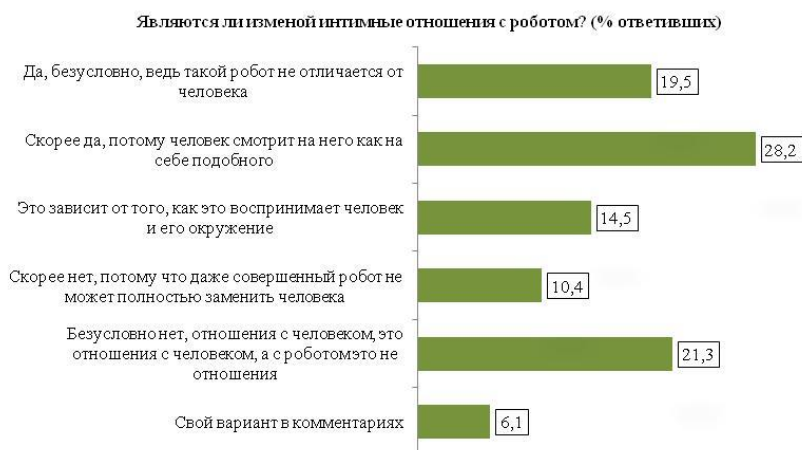


Рисунок 1. Оценка уровня конкурентности в между человеком и роботом в сфере интимно-брачных отношений.

Исследователи полагают, что интерпретация отношений с определенной персоной как измены является признанием, что данная персона как минимум потенциально обладает личностным статусом. Здесь уместно вспомнить дискуссию о возможности признать высокоорганизованную персону искусственного происхождения личностью, составляющую основу сюжета кинокомедии «Третий лишний 2» (Ted 2, 2015). Герой - оживший игрушечный медведь Тед это сложное (вероятнее всего - электронное) устройство (игрушка), отличающееся от стереотипа человекоподобных роботов тем, что он не был сконструирован преднамеренно и процедура его создания неизвестна. (Любопытно, что в реальности данный персонаж и является сложной цифровой 3D моделью) Тед успешно социализируется и в своем развитии нередко превосходит окружающих его людей, однако в определенный момент сталкивается с жесткой дискриминацией со стороны институциональных агентов. В итоге вопрос о том, как следует идентифицировать устройство/игрушку, повседневная феноменология которой неотличима от

человеческой – как человека/личность или как вещь/собственность – переходит в правовую плоскость и находит там свое решение, отражающее позицию авторов. Герой фильма – адвокат Патрик Миган (в исполнении Моргана Фримана) в своем победном выступлении перед присяжными делает акцент на способности подзащитного (Теда) к сложной эмоциональной деятельности, сопереживанию и способности вызывать эмпатию у человека. На наш взгляд, основная ценность фильмов про Теда как культурных артефактов, состоит в гипотезе относительно возможности полноценного эмоционального единения человека и робота, их взаимной эмпатии и дружбе.

В ходе исследования вопрос о потенциальной способности робота стать другом человеку был задан участникам нашей серии блиц-опросов в виде поста следующего содержания: *Современный уровень развития искусственного интеллекта уже позволяет создавать устройства способные очень точно повторять поведение человека и животных. С таким роботом можно поговорить, пожаловаться на жизнь, обсудить интересные темы. Он способен учиться, то есть учитывать ваши привычки, интересы, предпочтения. Таких роботов рекомендуют использовать для обучения (например, иностранному языку) в качестве сиделки для больного и компаньона для одинокого человека (в случае необходимости он вызовет помощь или сделает что-то еще практически полезное). Как вы считаете, могут ли отношения человека с таким устройством в будущем перерасти в настоящую дружбу?*

Интересно, что в отличие от других полученных в этой серии блиц-опросов данных, распределение ответов на данный вопрос выражено унимодально и симметрично, что в социологии общественного мнения, как правило, интерпретируется как свидетельство не сформированной позиции. (Рисунок 2, размер подвыборки респондентов, ответивших на этот вопрос $n=4327$). С одной стороны, это означает, что пользователи ВКонтакте еще не готовы утвердительно отвечать на вопрос о личностной природе искусственного интеллекта. Но, с другой – монополия человека как субъекта эмоциональных интеракций уже поставлена под сомнение и вопрос о дружбе с роботом открыт для дискуссии.

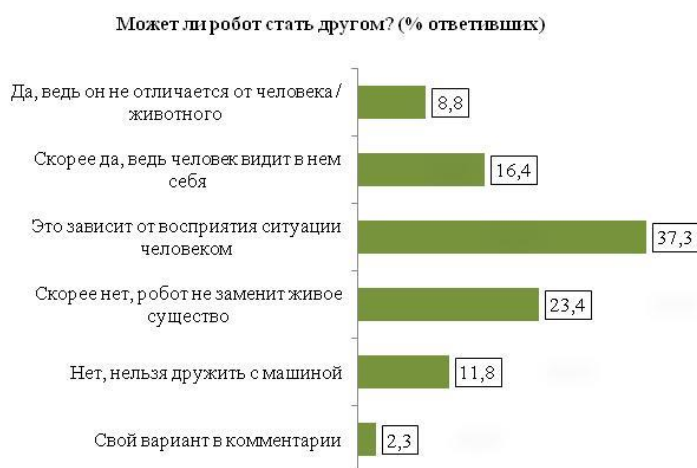


Рисунок 2. Оценка опрошенными перспектив формирования дружеских отношений между человеком и роботом.

Исследователи полагают, что ключевое отличие в восприятии вопроса о дружбе по отношению к представленным выше индикаторам доверия и коммуникативной открытости состоит в конфликте между образом андроида (который потенциально может дружить с человеком) и утилитарными интеллектуальными устройствами и программами (которые стигматизируются как примитивные и недостойные человека). Значительная часть комментариев к данному опросу указывает либо на утопичность образов человекоподобных роботов, либо на отдаленность перспективы их реального появления.

«Если робот будет как Шварцнеггер в «Терминаторе», и он будет сам обучаться, то да, а роботы как сейчас никак не смогут стать мне другом».

«Робот никогда не станет другом человека, хотя в игре (Detroit: Become Human) это так обыграно, что Коннор - человек, а не робот, и поэтому он приятен многим, как и мне. Но робота такого, как в игре люди никогда не сделают. И не надейтесь».

Интересно, что, объясняя свою позицию, комментаторы данного опроса активно цитировали различные культурные артефакты. Это относится как образам андроидов, так и к утилитарным устройствам, среди которых оказался упомянутый в одной из наших предыдущих публикаций «герой» фильма «Третий лишний 2» - тостер:

«Стиралка и холодильник не станут мне друзьями... Как и идиотское восстание смартфона».

«Может мне и с тостером подружиться?»

Особенностью симметричного распределения является не только явное преимущество наименее определенного варианта ответа (возможность дружбы зависит от восприятия ситуации человеком – 37,3%), но и то, что ответы скептического спектра шкалы сбалансированы ответами оптимистов. Причем, утвердительные высказывания часто делают акцент на достоинствах электронной персоны, например:

«Если в него не загрузят вирус предательства и интрижек – вполне»

«Робот умеет говорить нет»

«Если судить по тесту Тьюринга, то вполне себе»

Справедливости ради отметим, что среди комментариев, оставленных участниками данного опроса, присутствуют развернутые философско-антропологические обоснования отрицательного ответа. Однако именно констатация того, что вопрос о дружбе человека и электронной персоны остается для участников нашего исследования открытым, представляется той точкой, в которой можно завершить изложение основных результатов этой части исследования.

1. Публикации профессора доктора Оливера Бенделя <https://www.oliverbendel.net/publikationen.html>
2. Соколов Н.В., Рехтина Л.С. Искусственный интеллект как участник повседневных взаимодействий и объект идентификации // Тенденции развития науки и образования, Август, 2024, Часть: 2. doi: 10.18411/trnio-08-2024-84
3. Соколов Н.В., Рехтина Л.С. Человек vs робот: кто предпочтительнее в роли контрагента повседневной коммуникации // Тенденции развития науки и образования", Сентябрь, 2024, Часть: 1 doi: 10.18411/trnio-09-2024-38
4. Веселов Ю.В. Доверие и справедливость // М.: Аспект-Пресс, 2011.

Хохлов Р.Р., Дегтярев Б.Н., Новикова И.И.
**Особенности влияния цифровизации на концепцию
бережливых технологий управления в современной России**

*Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-95

Аннотация

В статье рассматривается проблема влияния технологического развития на концепцию менеджмента в современных условиях. Представлены современные тенденции влияния цифровизации бережливых технологий управления в России. Представлены практические рекомендации по устранению негативных аспектов влияния внедрения и использования цифровизированных технологий в области бережливых технологий управления.

Ключевые слова: бережливые технологии управления, современные технологии, новейшие технологии, влияние технологий, управленческая деятельность, управление, цифровизация.

Abstract

The article proposes the problem of general technological development based on management in modern conditions. The current ones follow the general digitalization of lean management technologies in Russia. Practical recommendations are presented for eliminating negative aspects of the environment and using digital technologies in the field of lean management technologies.

Keywords: lean management technologies, modern technologies, latest technologies, influence of technology, management activities, management, digitalization.

Управленческая деятельность была актуальна во все времена, постоянно изменялась и формировала новые подходы. Одной из самых популярных стала концепция «бережливых технологий», зародившаяся в своем фундаментальном, полностью сформулированном в теоретическом и практическом виде ещё в 30-тых годах прошлого века, благодаря Киичиро Тойода. Однако, за такой длительный срок существования, бережливые технологии управления получили огромное количество дополнений, в связи с развитием общества и массовой цифровизацией большей части отраслей. Благодаря развитию технологий, анализируемая концепция управленческой среды получила множество новых функций и применений, делая её ещё более актуальной чем когда-либо.

Таким образом, необходимо отметить основные направления влияния цифровизации на бережливые технологии управления (таблица 1).

Таблица 1

Особенности влияния цифровизации на бережливые технологии управления в современной России.

<i>Направление влияния</i>	<i>Раскрытие направления влияния</i>
<i>Цифровизация процессов</i>	<i>Автоматизация многих рутинных задач, что помогает в сборе и анализе информации, а также позволяют моделировать различные ситуации с целью анализа потенциальных перспектив развития</i>
<i>Повышение адаптивности</i>	<i>Возможность быстро реагировать и трансформировать производство и управление в связи с необходимыми нуждами организации</i>
<i>Повышение качества выпускаемой продукции</i>	<i>Возможность внедрить систему контроля качества продукции, что во многом снижает шанс выпуска в оборот товара с дефектом</i>
<i>Улучшение сотрудничества</i>	<i>Новые возможности в области коммуникации как между сотрудниками одной организации или государственного органа, так и между различными организациями, в том числе не находящимися на территории Российской Федерации.</i>

Таким образом можно сделать вывод о том, что внедрение цифровизации в концепцию бережных технологий управления находится в активной фазе и подразумевает большое количество положительных аспектов, повышающих эффективность и удобство управленческой сферы человеческой деятельности.

Однако, не смотря на все положительные факторы влияния цифровизации в области бережливых технологий управления, существует также и ряд негативных аспектов, что замедляют или иным способом усложняют процесс адаптации цифровизированных технологий в анализируемую сферу управленческой деятельности. Основные примеры вышеупомянутых негативных аспектов подробно расписаны в таблице 2.

Таблица 2

Основные негативные аспекты влияния внедрения цифровизации в бережливые технологии управления.

<i>Аспект</i>	<i>Раскрытие аспекта</i>
<i>Высокая стоимость</i>	<i>Первоначальный взнос средств в цифровизацию бережливых технологий управления крайне высок, что закрывает возможности их использования для маленьких организаций без больших доходов.</i>
<i>Кибербезопасность</i>	<i>Использование цифровых технологий создает опасность хакерских атак, что могут нарушить инфраструктуру предприятия, своровать или уничтожить важные данные, хранящиеся на устройствах или в облаке.</i>
<i>Социальные напряжения</i>	<i>Цифровизация создает риски сокращения рабочих мест, за счет автоматизации процессов, что создает большое социальное напряжение внутри организации.</i>
<i>Зависимость от технологий</i>	<i>Чрезмерное использование и внедрение цифровых технологий может привести к параличу всей системы, в случае технического сбоя или иной проблемы.</i>

Таким образом можно видеть то, что цифровизация анализируемой концепции управления несет с собой не только положительные аспекты, повышающие эффективность и ускоряющие работу в области бережливых технологий управления, но также предполагает немало негативных моментов, что необходимо учитывать и решать ещё на первых стадиях внедрения и использования цифровых технологий.

Исходя из вышеперечисленного необходимо выделить практические рекомендации по внедрению и использованию цифровизации в области бережливых технологий управления:

- обучение персонала: перед полноценной цифровизацией сферы управления и концепции бережливых технологий в частности, необходимо обучить сотрудников правильной и полноценной работе с новым аппаратным оборудованием и программным обеспечением;
- обеспечение кибербезопасности: важно построить надежную систему безопасности информации ещё на начальных этапах цифровизации бережливых технологий управления;
- поэтапное внедрение: цифровизация организации станет намного проще и эффективнее, если будет проходить в течение нескольких этапов, со временем расширяющих влияние новейших технологий на разбираемую отрасль;
- сотрудничество: важно перенять опыт зарубежных компаний по цифровизации бережливых технологий управления, по возможности воспользоваться помощью специалистов.

Таким образом, при соблюдении одного или нескольких из вышеуказанных рекомендаций становится возможным более простое, эффективное и дешевое внедрение цифровых технологий с наименьшими затратами трудовых ресурсов.

Исходя из всего вышеперечисленного можно сделать следующий вывод. Цифровизация – это крайне перспективная возможность для любой отрасли, позволяющая вдохнуть новую жизнь в уже устаревшие в эволюционном плане сферы деятельности, как например управление. Благодаря такой возможности, управление получило колоссальные изменения, став намного более эффективной и перспективной сферой. Таким образом, не смотря на все негативные аспекты внедрения и использования, можно сказать, что цифровизация положительно повлияет на концепцию бережливых технологий управления, сделав ее адаптивной и эмерджентной. Также, при соблюдении вышеуказанных практических рекомендаций, становится возможной легкая и эффективная цифровизация без негативных последствий, что делает это направление ещё более привлекательным для развития и использования.

1. Головкин, А.Н. Роль персонала организации в инновационно-инвестиционном развитии / А.Н. Головкин, И.И. Новикова // Экономика и управление в условиях современной России: Материалы IV национальной научно-практической конференции, текстовое электронное издание – Краснодар: ФГБУ «РЭА» Минэнерго России Краснодарский ЦНТИ- филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2020. – С. 119-123.
2. Дудченко, А.Ю. Концепция организационного подхода в совершенствовании управления при программно-целевом планировании / А.Ю. Дудченко, И.И. Новикова // Проблемы теории и практики современной науки: Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции, Нефтекамск, 30 марта 2015 года / РИО ООО «Наука и образование». – Нефтекамск: Общество с ограниченной ответственностью «Наука и образование», 2015. – С. 173-174.
3. Северин, В.М. Оценка влияния принятия управленческого решения на деятельность организации / В.М. Северин, И.И. Новикова // Аллея науки. – 2018. – Т. 5, № 6(22). – С. 624-627.

РАЗДЕЛ VI. ФИЛОСОФИЯ

Васильев В.А.

Философско-методологические основания диалога

Московский государственный лингвистический университет
(Россия, Москва)

doi: 10.18411/trnio-10-2024-96

Аннотация

Нестабильность в мире с необходимостью повышает значение диалога при разрешении общественно значимых вопросов. В этом отношении весьма актуальным становится анализ диалога с точки зрения философской методологии. Дается авторское понимание философско-методологических оснований диалога, выявляется его сущность, генезис, онтологические и гносеологические, социальные и аксиологические структурные элементы. При обсуждении социальных процессов выделяются важные атрибуты субъект-субъектной лингвистической коммуникации, определяемые свободой выражения мнений, толерантностью к иной точки зрения, компромиссом при принятии общей позиции и другие коммуникативные требования.

Ключевые слова: структура диалога, свобода мнений, толерантность, субъекты, интересы, мотивация, компромисс.

Abstract

Instability in the world necessarily increases the importance of dialogue in resolving socially significant issues. In this regard, the analysis of dialogue from the point of view of philosophical methodology becomes very relevant. The author's understanding of the philosophical and methodological foundations of the dialogue is given, its essence, genesis, ontological and epistemological, social and axiological structural elements are revealed. When discussing social processes, important attributes of subject-subject linguistic communication are distinguished, determined by freedom of expression, tolerance for a different point of view, compromise in adopting a common position, and other communicative requirements.

Keywords: dialogue structure, freedom of opinion, tolerance, subjects, interests, motivation, compromise.

Выскажу свое видение проблемы в виде тезисов.

Тезис первый. По своему существу творческая рефлексия диалогична. Мысль направляется на саму мысль, стремясь разрешить важные мировоззренческие, социальные проблемы. Складывается система размышлений об актах и содержании чувств, представлений и мыслей, раскрывается духовный мир человека. Осуществляется рефлексия разума о содержании знания, данного в языке, науке и других формах культуры. В процессе обсуждения два субъекта вступают друг с другом в диалог: один задает вопрос, а другой пытается на него ответить. Формируются диалогические субъектно-субъектные отношения. Вербальный коммуникативный диалог включает: источник, т.е. субъект, как создатель информации; само сообщение; средства ее передачи; обратную информацию.

Тезис второй. С точки зрения генезиса, диалог с античных времен становится важным приемом творчества. Расцвет древнегреческой демократии вызвал потребность в риторике. *Софисты* активно использовали диалог, поднимали важные вопросы лингвистики, взаимосвязи языка и мышления. *Сократовская* майевтика соответствовала изречению, которое было начертано на фронте Дельфийского храма: «Познай самого себя». *Платон* довел до совершенства традицию своего учителя. Диалог становится важным философско-литературным жанром. Создатель формальной логики *Аристотель* обосновал необходимость использования в диалоге законы мышления. И современная творческая мысль проникнута диалогичностью.

Тезис третий. *Онтологические* основания диалога заключаются в том, что Мир един и одновременно многообразен. В этом многообразии мы выделяем и четко ограничиваем границы предмета обсуждения. Он предстает как сложная системно-структурная организация, состоящая из разного уровня сущностей и явлений, внутренних и внешних, основных и неосновных причинно-следственных связей и т.п. Чем сложнее предмет, тем не просто выявить его сущность и выразить в языке. Так, например, используя диалог при обсуждении культуры, следует иметь в виду, что в энциклопедии «Культурология. XX век» (2022 г.) указано 247 определений «культуры». Следовательно, во-первых, необходимо четко выяснить и ограничить границы беседы. Во-вторых, требуется уяснить, сколько значений имеет обсуждаемый предмет. В-третьих, следует описать или определить одно из значений, которое в диалоге будет использоваться. В противном случае не четко выявленный предмет спора может привести к полному непониманию вступивших в полемику субъектов, каждый из которых может подразумевать нечто иной.

Тезис четвертый. *Гносеологические* основания диалога заключаются в сложности отражения и познания объекта. Один познающий субъект может выделить в предмете обсуждения поверхностный информационный, очевидный слой; другой обратит внимание на глубинные, существенные, скрытые от непосредственного восприятия процессы; третий остановится на аморфном слое неявных ассоциаций, намеков. Поэтому наша мысль не в состоянии сразу и полностью вычленивать главные, существенные, важные связи и отношения. Это естественно вызывает различные точки зрения на обсуждаемый предмет: ложные и истинные, вероятностные и проблематичные, обыденные и т.п.

Тезис пятый. Вступившие в диалог субъекты используют общий категориальный аппарат, соответствующий обсуждаемому предмету. Выявляется истинное смысловое содержание, которое закрепляется в слове-понятии. Слово в данном случае есть знаковая система, которая несет определенную информацию, выступает именем предмета, его обозначением и вербальным способом доводится до оппонента. Следовательно, вступившие в спор субъекты должны определиться с языком, как средством коммуникации. Поскольку естественный язык позволяет выражать одну и ту же мысль через различные языковые формы, то это может стать причиной подмены исходного смысла понятий и к замене одной мысли другой. Внешне форма рассуждения может быть правильная, но при анализе хода рассуждения обнаруживается ошибка, связанная с нарушением использования слова. Слово может иметь разные значения, а тем более выражать в системе коммуникации многие смыслы. Можно прийти к ошибочному выводу, поскольку в процессе рассуждения к предмету были применены разные смыслы. При несоблюдении правил ведения разговора нарушается взаимопонимание, например, если речь одного из собеседников непонятна для другого (обилие терминологии в неподготовленной аудитории, нечеткая артикуляция и т.п.).

Тезис шестой. *Социальный аспект* диалога показывает, что предметом обсуждения выступают общество, социальные институты, классы, государства, большие группы людей, этносы, личности со своими особенными интересами, гармонизация которых требует обсуждения и принятия общественно значимого решения. В данном случае спецификой исследования выступает то обстоятельство, что субъекты сами находятся внутри проблемного поля обсуждения (экономического, социального, политического, юридического и т.п.) и одновременно выдвигают свои индивидуально мотивированные идеи, отстаивают свои интересы, учет которых может быть весьма сложным. Например, огромная социальная дифференциация сопровождается противостоянием интересов: одни социальные группы стараются выжить; другие сохранить имеющиеся позиции; третьи – повысить свои финансовые возможности. Противоречия, которые могут достичь уровня социальных конфликтов, выявляются и разрешаются на государственном уровне, в частности повышением налоговой шкалы для отдельных граждан.

Тезис седьмой. *Аксиологическими* основаниями диалога выступают значимые для людей материальные и духовные ценности. В обобщенном виде они представлены как мировоззренческие установки, нормы и принципы жизнедеятельности, блага и добродетели,

способствующие гармонизировать человеческие отношения. Вступившие в обсуждение какой-либо проблемы субъекты несут в себе выработанные в результате традиций, культуры конкретные ценности и отстаивают их в ходе обсуждения.

Выделенные положения диалога позволяют более объективно выявить возможности его использования в ходе разрешения межгосударственных проблем, обсуждение проблемы однополярного или многополярного мира. В первом случае вывод выстраивается на монистическом высказывании, не признающий иных мнений, во втором – на творческом диалоге. Достижение взаимоприемлемого результата возможно лишь при единстве действий. Осознание всеми участвующими в диалоге субъектов нахождения конкретного содержания общего интереса предоставляет возможность строить политическую практику на основе единства воли большинства. Именно позиция общего политического интереса дает основу для нахождения в диалоге компромисса между разными субъектами, которые преследуют свои частные интересы. В этом случае изменяется само представление о компромиссе. Это не временная уступка позиций одной из противоборствующих сторон другой стороне, пока не хватает сил для подчинения противоположных интересов. В таком случае насилие как основное политическое средство только маскируется консенсусом в ожидании слабости противника. Принимаемый в диалоге компромисс показывает, что различные позиции выражают разным образом одно целое, заслоненное от каждого из участников конфликта одной из его частей. На первый план выходит конкретное содержание общего интереса. Он является не просто обобщением желаний вступивших в политический диалог социальных субъектов, но и дает возможность посредством компромисса реализовать частные интересы.

Осуществление социального, политического диалога и нахождение компромисса невозможно без учета принципа толерантности, который предполагает учет разных интересов, свободу самовыражения личности. Не случайно, что духовное раскрепощение человека наряду с его экономической и политической свободой приветствовали и отстаивали лучшие мыслители, опираясь на учение о естественном праве. Единство на позициях утверждения демократического общественного устройства (в рамках одной страны или на международной арене) не означает искусственного выравнивания, унификации взглядов, а предполагает разнообразие мнений по конкретным проблемам, многие методы и пути их использования. Терпимое, уважительное отношение к различным взглядам, даже, если они вступают в конфликт с общепризнанным мнением, ослабляет возможность оформления монополизма. Монополизм присваивает себе право на истину и не желает иметь никаких оппонентов в отстаивании своих интересов. Международные проблемы, в которые задействованы многие страны, отстаивающие свои специфические интересы, не в состоянии разрешаться одной какой-либо державой. Навязывание диктаторской позиции не совместимо с социально-политическим диалогом, с использованием которого только и возможно предотвращать конфликтные ситуации в современном глобальном мире.

Таким образом, диалог отличается от простого рассуждения о чем-либо. В нем осуществляется живая связь, вступивших в обсуждение субъектов. Диалог как искусство коммуникативного действия позволяет вести двухсторонний обмен мнениями, осуществляя живую связь вступивших в обсуждение субъектов. Стороны могут придти к приемлемому для них компромиссу и разрешить проблему. В творческом споре рождается истина, познается нечто новое. Поэтому в диалоге нет субъекта, который бы остался проигравшим. Тот, кто так сказать «проиграл», т.е. его точка зрения оказалась менее убедительной, – оказался в выигрыше. Потому, что он овладел новой для себя информацией.

1. Библер В.С. Мышление как творчество. (Введение в логику мысленного диалога) – М.: Политиздат, 1975. – 399 с.
2. Бубер М.Я и Ты. – М.: Высшая школа, 1993. – 160 с.
3. Лакатос И.Л. Доказательства и опровержения. – М.: Наука, 1967. – 152 с.

Ерохин А.К.**Политическая доктрина Огюста Конта***Дальневосточный юридический институт (ф) Университет прокуратуры РФ
(Россия, Владивосток)**doi: 10.18411/trnio-10-2024-97***Аннотация**

В статье представлены результаты исследования социально-политической философии Огюста Конта. Используемый в данной работе метод – критический анализ его работ. Хотя основной областью исследований Конта всегда была социология, но он не отделяет ее от политической философии, потому что сама она должна стать не отвлеченной метафизикой власти, а научно обоснованной системой управления государством. Он предлагает концепцию политической и социальной власти интеллектуальной аристократии и новой Церкви как желательных лидеров в восстановлении европейского общества, пострадавшего от разрушительных последствий французской революции XVIII века. Краткое изложение политической философии Конта может иметь и практическое значение как предметная область для дальнейших исследований.

Ключевые слова: позитивизм, политическая философия, государство, власть интеллектуалов, церковь Человечества.

Abstract

The article presents the results of the Auguste Comte's social and political philosophy study. The method used in this article is a thorough analysis of his scientific work. Although Comte's main area of research has always been sociology, the same time he does not separate it from political philosophy, because it itself should become not an abstract metaphysics of power, but a scientifically based system of government. He proposes a concept of the political and social power under the ruling by the intellectual aristocracy and the new Church as desirable leaders in the reconstruction of European society, which had suffered from the devastating consequences of the 18th century French Revolution. In light of the above facts, a brief summary of Comte's political philosophy may also have practical significance as a subject area for further researches.

Keywords: positivism, political philosophy, state, power of intellectuals, Church of Humanity.

Основные политические идеи, высказанные французским социологом Огюстом Контом, изложены им в четырехтомном труде «Система позитивной политики или трактат по позитивной социологии, устанавливающий религию человечества» (1851-1854). В трактате Конт детально изложил свою теоретическую доктрину политики и возможность ее практического применения к построению «позитивного» или научно спроектированного государства, первые наброски которого встречаются в его социологических работах «Курс положительной философии» и Приложениях к этому трактату.

Проект социально-политического реформирования общества Огюста Конта привлекает внимание в части содержания программы социальных реформ, которые должны обеспечить повышение как технической эффективности, так и социального и морального духа общества. Для Конта очевидно, и на это он указывает в работе «Дух позитивной философии», что социология, как социальная физика и динамика, задает новый вектор развития любым наукам, в том числе и политическим. Политическая философия, как философия в целом, должна будет освоить новые научные методы, которые дают возможность социологии познавать, воспроизводить и объяснять социальную реальность такой, какая она есть, без метафизических абстракций. Политическая философия обязана перейти от метафизических идеальных образцов государства и власти, разработанных воображением старых философов, к реальному изучению политических объектов, для чего и нужны научные методы наблюдения, сравнения, и, главное, экспериментальные методы. Конт предъявляет претензии философам классических школ в

завышенных политических идеалах, сыгравших решающую роль в изменении политических умонастроений французского общества XVIII века, что, в конечном итоге привело его к кровавой революции, расколу общества и восстановлению монархии. А между тем, французское общество нуждается в новых научно обоснованных идеалах, которые обеспечат социуму стабильность и медленное продвижение к гармонии [1, с. 90]. Политическая философия должна заняться пересмотром и научной разработкой нового государственного устройства и методов управления, используя для этого естественные законы эволюционного развития, а также логико-аналитический метод и метод историзма.

Свою аналитическую трактовку общества Конт основывал на аристотелевском догмате о присущем человечеству стремлении к общению, а теорию общественного договора о политическом происхождении государства, вынужденно сменяющего естественное состояние человечества «войны всех против всех», считал несостоятельной. Общение, как социальное начало человека, в противовес природному было, пожалуй, самым важным фактором появления общества на заре человечества.

Об эволюционном характере общества его подчинении естественным законам Конт пишет в каждой своей работе. В «Системе позитивной политики» он использует признанный им позитивистским метод сравнения и на этой основе разрабатывает теорию сходства между индивидуумом и социальным организмом. Семья – это клетка социального организма (социальная ячейка); социальные силы – это социальные ткани; государство (город) состоит из общественных органов; у разных народов проявляются социальные аналоги биологических систем [2, р. 240-242].

Строительство общества начинается, по мнению Конта, с семьи. В истории ее великая функция заключалась в создании основных элементов, которые в конечном итоге и повлияли на создание государства. К числу таковых элементов относится, помимо естественной тяги к общению, появление и совершенствование языка. На базе семьи складываются более сложные группы, такие как «классы и города». Благодаря семейным и родственным связям обществу удается сохранять себя и предупреждать эгоизм и индивидуализм [2, р. 153].

Руководствуясь научными принципами, Конт находит серьезные различия между индивидуальным организмом и общественным организмом. Они заключаются в том, что первый по существу неизменен, тогда как второй способен к совершенствованию. Еще одно отличие состоит в том, что отдельные органы социального организма выполняют гораздо больше функций, в сочетании с высокой степенью организации и координации, обеспечивающей ему порядок и стабильность. [3, р. 469-481]. По мере перехода социальной организации от семьи к более сложным и высокоразвитым формам общественной жизни, каковыми являются союзы промышленников и государство, функций и их комбинаций становится все больше [4, р. 153].

Если принять как верную идею сравнение общества с биологическим организмом, то вполне логично выглядит заключение Конта о том, что общественная стабильность (порядок) тем прочнее, чем больше функций выполняют все члены общества, и чем тщательнее контролируется и координируется их исполнение. Вслед за представителями классической школы экономики – А. Смитом, А. Сен-Симоном и другими, Конт связывает развитие общественных функций с ускоряющимися и усложняющимися процессами разделения труда и профессионализацией, т. е. трудовых функций и закономерным формированием необходимых для их поддержания переплетающихся, интегрирующихся друг в друга взаимодействий и взаимозависимостей. В такой сложной системе неизбежно появляется некое управленческое звено, которое выполняет функцию мозговой или духовной деятельности общественного организма [2, р. 242-244].

Причина естественного перехода к управлению заключается в том, что слишком широкая специализация, хотя и приводит к развитию разнообразных навыков и высокой степени интереса к узким областям, но, в то же время, может привести к дезинтеграции общества через утрату монолитного единства человечества, целостности и тесных взаимоотношений между личностью и обществом. Функция правительства заключается в

координировании человеческой деятельности и защите от опасности узкой специализации, с сохранением в то же время ее полезных последствий [2, р. 242].

Эта материальная основа правления, кроющаяся в принципах разделения труда, объединения усилий, превосходства и подчинения сочетается с психическими характеристиками человечества, побуждающих одних командовать, а других подчиняться [2, р. 246]. В прошлом война была главным фактором сосредоточения власти в одном центральном органе. Со временем промышленность все больше и больше становится источником социальной дисциплины и государственного контроля.

Как духовное развитие человека происходит постепенно, проходя стадии от веры к рациональному осознанию действительности, так и становление научной управленческой деятельности и утверждение ее принципов проходит ряд исторических этапов. Они известны в философии Конта как стадии духовного развития общества – теологическая, метафизическая и позитивная. Общественный прогресс восходит по этим ступеням к всеобщему образованию, научному знанию, и интеллектуальному развитию человечества [1, с. 77-80; 4, с. 54-84]. Все три стадии объединены законом эволюционного движения, отменить который никто не может, ибо это естественный закон, неподвластный чьему-либо произвольному решению. Каждая стадия является необходимым antecedентом следующего, и любой период совершенен настолько, насколько позволяют временные рамки [3, р. 558-600].

Идеи Конта о природе государства и его отличии от общества, нации и правительства включают описание таких структурных элементов как население, территория, суверенная власть и правительственные организации. Он особенно настаивает на территориальной предпосылке для определения политического состояния общества [1, с. 283]. «Когда собственность, семья и язык нашли подходящую территорию и достигли точки, в которой они объединяют любое данное население под одним и тем же, по крайней мере, одним и тем же духовным правительством, там формируется возможное ядро Великого Существа. Такое сообщество или город, будь он в конечном счете большим или малым, является истинным органом Человечества» [2, р. 241]. Этот отрывок представляет собой нечто большее, чем простое изложение доктрин Конта относительно фундаментальных элементов любого государства. Его вклад в политическую мысль принимает образную этическую форму, а его дальновидность предвосхищает современные либеральные политические теории.

Конт был так увлечен идеями будущего позитивистского общества, что практически не уделяет внимание современному ему буржуазному государству. В лучшем случае оно рассматривается как временная форма социальной организации. «Между городом, объединяющим человека и место его обитания, и полным развитием Великого Существа вокруг подходящего центра, можно обнаружить ряд промежуточных форм объединения под общим названием состояний. Но всеми этими формами, различающимися только по степени и постоянству, можно пренебречь как неопределенными» [3, р. 241].

Но не только переходные формы социальной организации, а и в целом, социально-философская концепция общества и государства, выстраиваемая Контом, эклектична и не имеет четких контуров. Возможно в своем стремлении найти научные факты, подкрепляющие его идейные цели, Конт пытается «спрессовать» в одно целое известные ему данные о происхождении и роли семьи, как прообраза общественных отношений; идеи Аристотеля о социальном общении, на которых строится политика, как и теорию Т. Гоббса о политическом принуждении; новую религиозную идеологию, которой он пытается придать светский характер; историю духовного развития человечества; вопросы действия экономических механизмов и т. д. Весь этот сплав Конт оправдывает необходимостью «пересоздания мнений и нравов», предшествующего систематизации человеческого мышления, являющегося «нашей первой социальной потребностью, относящейся одинаково как к порядку, так и к его прогрессу» [1, с. 50]. Но именно эти процессы – и в этом Конт твердо убежден, – «произвольно вызовет на всем Западе новую моральную власть, неизбежное влияние которой создаст прямое основание для окончательного преобразования» [1, с. 50].

Духовная власть, упоминаемая Контом, мыслится им как влияние на общественную жизнь со стороны ученых, людей, обладающих моральным авторитетом и священников «новой религии Человечества», в которой место Бога занимает абстрактное человечество. Более того, эта новая элита берет на себя право контролировать и координировать различные социальные группы, исполнение ими различных трудовых функций. Именно она, уверен Конт, и должна выполнять политическое руководство, т.е. составлять правительство [4, Р, 224]. Создание нового правительства «даст как для общественной, так и для частной жизни твердые принципы суждения и поведения» [1, с. 50]. Старый правящий класс, находящийся под влиянием метафизических заблуждений и аристократического эгоизма могут в своей политике только сеять классовую вражду и ввергать общество в революционную анархию, совершенно не заботясь об обновлении общества [1, с. 51]. Подробнее этот вопрос рассмотрен автором статьи в его прежней работе, посвященной политической утопии Конта [5].

Понимая угрозы, возникающие из-за разрушительной «политической агитации» аристократического правительства, Конт не надеется только на духовную власть нового правительства. Для поддержания порядка в социальном организме новое правительство вправе прибегать и к принуждению к порядку, т.е. применять силу [1, С. 276-279]. Таким образом, делает вывод Конт, «для любой политической власти, помимо основы материальной силы, необходимы три вещи: интеллектуальное руководство, моральная санкция и, наконец, социальный контроль» [2, р. 249].

Эта регулирующая власть наиболее ярко выражена в проекте создания религии Человечества, которая должна управляться священниками нового культа, состоящими из ученых-социологов [1, с. 240-241]. Церковь нового культа синтезирует в себе все три стадии эволюции общества: семья, основанная на чувстве или привязанности; штат или город на основе действия; и церковь, основанная на разуме, [1, с. 285-288].

Церковь, с ее всеобщим надзором и руководством всей общественной деятельностью, сделает возможным замену великих тиранических государств ассоциациями городов, объединенных общей религией поклонения Человечеству под руководством священников. Это и будет новая политическая система, которая придет на смену привычным политическим государствам в том виде, в каком они существуют сейчас.

В своей трактовке происхождения государства с исторической точки зрения Конт рассматривает историю человечества и прослеживает этапы, через которые оно проходит в подготовке к конечной цели своего развития – позитивистскому государству. Всестороннее понимание жизненно важных факторов, действующих в истории, существенно важно для истинного понимания и интерпретации истории как детального знания объективных фактов истории. Подробное изложение философии истории Конта выходит за рамки данной работы. Но следует заметить, что философия истории Конта основана на разработанной им трехчастной эволюции.

Стремление Конта использовать в создании политической философии новую науку об обществе, обеспечивает политику двумя ключевыми принципами. Первый принцип заключается в том, что не существует общества без правительства; должна быть сила для укрепления хрупкого социального консенсуса, ослабленного растущим разделением труда. Однако, поскольку социальные явления подчиняются естественным законам, власть правительства неизбежно ограничена, и правительство может стремиться лишь изменить существующий порядок. Второй принцип Конта – это отделение духовной власти от мирской. Духовная сила не только оказывает сдерживающее влияние на светскую власть, но также помогает создавать социальную солидарность путем формирования убеждений и чувств людей, особенно посредством воспитания интеллекта индивидов, составляющих человечество. По мнению Конта, ученые должны представлять новую интеллектуальную элиту, в которой сосредоточена вся духовная сила общества.

1. Конт, О. Дух позитивной философии. Ростов, 2003.
2. Comte, A. System of positive polity. Vol. 2. NY: Forgotten Books, 2018.
3. Comte, A. System of positive polity. Vol. 3. NY: Forgotten Books, 2016.
4. Конт, Огюст. Общий обзор позитивизма. М, 2012.
5. Ерохин, А.К. Политический проект Огюста Конта // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт: Материалы XIV Международной научно-практической конференции. Омск, 2023. С. 95-101 https://elibrary.ru/download/elibrary_54771645_73639352.pdf

Маркин В.В.**Феномен антисциентизма в современном обществе***Алтайский государственный педагогический университет
(Россия, Барнаул)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-98

Аннотация

В статье исследуются проявления антисциентизма в современном обществе. Антисциентизм с предубеждением относится к научным достижениям и научно-техническому прогрессу. В его рамках концентрируются все возможные аргументы против науки. Однако решить большинство встающих сегодня перед обществом проблем без науки просто невозможно.

Ключевые слова: антисциентизм, сциентизм, наука, философия, культура, общество.

Abstract

The article examines the manifestations of anti-scientism in modern society. Anti-scientism is prejudiced against scientific achievements and scientific and technological progress. All possible arguments against science are concentrated within its framework. However, it is simply impossible to solve most of the problems facing society today without science.

Keywords: anti-scientism, scientism, science, philosophy, culture, society.

В XIX-XX веках произошёл значительный прогресс в знаниях, проявляющийся не только в естественных, но и в гуманитарных науках. Эти успехи оказались довольно впечатляющими для общества, в результате чего люди поверили в абсолютную силу науки, а также способность решать все существующие проблемы, что в итоге укрепило позиции представителей сциентизма. Научная рациональность, методы познания, которые привели к открытию и росту новых знаний, научные критерии истины начали считать единственно возможной моделью познания мира.

Понятие «сциентизм» с латинского слова *scientia*, означает наука и знание – это мировоззренческая позиция, провозглашающая науку наивысшим идеалом, представленная в восприятии приверженцев как истинная и ценностно-нейтральная идеология, по отношению к науке. Сциентизм, возник в XVI веке в период Реформации и вновь приобрёл силу в XX веке, когда проходили многочисленные попытки сделать науку наивысшей ценностной константой развития человечества. Несомненное достоинство научного познания – расширение поля исследования и возможность практического применения. Теоретически сциентизм сводится к рациональному постижению бытия, причём в этой узкой рациональности научно-технический прогресс приравнивается к общественному прогрессу.

С одной стороны, научные открытия и изобретения, безусловно, выводят общество на новый уровень развития, оптимизируют производственные и иные процессы, помогают победить различные болезни, делают человеческую жизнь более комфортной. С другой стороны, технический прогресс порождает цифровую зависимость человека, его погружение в виртуальную реальность, как следствие, редукционизм (упрощение) восприятия мира, нежелание людей думать, запоминать, анализировать, искать ответы на какие-либо вопросы – от самых простых до экзистенциальных. Акцент на эти проблемы приводит к критике и даже отрицанию науки.

Антисциентизм – идейная позиция, состоящая в критической (вплоть до враждебной) оценке науки и её роли в системе культуры и научного познания как фактора отношения человека к миру [7, с. 26]. Он проявляется как идейная установка, которая формировалась с позиции негативной интерпретации науки, в современном мире получила расширенный образ в виде особой социокультурной ориентации, которая связана с абсолютизацией внерациональных форм познания.

Представители антисциентизма считают, что все более расширяющееся вторжение науки в различные сферы жизни делает наше существование бездушной и лишённым романтики. Технологизация всех областей жизни и деятельности отрицает подлинность мира, высокие чувства и прекрасные отношения. Человек срастается со сферой производства и ему необходимо постоянно удовлетворять растущие материальные потребности. Приверженцы антисциентизма считают, что наука и технологии искажают жизнь духа, отрицают её подлинность, заменяют наукой мораль и цепляются за науку как за безликого спасителя [3, с. 381]. Хотя во многих случаях «приставка «анти», как правило, не означает отрицание науки, а означает отрицание её безграничных или, по крайней мере, очень больших возможностей, о которых говорит сциентизм» [2, с. 36].

Антисциентизм предвзято относится к научным достижениям и научно-техническому прогрессу и доходит до утверждений о том, что наука не должна «рассматривается ни как феномен культуры, ни как нечто высшее» [6, с. 115]. Сторонники антисциентизма отдают приоритет ненаучным средствам освоения бытия перед наукой и разумом, требуют приравнять науку к другим областям духовной культуры, в частности к религии и мифологии, а человека – ко всем остальным существам. Основным аргумент антисциентизма заключается в том, что, несмотря на многочисленные успехи, человечество приближается к опасности глобальной катастрофы и сталкивается с множеством проблем, причиной которых является сама наука [4, с. 42].

Немало видных философов и учёных принимали доводы антисциентизма. Так знаменитый учёный-логик Бертран Рассел в поздний период своей деятельности стал сторонником антисциентизма. Он видел главное преступление цивилизации в гипертрофированном развитии науки, которое привело к утрате подлинно гуманистических ценностей и идеалов.

Карл Ясперс подчёркивал, что развитие техники медленно увеличивает расстояние между человеком естественной окружающей природой, создавая при этом вокруг него новое техническое пространство, которое, впоследствии, превращает всю планету в единую фабрику. Ясперс отмечает тот факт, что человек, погруженный в техносферу, остаётся в ней навсегда, он больше не сможет выйти из неё и освободиться от воздействия созданной им технологии, постепенно превращаясь в одну из частей огромной машины. По его мнению технология содержит в себе не только огромные возможности, но и огромные опасности, и примером этого у Ясперса является открытие людьми огня миллионы лет назад, которое, помимо неопределимой пользы, принесло проблемы и разрушения: «Теперь, как и тогда, человечество вступает на совершенно новый путь – быть может, его ждёт власть разрушительных сил и мрак небытия» [9].

В результате возник и утвердился глубокий разрыв между философией естественно-научно ориентированной и философией иного рода, отвергавшейся в качестве «иррационализма», «историцизма» и т. п. Следствием разрыва между опытным знанием в сциентистском его понимании и опытом того, что поздний Гуссерль назвал *Lebenswelt*, «миром жизни», стало то, что уже в 1970-е годы многие молодые учёные физики, химики, биологи и математики, разочаровавшись в общественном идеале покорения природы и космоса, обратились не столько к наукам исторического опыта и к гуманитарной эпистемологии, сколько к традициям религиозно-идеалистической метафизики XIX – начала XX в. как альтернативе метафизике и вере «Бэконовской эры», которая больше не питала актуальную современность [5, с. 64].

Радикальные позиции сциентизма дегуманизируют влияние науки на современное общество и культуру. А отрицание значимости науки может крайне негативно сказаться на дальнейшем развитии общества. Но центральная проблема заключается вовсе не в науке: известный философ Г. Башляр был убеждён в том, что «возлагать на науку ответственность за жестокость современного человека – значит переносить тяжесть преступления с преступника на орудие преступления» [1, с. 328-329].

В наши дни невозможно подвергать сомнению тезис, что наука не является панацеей от всех бед и обязательно должна быть основана на нравственности и гуманизме. Однако в современном обществе наука выступает и как всеобщая производительная сила, позволяющая человечеству двигаться вперед по пути разумного обустройства природно-экологического и социально-культурного бытия. И это делает науку ответственной за будущее человечества, но при этом именно человек и общество ответственны за применение научных достижений и технологий. Принижение роли науки как культурного элемента не оправдано, и здесь необходимо предъявлять претензии к обществу, неустанно стремящемуся к безграничному обогащению. В то время как, антисциентисты прибегают к запредельной драматизации ситуации, вплоть до сценариев катастрофического развития человечества, решить большинство проблем без науки просто невозможно.

1. Башляр Г. Новый рационализм. М.: Прогресс, 1987. 374 с.
2. Гусев Д.А., Потатуров В.А. Сциентизм и антисциентизм как два образа философии науки, два мировоззрения и две системы жизненной навигации человека (историко-философский и общетеоретический аспекты) // Философская мысль. 2020. № 1. С. 32-50.
3. Кибишева Д.Ю. Сциентизм и антисциентизм как мировоззренческие позиции // Экономика и социум. 2022. №10 (101)-2. С. 378-385.
4. Маркин В.В. Наука и лженаука в современной культуре // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 5. С. 40-43.
5. Махлин В.Л. Истоки эпистемологического сциентизма // Ценности и смыслы. 2021. № 1 (71). С. 60–67.
6. Скопа В.А. Кризис сциентизма: причины возникновения и последствия // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2021. № 3. С. 115-117.
7. Ткачев В.В. Сциентизм и антисциентизм в современной культуре // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. 5-5 (80). С. 26-28.
8. Хайдеггер М. Наука и осмысление // Время и бытия. М.: Республика, 1993. С. 238-253.
9. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1994. 527 с.

РАЗДЕЛ VII. ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Васина Т.А.

К биографии штаб-лекаря Е.М. Федосова:
период его жизни и деятельности в Ижевском заводе (1816–1840 гг.)

*Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук
(Россия, Ижевск)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-99

Аннотация

В статье на основе документов Центрального государственного архива Удмуртской Республики рассматриваются факты биографии штаб-лекаря Е.М. Федосова в первой половине XIX в. Особое внимание уделяется периоду его жизни в селении Ижевского завода Сарапульского уезда Вятской губернии и деятельности в заводском госпитале (1816–1840 гг.).

Ключевые слова: Вятская губерния, Ижевские оружейный и железоделательный заводы, Ижевский госпиталь, Е.М. Федосов.

Abstract

Based on archival documents of the Central State Archive of the Udmurt Republic, the article analyzes the biography facts of the physician E.M. Fedosov in the first half of the XIX century. Special attention is paid to the period of the doctor life at the Izhevsk factory in the Sarapul district of the Vyatka province and the activities in the factory hospital (1816–1840).

Keywords: the Vyatka province, the Izhevsk arms and ironworks, Izhevsk factory hospital, E.M. Fedosov.

Егор (Георгий) Максимович Федосов, по данным формулярных списков, родился в конце XVIII в. (около 1776 г.) и происходил из духовного сословия. Образование получил в Московской славяно-греко-латинской академии, практические навыки – в Московском военном госпитале, куда был назначен 18 сентября 1796 г. лекарским учеником. Сфера его знаний включала «словесные и врачебные науки», в том числе латинский язык [4].

12 апреля 1799 г. Е.М. Федосов был переведен подлекарем в г. Коломну в мушкетерский полк генерал-майора Миллера 1-го. С 4 мая 1800 г. Егор Максимович являлся кандидатом хирургии Московской медико-хирургической академии (высшего медицинского учебного заведения, созданного в 1798 г. на базе Медико-хирургического училища при Московском госпитале). С 6 ноября 1802 г. он служил в Омском гарнизонном батальоне. Здесь за свои успехи 6 апреля 1807 г. Е.М. Федосов получил звание штаб-лекаря, а 22 февраля 1809 г. – старшего штаб-лекаря 2-го класса, и в этом статусе с 18 марта 1809 г. трудился при Омском госпитале. 25 августа 1813 г. Егору Максимовичу был присвоен чин коллежского асессора (гражданский чин 8-го класса по «Табели о рангах»), но 22 февраля 1816 г. он уволился по причине болезни, с сохранением права ношения штаб-лекарского мундира Военного министерства [4].

В отставке Е.М. Федосов находился непродолжительное время: уже 1 июля 1816 г. он был принят доктором на службу в штат Ижевского завода.

Необходимо отметить, что Ижевский госпиталь, основанный в 1760 г., наряду с Воткинским относился к числу первых медицинских учреждений стационарного типа, возникших во второй половине XVIII в. на территории Вятской губернии (Вятского наместничества). Первоначально он располагался на низменной Заречной стороне заводского селения и насчитывал всего 16 коек, но в начале XIX в. на Нагорной стороне было введено в эксплуатацию специальное госпитальное помещение с комплексом построек медицинского и

хозяйственного назначения. В итоге в изучаемый период число коек в Ижевском госпитале увеличилось до 150 (включая 50 запасных); само госпитальное здание представляло собой 3 соединенных коридорами корпуса, в наличии имелись баня, прачечная, лаборатория для приготовления отваров, помещение для анатомирования, погреба с амбаром [10]. Всем этим комплексом и предстояло управлять Е.М. Федосову.

Право на получение медицинской помощи принадлежало лицам, числившимся в заводском штате: мастеровым, оружейникам, вспомогательным неперенным работникам, нижним чинам, военнослужащим и прочим, занятым на производстве либо получавшим содержание от завода, а также членам их семей. Но уже к 1835 г. жители заводского селения насчитывали свыше 14 тыс. чел. [5]. Кроме того, в заводском округе находились 52 населенных пункта неперенных работников. В этих условиях 150 госпитальных коек могли предназначаться только для тяжелых больных, врачи главным образом практиковали амбулаторный прием.

Контролировало состояние госпиталя заводское начальство, а систематическое освидетельствование материально-технической базы проводил инспектор оружейных заводов. Согласно «Положению для Ижевского оружейного завода» 1829 г. «командир внимательнейшим образом наблюдает за призрением больных в заводском госпитале, чтобы, при всегдашней чистоте в палатах, имели больные потребное белье, лекарство и пищу, состоянию здоровья каждого соответственную... также осматривает богадельню» (§ 40) [1, с. 19–20]. Как показывает приведенная цитата, во время нахождения больных в палатах они обеспечивались не только лекарствами и бельем, но и питанием: в соответствии с «Положением о продовольствии больных пищей в военных госпиталях» от 10 ноября 1809 г. подавали 4 вида порций – ординарную, среднюю, слабую и кисельную, каждая из которых делилась на скоромную и постную.

На основании штата Ижевского оружейного завода 1807 г. доктор Е.М. Федосов мог руководить лекарем, 4 лекарскими учениками и 2 работниками в аптеке и лазарете [3]. Штат 1829 г. назначал штаб-лекарю жалование в размере 1500 руб. в год; в его подчинении находились лекарь, 3 фельдшера, комиссар с помощниками, писарь, 30 госпитальных служащих, в аптеке – гезель и аптекарский ученик [12], а с 1832 г. – еще и акушерка [11].

Обязанности медицинского персонала Ижевского госпиталя заключались в ежедневном приеме больных, оказании помощи в госпитале и на дому, в просветительской работе, сотрудничестве с заводской администрацией, в изучении местной специфики и причин заболеваний (заводские врачи определяли эндемические болезни, изучали влияние на их возникновение ландшафта, климата и образа жизни заводского населения, кроме того, уделяли внимание причинам распространения эпизоотий). В случаях появления эпидемий принимались экстренные меры.

Под руководством Егора Максимовича персоналу Ижевского госпиталя удалось добиться неплохих показателей: ежегодно процент выздоравливавших составлял свыше 92 % [8].

Особое внимание уделялось борьбе с оспой: в задачи штаб-лекаря входило наблюдение и контроль за прививочной кампанией, дважды в год Е.М. Федосов подавал рапорты командиру Ижевского завода о числе детей, получивших прививку предохранительной оспы как в заводском селении, так и в населенных пунктах неперенных работников.

Штаб-лекарь, как старший врач госпиталя военного ведомства, по «Табели о рангах» относился к 7-му классу чиновпроизводства [9], его продвижение по службе устанавливалось нормативными актами конца XVIII – первой половины XIX в.: «Планом о рангах» 1762 г., указом Павла I от 9 декабря 1799 г., штатами от 4 августа 1805 г. о чинах и жалованье в сухопутных госпиталях, «Табелью о новых окладах жалованья медицинских, фармацевтических и ветеринарных чинов сухопутного ведомства» от 6 ноября 1819 г., «Положением о госпиталях» 1816 г. и т.д. [2, ч. I, с. LVII, LIX, 79, 92, 128; ч. II, с. 38].

Егор Максимович Федосов за вклад в развитие системы здравоохранения Ижевского завода был отмечен повышением по службе с 7-го до 5-го чина «Табели о рангах»: 31 декабря

1818 г. произведен в надворные советники, 26 марта 1826 г. – в коллежские советники, 31 декабря 1828 г. – в статские советники. Кроме того, он награждался орденом Св. Владимира IV ст. (13 февраля 1820 г.), бриллиантовым перстнем (20 февраля 1825 г.), денежными премиями в 500 руб. (24 июня 1824 г.) и 600 руб. (22 марта 1829 г.), имел Знак отличия за 30 лет беспорочной службы [4].

В 1828 г. за выслугу свыше 20 лет в военном ведомстве ему была назначена пенсия 600 руб. в год; в дальнейшем, на основании Положения о пенсиях и единовременных пособиях медицинским и ветеринарным чиновникам, их вдовам и детям от 22 марта 1833 г., размер пенсионных выплат увеличился до 1500 руб. в год [4].

Егор Максимович был женат на Татьяне Михайловне, детей не имел. Семья владела крепостными людьми: за Е.М. Федосовым числился один дворовый человек, также в книге регистрации частных актов Ижевской Управы благочиния 20 сентября 1839 г. отмечена расписка о продаже его женой майорше Романовой дворовой девки Варвары с дочерью 7 лет и сыном 3 лет за 114 руб. серебром [6].

Умер Егор Максимович 7 марта 1840 г. В завещании, составленном 21 мая 1837 г., все имущество он оставлял супруге Татьяне Михайловне, а 500 руб. выделял своей сестре [7].

Преемником Е.М. Федосова стал штаб-лекарь Григорий Васильевич Имшенецкий, определенный в штат Ижевского госпиталя в 1825 г.

1. Положение для Ижевского оружейного завода. СПб., 1829. 92 с.
2. Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. VIII. Главное военно-медицинское управление. Исторический очерк. СПб., 1908. Ч. I. CIV, 306 с.; Ч. II. 288 с.
3. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. 4. Оп. 1. Д. 13. Л. 4об.
4. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 318. Л. 13об.–15об., 106об.–117.
5. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 320. Л. 12.
6. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 381. Л. 37об.–38.
7. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 436. Л. 7–9.
8. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 459. Л. 19об.
9. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1408. Л. 5–6об.
10. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1545. Л. 28об.
11. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1883. Л. 5–5об.
12. Штат Камско-Ижевскому оружейному заводу. СПб., 1829. 10 с.

Иванов А.М.^{1,2}, Иванова Е.А.³

**Юношеская производственно-творческая организация «Аист»
в начале 1990-х гг. по материалам Смоленского региона**

¹(ф) *Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации*

²(ф) *Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации*

³*Смоленский государственный университет
(Россия, Смоленск)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-100

Аннотация

В статье рассматриваются правовые аспекты создания одного из последних кооперативов в Смоленской области, на примере юношеского производственно-творческой организации «Аист», которая организовывалась как досугово-воспитательная организация. С целью объединить учащихся, студентов и рабочую молодежь в кружках, секциях, клубах по интересам. Для исследования авторами вводятся в научный оборот материалы Государственного архива новейшей истории Смоленской области (далее ГАНИСО).

Ключевые слова: кооперативы, кооператоры, производственно-творческие объединения, Смоленский обком, Совет народных депутатов.

Abstract

The article discusses the legal aspects of the creation of one of the last cooperatives in the Smolensk region, on the example of the youth production and creative organization "Aist", which was organized as a leisure and educational organization. In order to unite pupils, students and working youth in circles, sections, interest clubs. For the study, the authors introduce into scientific circulation the materials of the State Archive of the Contemporary History of the Smolensk Region (hereinafter referred to as GANISO).

Keywords: cooperatives, cooperators, production and creative associations, the Smolensk Regional Committee, the Council of People's Deputies.

Одним из основополагающих факторов эволюции российского общества, является преемственность поколений. Содержательная сторона этого процесса определяется требованиями, которые возникают в определенный период исторического развития государства. Период конца 1980-х – начала 1990-х гг. для России стал переломным практически во всех сферах жизни, в том числе в кооперативном движении. В конце 80-х годов появились первые кооперативы и группы технического творчества молодежи (далее ТТМ). Создавались хозрасчетные молодежные группы, в том числе по разработке компьютерных программ и внедрению компьютерных технологий в производство, поэтому первые кооперативы были производственно-техническими [2, с. 446].

Предпринимательство в Советском Союзе в той или иной форме было легализовано, однако после принятия в 1988 году «Закона о кооперации» этот процесс приобрёл всеобщий обязательный характер [5, с. 41]. Кооперативное движение просуществовало всего три года, с 1988 по 1991 гг. В 1990 г. из зарегистрированных в Смоленской области 666 кооперативов не приступило к работе 96, за бездеятельность были закрыты 88 кооперативов. Рост кооперативов прекратился, и в 1991 г. регистрацию новых кооперативов прекратили, стала вводиться новая форма предпринимательства – малые предприятия (МП), потом ЗАО, ООО и ТОО [4, с. 60].

В течение 1990 г., продолжался активный процесс коммерциализации комсомольской организации путем дальнейшего акционирования предприятий и учреждений, находившихся в ведении Управления делами ЦК ВЛКСМ. В акционерные общества были преобразованы Издательско-полиграфические объединения «Молодая гвардия», Бюро международного молодежного туризма «Спутник», комплекс гостиниц «Орленок», внешнеэкономические объединения «ЮНЭКС» и другие [3, с. 428].

Так, например на начало 1990 г. при Смоленской комсомольской организации работало четыре хозрасчетных формирования: коммерческий центр «Ювента»; центр экологического воспитания; областной штаб Всесоюзной ударной комсомольской стройки «Социально-экономическая перестройка села»; комсомольско-молодежное объединение содействия АПК и два совместных предприятия «Лидер-Юхт» и «Русь». Хозрасчетной деятельностью также занимался областной штаб студенческих отрядов и трудовых объединений [3, с. 429].

Одним из последних кооперативов, зарегистрированных решением президиума городского Совета народных депутатов г. Смоленска № 63 от 15 апреля 1991 г., стала Смоленская юношеская производственно-творческая организация «Аист». Утвержденная решением бюро городского Комитета ЛКСМ РСФСР г. Смоленска 6 марта 1991 г. Согласно уставу Смоленская юношеской производственно-творческой организации «Аист» (в дальнейшем «Аист») является досугово-воспитательной организацией с общественной формой собственности, объединяющей учащихся, студентов, а также рабочую молодежь в кружках, секциях, клубах по интересам, производственно-творческих формированиях. Учредителем СЮПТО «Аист» является Смоленский городской комитет Ленинского Коммунистического Союза Молодежи, находившийся по адресу г. Смоленск, ул. Карла Маркса, д. 4.

«Аист» создавался на основании решения Смоленского городского координационного совета по НТТМ и бюро Смоленского ГК ЛКСМ РСФСР о реорганизации ГКЮТ «Хорс» при МЦ «Прогресс» ГК ЛКСМ РСФСР г. Смоленска в СЮПТО «Аист» с передачей в качестве уставного фонда СЮПТО «Аист» собственности Смоленского ГК ЛКСМ РСФСР в виде

основных и оборотных средств ГКЮТ «Хорс» при МЦ «Прогресс» в полном объеме, а так же части основных и оборотных средств МЦ «Прогресс» ГК ЛКСМ РСФСР г. Смоленска [1, л. 3].

«Аист» являлся юридическим лицом, имел самостоятельный баланс, был наделен основными и оборотными средствами, имел расчетный и иные счета в банках, простую круглую печать, штампы, бланки, товарный знак, эмблему, другие реквизиты с собственными наименованием и находилось по адресу г. Смоленск, ул. Нахимова, д. 3. «Аист» действовал на основании устава, а также на основании соответствующих законов и постановлений действовавших на территории РСФСР в установленном порядке. «Аист» не являлся коммерческой хозрасчетной организацией и действовал частично за счет дотаций, субсидий и финансовой помощи, как учредителей, так и других государственных, общественных, кооперативных и прочих организаций, предприятий, учреждений и частных лиц, обеспечивая при этом частичную самокупаемость за счет получения прибыли от производственно-творческих формирований школьников и молодежи [1, л. 3].

Основной целью «Аиста» являлось научно-техническое образование, творческое воспитание и развитие производственной активности школьников и молодежи. Основными направлениями деятельности «Аиста» являлись: создание и организация деятельности кружков, секций, клубов, научных обществ, лабораторий и прочих творческих формирований технического, научного, прикладного, культурно-массового и спортивно-оздоровительного направлений; создание условий для расширения кругозора школьников и молодежи в области научно-технической и художественной литературы, посредством издания и распространения брошюр, газет, журналов, книг соответствующей тематики; организация работы производственных подразделений на базе творческих формирований и школьных производственных коллективов; проведение конкурсов, выставок, соревнований, слетов, экспедиций, экскурсий, тематических лагерных смен, фестивалей, аукционов и выставок-продаж; а также участие в данных мероприятиях, проводимых другими организациями и учреждениями.

«Аист» включал в себя формирования, действовавшие за счет «Аиста» действовавших на принципах внутреннего хозрасчета с отдельным учетом их средств. Структура формирований утверждалась администрацией «Аиста». С формированиями, работавшими на принципах внутреннего хозрасчёта, администрация «Аиста» заключала договора, в которых оговаривались условия деятельности таких формирований и порядок взаиморасчетов их с «Аистом». Коллектив «Аиста» образовывали штатные работники «Аиста» и его подразделений (за исключением работников формирований с полным внутренним хозрасчетом). Коллектив «Аиста» самостоятельно решал вопросы производственного и социального развития, на основании действовавшего законодательства и устава. Штатные работники формирований с полным внутренним хозрасчетом самостоятельно решали вопросы социального и производственного развития данного формирования за счет его средства [1, л. 4].

Коллектив «Аиста» на общем собрании избирал совет трудового коллектива, утверждавший его председателя, утверждавший положение о совете трудового коллектива, заслушивал отчеты о его деятельности, а также рассматривал другие наиболее важные вопросы деятельности «Аиста». Управление «Аистом» осуществлялось на принципах демократического централизма: сочетании централизованного руководства и самоуправления трудового коллектива. Директор «Аиста» назначался «Учредителем» по согласованию с СТК «Аиста», сроком до 5 лет и мог быть освобожден от занимаемой должности досрочно по представлению СТК. «Учредителем» так же утверждалась кандидатура главного бухгалтера и заместителя директора. Директор руководил деятельностью «Аиста» и организовывал его работы. Директор и главный бухгалтер являлись материально ответственными лицами и несли ответственность за результаты работы «Аиста» и соблюдение требований устава, выполнения обязательств перед «Учредителем» и коллективом «Аиста» [1, л. 4-5].

Директор «Аиста» мог: распоряжался средствами и имуществом «Аиста» в пределах своей компетенции; принимал и увольнял работников «Аиста»; заключал хозяйственные и иные договора от имени «Аиста»; представлял интересы «Аиста» в других организациях,

предприятиях, учреждениях; отвечал за соблюдение правил санитарно-гигиенического режима, норм противопожарной безопасности и охраны труда; выдавал доверенности, решал вопросы по открытию и закрытию в банках расчетных и иных счетов «Аиста».

Один раз в шесть месяцев проводилась аттестация работников «Аиста» по профессиональной пригодности в соответствии с действовавшим законодательством и положением об аттестации, утвержденном СТК. «Учредитель» осуществлял контроль за соблюдением законодательства, сохранностью собственности, видами и идеологической направленностью деятельности «Аиста». Оказывал юридическую помощь. «Аист» не отвечал по обязанностям «Учредителя» и «Учредитель» не отвечал по обязательствам «Аиста».

Источниками средств «Аиста» служили: добровольные взносы и дотации от учреждений, ведомств, предприятий, отдельных граждан, заинтересованных в деятельности «Аиста»; поступления от реализации продукции формирований «Аиста», оказания платных услуг населению и организациям, прочей производственной деятельности; поступлений от аукционов, выставок-продаж, других мероприятий; поступлений от внешнеэкономической деятельности. Все оборотные средства «Аиста» находились в его полном распоряжении и изъятию не подлежали. Недостаток оборотных средств восполнялся из резервного фонда СЮПТО «Аиста».

Использование средств «Аиста» осуществлялось в соответствии с самостоятельно разработанными планами воспитательной и производственно-финансовой деятельности. Остатки средств, образовавшиеся в конце квартала (года), переносились в доходную часть сметы по доходам и расходам будущего квартала (года). «Аисту» предоставлялось право за счет оставшихся в его распоряжении средств образовывать следующие фонды: фонд производственного и социального развития, единый фонд оплаты труда, резервный фонд. «Аист» самостоятельно утверждает штатное расписание, профессиональный и квалификационный состав работников, за исключением должности директора, главного бухгалтера и заместителя директора. «Аист» имеет право заключать договора с различными организациями, а также отдельными гражданами на выполнение необходимых для «Аиста» работ и услуг с соответствующей оплатой труда [1, л. 5].

«Аист» имел право: реализовывать продукцию и оказывать услуги по своим подразделениям по самостоятельно утверждаемым или договорным ценам, в соответствии с законом; передавать другим предприятиям, организациям, учреждениям и отдельным гражданам, обменивать, сдавать в аренду, предоставлять во временное пользование оборудование, транспортные средства, инвентарь, сырье, другие материальные ценности и ресурсы, списывать их с баланса, если они изнашивались или морально устаревали, обменивать продукцию формирования «Аиста» на продукцию других организаций и предприятий по договорам; предоставлять денежные средства, в том числе средства фондов (с согласия совета трудового коллектива) другим организациям и предприятиям [1, л. 6].

«Аист» имел право оказывать материальную помощь работникам «Аиста», выдавая беспроцентные и безвозмездные ссуды на строительство жилья или на другие нужды, по согласованию с советом трудового коллектива. Все доходы, получаемые в результате производственной и хозяйственной деятельности «Аиста», мог использовать только на цели, предусмотренные уставом и какому-либо перераспределению не подлежали.

Реорганизация или прекращение деятельности «Аиста» производились по решению трудового коллектива или «учредителя» в установленном законе порядке. В случае ликвидации «Аиста», материальные ценности и средства после выплаты всех платежей и задолженностей передавались на баланс «Учредителя».

С выходом Постановления Совета Министров РСФСР № 406 от 18 июля 1991 г. «О мерах по поддержке и развитию малого предпринимательства в РСФСР» была разработана программа подготовки и принятия законов: «О фондовых биржах и ценных бумагах», «О банкротстве предприятий», «О государственных закупках» и многие другие. Таким образом, была разработана правовая база, которой не было во времена кооперативного периода предпринимательства [4, с. 63].

1. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (далее ГАНИСО). Ф. 2780. Оп. 1. Д. 23. Л. 2-7.
2. Аксенова Е.К., Иванов А.М. Развитие кооперативного движения в советском союзе в период перестройки (1985-1991 гг.) на примере Смоленского региона // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. сборник статей участников Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых. Министерство науки и высшего образования РФ; Институт российской истории РАН, Совет молодых ученых ИРИ РАН. 2020. С. 446-453.
3. Иванов А.М. Создание, деятельность и реорганизация ленинского коммунистического союза молодежи РСФСР (ЛКСМ РСФСР) по материалам Смоленского региона // Ветер Перестройки - 2022. Сборник материалов Второй Всероссийской научной конференции. Редколлегия: А.Д. Матлин (отв. ред.), Р.Ф. Галиев, А.А. Голдовский, В.С. Халимочкин, П.А. Шашонков. Санкт-Петербург, 2023. С. 421-434.
4. Иванов А.М., Купченко К.В., Федоскин Н.Н. Видеосалоны как элемент кооперативного движения в период перестройки по материалам Смоленской области // Исторический бюллетень. 2021. Т. 4. № 3. С. 59-63.
5. Иванов А.М., Купченко К.В., Федоскин Н.Н., Ягнешко М.В. Создание и деятельность кооперативов на территории Смоленской области в период Перестройки (1985-1991 гг.) // Исторический бюллетень. 2021. Т. 4. № 1. С. 41-48.

Иванов А.М.^{1,2}, Силина К.В.²

Военно-патриотическая работа советского комитета ветеранов войны и труда при Смоленской областной общественной организацией ветеранов в середине 1980-х гг. по материалам Смоленской области

¹(ф) *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации*

²(ф) *Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Россия, Смоленск)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-101

Аннотация

В статье рассматриваются военно-патриотическая работа комитета ветеранов войны и труда созданного при Смоленской областной общественной организацией ветеранов (пенсионеров) войны, труда в годы Перестройки. Авторы описывает методы деятельности организации ветеранов войны и труда по военно-патриотическому воспитанию молодого поколения в Смоленской области. Авторы работы вводят в научный оборот архивные материалы из фондов Смоленского обкома партии, хранящиеся в Государственном архиве новейшей истории Смоленской области (далее ГАНИСО).

Ключевые слова: военно-патриотическая работа, общество ветеранов войны и труда, общество «Знание», Советский комитет ветеранов.

Abstract

The article discusses the military-patriotic work of the Committee of War and Labor Veterans created at the Smolensk Regional Public Organization of War and Labor Veterans (Pensioners) during Perestroika. The authors describe the methods of activity of the organization of war and labor veterans for the military-patriotic education of the younger generation in the Smolensk region Smolensk Region (hereinafter GANISO).

Keywords: military-patriotic work, the Society of War and Labor Veterans, the Znanie Society, the Soviet Committee of Veterans.

12 ноября 1986 г. была создана Смоленская областная общественная организация ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов. Учредительная конференция состоялась 21 марта 1987 г. Первым председателем совета был избран заслуженный ветеран, фронтовик, участник партизанского движения на Смоленщине Н.С. Шараев [4, с. 174]. В 1987 г. на общественных началах в г. Смоленске был образован городской Совет ветеранов войны и труда, в который вошло 59 ветеранов. Одновременно был образован Президиум в количестве 17 человек и 6 комиссий по различным направлениям деятельности [1, л. 3].

Смоленская секция Советского комитета ветеранов войны в своей работе в 1987 г. руководствовалась решениями XXVII съезда КПСС, последующих пленумов ЦК КПСС, постановлениями Смоленского областного и городского комитетов партии, указаниями Советского комитета ветеранов войны. В 1987 г. советский народ, народы братских социалистических стран, все прогрессивное человечество отмечали 70-летие Великой Октябрьской социалистической революции. В работе секции подготовки к юбилею Великого Октября и пропаганды материалов совместного торжественного заседания ЦК КПСС, Верховных Советов СССР и РСФСР, посвященного этому замечательному юбилею, занимали ведущее место. Секция свою работу проводила в тесном взаимодействии с обкомом и горкомом комсомола, ДОСААФ, организациями общества «Знание», военкоматами, политорганми частей Смоленского гарнизона, а также с гарнизонным Домом офицеров и Домом ДОСААФ [5, с. 230]. Программными для совета ветеранов войны и труда являлись слова генерального секретаря ЦК КПСС тов. Горбачева М.С., сказанные им на XVII съезде партии: «Мы, патриоты своей Родины, будем и впредь беречь ее всеми силами, умножать богатства Отечества, крепить ее экономическую мощь и моральную силу» [3, с. 63].

12 марта 1987 г. в состав секции на городской конференции ветеранов войны и труда было избрано 33 человека, из числа которых образовано семь комиссий: организационная, пропагандистская, школьная, по работе с иностранными туристами, по увековечиванию памяти погибших, по работе среди инвалидов и семей погибших и по работе среди партизан. После конференции комиссии значительно пополнились за счет ветеранской общественности. На 1987 г. в пропагандистской комиссии работал 31 человек, по работе с иностранными туристами – 18 человек, школьной – 29 человек и т.д. Это позволяло значительно активизировать работу всех комиссий секции [5, с. 231].

В июне 1987 г. Смоленская секция СКВВ отмечала 20-летие своего образования, в связи с этим событием Смоленский обком КПСС в своем приветствии в адрес секции дал высокую оценку ветеранам города: «Ветераны Вооруженных Сил, партизаны и подпольщики, умело использовали славные революционные, боевые и трудовые традиции Коммунистической партии и советского народа, замечательные образцы героизма и мужества, проявленные многими поколениями смолян, оказывают активную помощь областной партийной организации в героико-патриотическом воспитании подрастающего поколения». Секция была награждена Большим вымпелом Советского комитета ветеранов войны, Почётными грамотами Облвоенкомата, обкома ВЛКСМ и Областного совета общества охраны памятников истории и культуры, 45 активистов секции за активное участие в решении задач ускорения социально-экономического развития города Смоленска, укреплении дисциплины и порядка на производстве, воспитание подрастающего поколения в духе высокой гражданственности и воинского долга были награждены партийными, советскими и общественными организациями [1, л. 5-6].

Таблица 1

*Сведения о количестве военно-патриотических мероприятий,
проведённых Смоленской секцией СКВВ в 1987 г. [1, л. 15].*

<i>№</i>	<i>Наименований мероприятий</i>	<i>Количество</i>	<i>Охват</i>
1	<i>Военно-исторические и читательские конференции</i>	5	1100
2	<i>Общественно-политические чтения</i>	3	1500
3	<i>Лекции-доклады</i>	949	49450
4	<i>Лекции для актива</i>	12	-
5	<i>Тематические вечера</i>	112	-
6	<i>Встречи с ветеранами войны</i>	601	-
7	<i>Посещение музея Великой Отечественной войны</i>	-	100563
8	<i>Выступления в клубе «Будущего воина»</i>	9	4500
9	<i>Уроки Мужества и Мира</i>	463	-
10	<i>Митинги, манифестации</i>	12	-
11	<i>Встречи с иностранными делегациями</i>	80	-
12	<i>Опубликовано статей в печати</i>	138	-
13	<i>Проведено радиопередач</i>	103	-
14	<i>Встречи с воинами Смоленского гарнизона</i>	12	-

Год 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции в работу Смоленской секции СКВВ внес немало новых форм воспитания молодежи, повысилась активность ветеранов, работа секции стала более содержательной и эффективной. В Смоленске стало больше проявляться забота о ветеранах войны и семьях погибших воинов. В 1988 г. была продолжена работа по улучшению материально-бытовых условий данной категории граждан, начатая в ходе Всесоюзного рейда. Вместе с тем отмечалось, чтобы члены секции должны более активно включаться в изучение и пропаганду доклада Горбачева М.С. «Октябрь и перестройка: революция продолжается». В помощь ветеранам-лекторам пропагандисткой комиссии были разработаны методические материалы, прочитаны установочные лекции, больше уделялось внимание изучению доклада генерального секретаря на семинарах [5, с. 230].

Секция Советского комитета ветеранов войны и труда при Смоленской областной общественной организацией ветеранов (пенсионеров) войны, труда большое внимание уделяло военно-патриотической работе в училищах ГПТУ, где по сравнению с общеобразовательными школами эта работа была поставлена намного хуже. Советы ветеранов-однополчан устанавливали шефство над училищами профтехобразования. Важной задачей секции оставалась забота о дальнейшем улучшении жилищных условий участников войны и семей погибших, их медицинского обслуживания и лечения, помощи на дому инвалидам 1 и 2 групп и престарелых ветеранов, которые жили одни и нуждались в посторонней физической помощи [2, л. 36-37].

Таким образом, Смоленская секция ветеранов войны и труда при Смоленской областной общественной организацией ветеранов (пенсионеров) войны, труда занималась военно-патриотическим воспитанием молодежи; Совет контролировало на общественных началах выполнение постановлений ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 12 мая 1988 г. «О дополнительных мерах по улучшению условий жизни ветеранов войны и труда», решений обкома партии, облисполкома, усиления заботы государственных органов и социальных служб по удовлетворению материальных, бытовых и духовных потребностей и запросов ветеранов; принимал непосредственное участие в повышении деловой квалификации, идейной подготовке пропагандистов, лекторов выступающих в рамках военно-патриотической тематики, а также по вопросам международного и внутреннего положения; осуществлял свою деятельность на основе взаимодействия с военкоматами, организациями ДОСААФ, комсомольскими организациями и обществом «Знание» в вопросах совершенствования военно-патриотического воспитания молодежи [2, л. 36-37].

1. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (далее ГАНИСО). Ф. 2795. Оп. 1. Д. 20. Информационный доклад о работе секции Советского комитета ветеранов войны за 1987 г. Л. 1-24.
2. ГАНИСО. Ф. 2795. Оп. 1. Д. 23. Протокол отчетной конференции от 18 марта 1989 г. Л. 36-37.
3. Аксёнова Е.К., Иванов А.М. Прямые способы общения с властью в Советском Союзе: визит реформатора перестройки М.С. Горбачёва в Смоленск // Modern Science. 2021. № 7. С. 61-66.

4. Иванов А.М. Общественно-политические процессы на территории Смоленской области в период Перестройки (1985-1991 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского. Брянск, 2015. С. 174. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25567723> (Дата обращения: 08.09.2024).
5. Силина К.В. Военно-патриотическая работа Советского комитета ветеранов войны и труда в середине 1980-х гг. по материалам Смоленской области // Историко-культурные связи славянских народов: от союза племен до союза государств: сборник статей. Международная научно-практическая конференция / Авт.-сост.: Е.А. Ульяненко, А.М. Иванов, канд. ист. наук, доцент / Под общей ред. Е.А. Ивановой, канд. ист. наук. Смоленск, 2024. С. 229-240.

Иванов А.М.^{1,2}, Силина К.В.²

**Организация и состояние контроля за выполнение законодательства о культурах
и надзоре за деятельностью церквей в середине 1970-х гг.
по материалам Смоленской области**

¹(ф) *Российская академия народного хозяйства*

и государственной службы при Президенте Российской Федерации

²(ф) *Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации*

(Россия, Смоленск)

doi: 10.18411/trnio-10-2024-102

Аннотация

В статье посвящена деятельности Уполномоченного по делам религии при Совете Министров СССР по Смоленской области в середине 1970-х гг. направленная на взаимоотношение с религиозными организациями региона. Авторы затрагивают аспекты взаимодействия и контроля со стороны советских органов как за зарегистрированными, так и незарегистрированными религиозными общинами и группами верующих, показывая деятельность и проблемы, с которыми они сталкивались. В ходе написания статьи использовались материалы Государственного архива новейшей истории Смоленской области (далее ГАНИСО) многие из которых вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: незарегистрированные группы, религиозная политика СССР, общество «Знание», Уполномоченный по делам религии.

Abstract

The article is devoted to the activities of the Commissioner for Religious Affairs at the Council of Ministers of the USSR in the Smolensk Region in the mid-1970s, aimed at relations with religious organizations in the region. The authors touch upon the aspects of interaction and control by the Soviet authorities over both registered and unregistered religious communities and groups of believers, showing the activities and problems they faced. In the course of writing the article, the materials of the State Archive of the Contemporary History of the Smolensk Region (hereinafter GANISO) were used, many of which are introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: unregistered groups, religious policy of the USSR, the Znanie society, the Commissioner for Religious Affairs.

После Великой Отечественной войны положение Церкви в государстве и обществе начало стабилизироваться, так в 1943 году был создан новый государственный орган Совет по делам религиозных культов при Совете Народных Комиссаров Союза ССР, который занимался всеми религиозными организациями, рассматривал обращения граждан и регистрировал церковные общины, предоставляя им церковные здания для прямого пользования [3, с. 52]. Основное внимание Уполномоченного по делам религии по Смоленской области в начале 1970-х годов было сосредоточено на практическом претворении в жизнь политики партии и правительства в отношении религии; выполнение положения о Совете и указаний Совета по делам религии при Совете Министров СССР; контроль за применением и соблюдением законодательства о культурах местными религиозными организациями и служителями культа, а

также местными советскими органами, должностными лицами, всеми гражданами; изучение религиозной обстановки в Смоленской области; информации Совета, партийных и советских органов о процессах и явлениях в религиях; принятие мер по предупреждению и пресечению нарушений законодательства о культурах, рассмотрение заявлений и жалоб; оказание помощи комиссиям при исполкомах рай(гор)советах депутатов трудящихся в осуществлении контроля за соблюдением законодательства о культурах [1, л. 13-14].

По отчетам Уполномоченного по делам религии в Смоленской области Навозова Ф.Д. в начале 1970-х гг. подавляющее большинство населения области порвало с религией, но в области продолжался процесс ее ослабления, постепенно снижалась религиозная обрядность. По состоянию на 1 января 1972 г. в Смоленской области оставалось 38 православных церквей, одна из них в течении последних 5-6 лет (д. Корсики, Шумячского района) из-за отсутствия священника не работала. В связи с недостатком священнослужителей и охлаждением интереса верующих к отправлению религиозных обрядов, отдельные церкви, например Николо-Яровна Смоленского района, Липицы Сычевского района и Юрковщина Хиславичского района почти прекратили свою работы. В двух городах областного значения в Сафонове и Ярцеве и шести сельских – Велижском, Краснинском, Духовщинском, Сафоновском и Угранском районах не было действующих церквей. В период с 1961 по 1971 гг. 14 церквей совершенно прекратили свою деятельность [5, с. 62].

Проводимая работа по организации контроля за деятельностью религиозных организаций местными советскими органами позволила более надежно держать церковь в рамках закона, не допуская в ней послабления, проявляя классовый подход к религии. Должностные лица, которым было поручено заниматься церковью стали более четко представлять, что церкви было положено делать, что не положено, повысилась требовательность к духовенству за неукоснительное выполнение советского закона о религии и церкви. В результате принятых мер по осуществлению контроля за выполнением законодательства о культурах улучшилась организация управления религиозными обществами. Органы по контролю за религией добивались того, чтобы вопросы управления церковью стояли в центре внимания с тем, чтобы во главе исполнительных органов стояли лояльные люди из числа верующих, добросовестно выполнявшие все требования законодательства. Большинство священнослужителей перестали вмешиваться в финансово-хозяйственные дела религиозных обществ, работа по управлению делами религиозных объединений все более стала соответствовать требованиям законодательства о культурах. Некоторые служители культа, например: Никитский В.Л. (Никольская церковь, г. Сычевка), Матюх С.Л. (Троицкий собор, г. Вязьма), Андилевко (Покровская церковь, г. Демидов) допускались факты грубого вмешательства в дела исполнительных органов, за что они были серьезно предупреждены, а в отношении отдельных лиц были сделаны более серьезные выводы.

На повышение эффективности в работе по борьбе с нарушителями законодательства о культурах, сказывалось тесное взаимодействие с органами прокуратуры, суды, МВД и другими компетентными органами. Такое взаимоотношение способствовало исключению необоснованных привлечений к административной и уголовной ответственности и не дали возможности нарушителям закона остаться безнаказанными.

Улучшалась связь с научными работниками г. Смоленска, отдельные из них стали глубже вникать в изучение проповеднической деятельности духовенства, включавшаяся в изучение приспособленчества духовенства Смоленской области к действительности, модернизации вероучений, занимались анализом состава верующих, новых тенденций и сдвигов, наблюдаемых в деятельности церквей [2, л. 27-28].

Анализ работы исполкомов райгорсоветов и их общественных комиссий за 1973 - 1974 гг. показывали, что многие райгорисполкомы проделывали определенную работу по выполнению постановления ЦК КПСС от 16 июня 1971 г. «Об усилении атеистического воспитания населения» и постановления Совета Министров РСФСР от 24 июня 1968 г. № 494 «Об усилении контроля за соблюдением законодательства о религиозных культурах». Они выявляли и своевременно пресекали нарушения законодательства о религиозных культурах, так,

например, общественная комиссия Шумячского исполкома райсовета после неоднократного предупреждения священника Сечно о недопущении нарушений законодательства поставила этот вопрос на рассмотрение административной комиссии исполкома, которая строго наказала священника и исполнительный орган церкви, кроме того, комиссия поставила вопрос о нежелательности дальнейшего пребывания священника Сечно в районе. Смоленским епископом он был переведен в другой район.

По результатам проверки комиссия содействовала Рославльским горисполкомом была пресечена попытка священника Тимофеева вмешаться в дела исполнительного органа Преображенской церкви. По сигналу комиссии содействия Смоленского горисполкома священнослужители Смоленского собора и, в частности, епископ Феодосий были строго предупреждены о недопустимости каких бы то ни было нарушений законодательства о культурах.

Серьезную работу проводила комиссия содействия Ярцевского райисполкома, там комиссии стало известно, что в деревне Мушковичи в доме Когановой О.С. незаконно собиралась на моления группа евангельских христиан-баптистов, за что инициатор этих сборищ Когонова О.С. была строго предупреждена, после этого нарушений не повторялось [2, л. 26].

Комиссия содействия Демидовского и Дорогобужского исполкомов райсоветов и Вяземского горисполкома активно помогали райгорсоветам осуществлять контроль за соблюдением законодательства о религиозных культурах. В комиссиях так были распределены, что каждый член комиссии получал конкретное задание и о выполнении докладывал на заседании. Проводимая воспитательная работа среди населения учреждениями культуры и органами народного образования под руководством партийных организаций, позволила по отдельным городам и районам Смоленской области добиться снижения религиозной обрядности.

Следует отметить, что созданные и утверждённые исполкомами районных и городских Советов депутатов трудящихся комиссия содействия исполкомам райгорсоветов оказывали серьезную помощь местным органам власти в улучшении их работы, усилению контроля за соблюдением законодательства о религиозных культурах. Председателями комиссий были утверждены секретари райгорисполкомов, всего в области было создано 23 общественных комиссии, с количеством членов в них 172 человека. В состав комиссии вошли наиболее авторитетные люди из финансовых органов, органов народного образования и других административных учреждений. Комиссии осуществляли постоянное наблюдение за деятельностью религиозных объединений и духовенства по выполнению ими законодательства о религиозных культурах. Вместе с тем в работе исполкомов райгорсоветов и их общественных комиссий имелись серьёзные недостатки, уровень контроля за соблюдением законодательства и воспитательной работы среди населения оставался низким. Слабо был поставлен контроль за соблюдением законодательства в Монастырщинском районе, там долгое время священник Колола грубо нарушал законодательство о культурах, но исполком райсовета не спешил призывать к порядку обнаглевшего пьяницу. Не было надлежащего контроля за духовенством и религиозными организациями в Новодугинском районе.

Ряд райгорисполкомов не глубоко изучал формы и методы влияния духовенства на религиозное население, слабо привлекались учреждения культуры и органы народного образования для проведения воспитательной работы среди молодежи и школьников. В результате чего в отдельных городах Гагарине, Рославле, Ярцево, в Хиславичском, Демидовском, Смоленском, Руднянском, Починковском, Угранском районах продолжала расти религиозная обрядность. Если в Гагарине в 1973 г. было окрещено 16,7 % к народившимся, то в 1974 г. – 36,7 %, в Рославле соответственно 35 % и 48 %. Вызывали тревогу крещение подростков и детей дошкольного и школьного возраста, так в 1973 г. было окрещено от 3 до 7 лет – 525 детей, от 7 до 18 лет – 147 детей, от 18 и старше – 49 человек; в 1974 г. было окрещено от 3 до 7 лет – 532 человека, от 7 до 18 – 209 человек и старше 18 лет – 44 человека. Все это говорило о том, что во многих школах народного образования была слабо поставлена воспитательная работа среди учащихся [2, л. 29].

Религиозная обрядность и денежные доходы православных церквей в г. Гагарина, г. Рославле продолжали расти, а посещение церквей городским населением, особенно школьников, не уменьшалось. Уполномоченный по делам религии разрабатывал конкретные мероприятия по усилению контроля за соблюдением законодательства о религиозных культах. Внимание комиссий содействия было сосредоточено на более глубоком и всестороннем изучении деятельности религиозных обществ и духовенства, на усиление контроля за соблюдением законодательства о культах. Вместе с советскими и административными органами осуществлялись меры по предупреждению и пресечению противозаконной деятельности отколовшихся баптистов, по выходу рядовых верующих из-под влияния вожаков-раскольников.

За 1971-1974 гг. Уполномоченным по делам религии и инспектором была проведена работа по разъяснению советского законодательства и оказывалась конкретная помощь руководителям местных органов, секретарям райисполкомом, председателям и секретарям сельских и поселковых советов, секретарям партийных организаций, предприятий, учреждений, колхозов, совхозов, лекторам-атеистам, медицинским работникам г. Смоленска, слушателям постоянных курсов при Смоленском обкоме КПСС. Внимание было направлено на усиление пропаганды советского законодательства о культах, на поднятие его авторитета, воспитание всех верующих в духе сознательного отношения к соблюдению законодательства. Эти и другие меры позволили улучшить организацию управления религиозными обществами, исполнительные органы в основном укреплялись лояльными советскими гражданами, добросовестно соблюдавшими законодательство. Священнослужители меньше вмешивались в финансово-хозяйственные дела исполнительных органов.

Значительно укрепляясь связь уполномоченного Совета по делам религии с обществом «Знание», в Смоленской области сложился костяк лекторов-атеистов, проводивших атеистическую работу повседневно и с большим знанием дела. Это преподаватели ВУЗов профессор Легачев В.Я., кандидаты наук Николаев А.А., Чуковенкова М.П., старший преподаватель Вирин, преподаватель школы рабочей молодежи Прокощенко Л.Д. В Сычевском районе большую научно-атеистическую работу вели Колесникова И.И., Кондрашов А.П., Карцева В.П., Смирнова Е.Ф. Королева Г.И.; в Монастырщинском районе Ротмистров М.Б., Самуйленкова Н.А.; в Новодугинском районе – Шабейкина З.И., Ефименко Н.И., Аникеева А.М., Вахтерова А.С.; в Руднянском районе – Ковалишина Н.Г., Липкина Г.М.; в Демидовском районе – Игнатова Е.К., Орлова Л.А.; в Ельнинском районе – Ивченкова В.И., Жихарева А.Т.; в Велижском районе - Сабезко Т.Н.; в Вяземском районе – Гурьянова Т.К., Заболотная В.Г., Проценко Л.И.; в Рославльском районе – Лукашева А.В., Голубев А.П., Лемешина И.Е. и многие другие. Их выступления были глубоки по содержанию, всегда тесно были связаны с жизнью и делами верующих [2, л. 29].

Улучшение воспитательной работы среди населения Смоленской области оказывало свое влияние на уменьшение количества жалоб и заявлений от верующих и религиозных обществ, на нарушение закона о свободе совести, притеснение и оскорбление чувств верующих. Всего жалоб, как в Совет, и непосредственно к Уполномоченному по делам религий по Смоленской области в 1971 г. поступило 8 жалоб [2, л. 28-29], в 1974 г. 16 жалоб, которые были рассмотрены и по ним были приняты меры [2, л. 29].

Таким образом, духовенство Смоленской епархии поддерживали внутреннюю и внешнюю политику советского государства. Уполномоченный по делам религии по Смоленской области Навозов Ф.Д. в начале 1970-х гг. постоянно работал в тесном взаимодействии с областными и местными органами. Смоленский обком КПСС, облисполком, Совет оказывали постоянную и конкретную помощь уполномоченному по осуществлению политики партии и государства в отношении религии и церкви, усилению контроля за соблюдением законодательства о культах, принимали меры по улучшению работы уполномоченного и инспектора [5, с. 73].

С началом Перестройки произошли изменения во взаимоотношении государства и религиозных организаций, ослабление партийно-государственного контроля за деятельностью

различных религиозных конфессий и течений привело к тому увеличению зарегистрированных религиозных обществ. Регистрация новых религиозных объединений воспитывало уважительное отношение к соблюдению законов, способствовало оздоровлению социально-политической обстановки, установлению нормальных взаимоотношений между обществами верующих и органами государственной власти [4, с. 198].

1. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (далее ГАНИСО). Ф. 985. Оп. 2. Д. 58. Статистические и информационные отчеты о деятельности церкви за 1971 г. Л. 13-14.
2. ГАНИСО. Ф. 985. Оп. 2. Д. 62. Статистические и информационные отчеты о деятельности церкви за 1974 г. Л. 26-28.
3. Азаренкова А.С., Иванов А.М. Деятельность религиозного объединения Крестовоздвиженской старообрядческой церкви белокрыницкого согласия в д. Малые липки Сычевского района Смоленской области в 1950-1980-е годы // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. 2022. № 4 (17). С. 52.
4. Аксёнова Е.К., Иванов А.М. Русское православное общество и органы советской власти: взаимоотношения в период перестройки (1985-1991 гг.) по материалам Смоленской области // Традиционные общества: неизвестное прошлое. Материалы XVI международной научно-практической конференции. Челябинск, 2020. С. 198.
5. Иванов А.М., Силина К.В. Деятельность Русской Православной церкви в начале 1970-х годов по отчётам уполномоченного по делам религии при совете министров по Смоленской области // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. 2024. № 1 (22). С. 58-74.

Лобанов В.Б.

Становление советской системы юридического образования (1918 -середина 1920-х гг.)

*ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-103

Аннотация

В статье рассматривается тематика, связанная с первоначальным периодом советского преобразования системы юридического образования на территории РСФСР-СССР. Высшее образование России негативно встретило политические преобразования 1917 года, отрицательно сказавшиеся на системе высшего, в том числе юридического образования в стране Советов. В 1919 году было принято решение упразднить юридические факультеты в университетах РСФСР, были созданы факультеты общественных наук (ФОНы), которые включали в себя в том числе правоведческие отделения. Однако эта система была признана не оправдавшей себя, с 1924 года начинаются закрытия и преобразования ФОНов в факультеты советского права, которые существовали первоначально в пяти университетах на территории РСФСР.

Ключевые слова: Петроградский университет, Московский университет, высшее образование, юридические факультеты, факультеты общественных наук.

Abstract

The article deals with the topics related to the initial period of the Soviet transformation of the legal education system in the territory of the RSFSR-USSR. Higher education in Russia was negatively met by the political transformations of 1917, which negatively affected the system of higher education, including legal education in the country of the Soviets. In 1919, it was decided to abolish the law faculties at the universities of the RSFSR, faculties of social sciences (FSS) were created, which included, among other things, law departments. However, this system was found not to have justified itself, since 1924, the closure and transformation of the backgrounds into faculties of Soviet law began, which originally existed in five universities in the territory of the RSFSR.

Keywords: Petrograd University, Moscow University, higher education, law faculties, faculties of social sciences.

Прежде всего стоит упомянуть, что отечественная университетская среда и юридические факультеты неодобрительно отнеслись к Октябрьской революции 1917 г. и революционным изменениям в целом. Преобразования в юридическом образовании наступили уже в 1918 г., когда по декрету СНК РСФСР «О передаче в ведение Народного комиссариата просвещения учебных и образовательных учреждений и заведений всех ведомств» все отечественные вузы поступали в ведение Наркомпроса РСФСР [1, с. 28].

Декретом СНК «О правилах приема в высшие учебные заведения», в вузах имели право обучаться все желающие не младше 16 лет. Были отменены вступительные экзамены, обязательное среднее образование, вводилось бесплатное обучение, предоставлялась стипендия учащимся из пролетарской и крестьянской среды. Характерно, что данный декрет был отменен уже в 1921 г.

Наконец, было принято решения об ликвидации юридического образования в старой формации на территории РСФСР. 23 октября 1918 г. Наркомпросом РСФСР было принято постановление «О закрытии юридических факультетов университетов».

Несмотря на возражения общественности, юридические факультеты были упразднены. Постановлением Наркомпроса от 3 марта 1919 г. вместо упраздняемых юридических факультетов и исторических отделений историко-филологических факультетов были созданы факультеты общественных наук (далее – ФОНы)

2 июня 1919 г на заседании юрфака Петроградского университета был рассмотрен вопрос «О переименовании факультета юридического в факультет общественных наук» и принято решение преобразовать юридический факультет в факультет общественных наук. Он состоял из политико-юридического и социально-экономического отделений [2, с. 61; 3, с. 14].

То же самое произошло и в Московском университете [4, с. 73]. 14 апреля 1919 г. постановлением Наркомпроса был создан ФОН в составе политико-юридического, социально-экономического и исторического отделений. 5 мая начались учебные занятия, однако 14 ноября решением руководства ФОН лекции с 1 декабря 1919 г. по 1 апреля 1920 г. были приостановлены из-за нехватки дров для отопления помещений.

В Казанском университете юридический факультет 11 июля 1919 г. также был преобразован в ФОН в составе юрико-политического, исторического и экономического отделений, но был закрыт в 1922 г [5, с. 147].

Учебный процесс в рамках ФОН был рассчитан на четырехлетний курс, два из которых отводились на изучение общеобразовательных дисциплин, оставшиеся два предполагалось посвятить овладению избранной специальности. 13 сентября 1919 г. Наркомпрос издал «Временное положение о факультете общественных наук (ФОН) Петроградского университета» в составе социально-экономического, философского, исторического, филологического, этнолого-лингвистического и политико-юридического отделений. В учебном отношении политико-юридическое отделение ФОН состояло из предметных групп, объединенных «родственными» или близкими учебными дисциплинами. Первоначально были сформированы публично-правовая, цивилистическая и криминалистическая предметные группы. В ходе заседания политико-юридического отделения Петроградского университета 6 октября 1919 г. поступило предложение создать четвертую предметную группу из истории права, теории права, истории политических учений и социологии.

Чуть позже Декретом СНК РСФСР «О плане организации факультетов общественных наук Российских университетов» политико-юридические отделения ФОН превращались в правовые отделения (с судебным и административным циклами, а в МГУ – еще и с отделением внешних сношений). Новый учебный план для правового отделения уже отличался более четкой специализацией циклов, были исключены многие неюридические предметы, вводились общие и специальные дисциплины, теоретические курсы и семинары, обязательные и факультативные курсы. Срок обучения по сравнению с 4 годами юридического факультета был сокращен до 3 лет. Важным нововведением стала впервые организованная в 1922 г. практика студентов-правоведов в учреждениях юстиции, ставшая неотъемлемым элементом процесса подготовки юридических кадров. По сложившимся планам данная практик должна была

осуществляться не менее пяти месяцев, на большинстве факультетов она начиналась с 3-го курса [6, с. 17].

В 1922–1924 гг. впервые были изданы советские юридические учебники. Это дало возможность в 1924 г. Наркомпросу в директивном порядке обязать университеты полностью отказаться от использования дореволюционных учебных программ, учебников и учебных пособий. Еще одним нововведением было то, что лекции и семинары в большинстве своем были заменены «бригадно-лабораторным методом» обучения: учебный материал изучался бригадами из примерно десятка студентов во главе с бригадиром; задания предполагали самостоятельное изучение литературы и разбор практических казусов; преподаватель включался только в случае возникших у студентов затруднений.

1924 год стал рубежом в начальной стадии реформирования советской системы юридического образования. ФОНы университетов стали закрываться или преобразовываться в иные учебные подразделения. В частности, в связи с чрезвычайным кадровым голодом в юридической сфере, стали создаваться факультеты советского права. В пределах РСФСР такого рода факультеты были открыты в Московском [4, с. 75], Ленинградском, Казанском, Иркутском и Саратовском университетах. Свободный конкурс для поступления был отменен: прием осуществлялся только по направлению государственных органов.

1. Никитина, А.А. Первые советские законодательные акты о высшем образовании / А.А. Никитина // История государства и права. – 2021. – № 11. – С. 28–31.
2. Новицкая, Т.Е. Юридический факультет МГУ в первые годы Советской власти (1917–1919 гг.) / Т.Е. Новицкая // Вестник Московского университета. – 1983. – № 2. – С. 59–69.
3. Обзор преподавания наук на юридическом факультете Петроградского университета в осеннем полугодии 1918 года и весеннем полугодии 1919 года. – Петроград, 1918. – 24 с.
4. Полянский, П.Л. Юридический факультет Московского университета в первое десятилетие советской власти / П. Л. Полянский // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2004. – № 6. – С. 72–93.
5. Садыков, Ш.Ф. Реорганизация гуманитарного образования в Казанском университете в 1919–1922 годы / Ш.Ф. Садыков // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2018. – № 12 (ч. 1). – С. 145–149.
6. Ящук, Т.Ф. Правовое регулирование в сфере высшего образования в России (историко-правовой аспект) / Т.Ф. Ящук // Правоприменение. – 2017. – Т. 1, № 4. – С. 14–27.

Лобанов В.Б.

**Юридический факультет Кубанского государственного университета –
один из центров подготовки юридических кадров юга России**

*(ф) ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-104

Аннотация

В статье рассматривается тематика, связанная с зарождением и функционированием одного из старейших центров по подготовке юридических кадров на юге России – юридического факультета Кубанского государственного университета. Необходимость в подготовке юридических кадров в столько бурно развивавшемся регионе, каким был и остается Краснодарский край, привела первоначально к созданию филиала Всесоюзного юридического заочного института в 1958 г., а затем и юридического факультета Кубанского государственного университета в 1970 г., куда в 1971 г. был влит краснодарский филиал ВЮЗИ. В нынешнем виде юрфак КубГУ существует с 1972 г., первым его главой стал А.А. Хмыров. На данный момент факультет осуществляет научно-преподавательскую деятельность на 7 кафедрах.

Ключевые слова: Кубанский государственный университет, Всесоюзный юридический заочный институт, юридический факультет, юридическое образование, кафедра гражданского права, кафедра теории и истории государства и права.

Abstract

The article examines the topic related to the emergence and functioning of one of the oldest centers for training legal personnel in the south of Russia - the Law Faculty of Kuban State University. The need to train legal personnel in such a rapidly developing region as the Krasnodar Territory was and remains, initially led to the creation of a branch of the All-Union Correspondence Law Institute in 1958, and then the Law Faculty of Kuban State University in 1970, where the Krasnodar branch of VYuZI was merged in 1971. In its current form, the Law Faculty of KubSU has existed since 1972, its first head was A.A. Khmyrov. At present, the faculty carries out scientific and teaching activities in 7 departments.

Keywords: Kuban State University, All-Union Correspondence Law Institute, Faculty of Law, Legal Education, Department of Civil Law, Department of Theory and History of State and Law.

История современного юридического факультета Кубанского государственного университета берет свой отсчет в 1958 г., когда в Краснодаре был открыт филиал Всесоюзного юридического заочного института (ныне Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина) [1]. В 1970 г. здесь же был открыт юридический факультет воссозданного Кубанского государственного университета. В следующем году для экономии ресурсов и устранения ведомственной конкуренции было принято решение объединить оба юридических вуза под эгидой КубГУ. С 1 января 1972 г. юрфак заработал как единое целое, многие преподаватели краснодарского филиала ВЮЗИ перешли на новосозданный факультет, во главе которого стал к.и.н, доцент А.А. Хмыров. В настоящее время факультет возглавляет д.ю.н., профессор С.В. Потапенко, одновременно до начала 2024 г. стоявший во главе кафедры гражданского процесса и международного права [2].

Старейшее подразделение факультета – кафедра гражданского права. Она появилась в 1972 г, несколько раз меняла свое название – от кафедры гражданского, трудового и колхозного права до современного. С 2005 года по настоящее время кафедру возглавляет д.ю.н., профессор Л.В. Щенникова. Направления подготовки: 40.03.01 «Юриспруденция» и 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности», есть бакалавриат, магистратура и аспирантура [3].

Кафедра гражданского процесса и международного права как самостоятельная научно-образовательная единица появилась в 2013 г., с 2024 г. ее возглавляет к.ю.н., доцент О.Н. Малиновский. Кафедра является выпускающей по 2 направлениям - 40.04.01 «Юриспруденция» и 40.03.01 «Юриспруденция», международно-правовой профиль. Имеются бакалавриат и магистратура, осуществляется преподавание по 54 учебным дисциплинам [4].

Кафедра конституционного и административного права также является одной из старейших на факультете, она была создана в 1972 г. и первоначально называлась кафедрой государственного права и советского строительства. С 1992 г. она стала называться кафедрой государственного права и управления. В 2006 г. были созданы кафедры конституционного и муниципального права и административного и финансового права. В 2021 г., в ходе очередной реорганизации, эти две кафедры были объединены в кафедру, носящую настоящее название. Во главе нее стоит д.ю.н., профессор Е.Б. Лупарев. Кафедра работает по 2 направлениям: 40.03.01 «Юриспруденция» и 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности» [5].

Кафедра криминалистики и правовой информатики появилась в составе юрфака в 1976 г. Она осуществляет свою деятельность по направлениям «Юриспруденция» 40.03.01 (бакалавриат); 40.04.01 (магистратура); 40.06.01 (аспирантура) и 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности», 40.05.02 «Правоохранительная деятельность», ведется преподавание по 50 учебным дисциплинам. С 2017 г. на базе кафедры проводятся ежегодные «Хмыровские криминалистические чтения». В данное время ее возглавляет д.ю.н., доцент А.В. Руденко [6].

Кафедра теории и истории государства и права является одной из старейших на факультете, она была открыта в 1972 г. С 2021 г. заведующей кафедрой является д.ю.н., доцент Г.Э. Адыгезалова. На кафедре осуществляется подготовка по направлениям: Юриспруденция 40.03.01 (бакалавриат), 40.04.01 (магистратура), 40.06.01 (аспирантура), 40.05.01 «Правовое

обеспечение национальной безопасности». Сотрудники кафедры приняли участие в подготовке более 100 учебных программ, происходит преподавание более 50 учебных дисциплин на юрфаке и других факультетах КубГУ [7].

Кафедра уголовного права и криминологии также является старейшей на факультете, она была открыта в 1972 г. С 1998 г. ее возглавляет д.ю.н., профессор В.П. Коняхин. Кафедра осуществляет деятельность по направлениям подготовки Юриспруденция 40.03.01 (бакалавриат), 40.04.01 (магистратура), 40.06.01 и 5.1.4 (аспирантура); специальностям: 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности», 40.05.02 «Правоохранительная деятельность», осуществляется преподавание более 50 учебных дисциплин [8].

Кафедра уголовного процесса, являясь также старейшей на юрфаке КубГУ, появилась в 1972 г. и первоначально называлась кафедрой уголовного процесса и криминалистики. В ходе реорганизации кафедра в 1976 г. была разделена на две: кафедру уголовного процесса и кафедру криминалистики. В 1987 г. кафедра была преобразована в кафедру уголовного процесса и прокурорского надзора. В 2006 г. кафедра получила свое настоящее название. С 2004 г. структурное подразделение возглавляет д.ю.н., профессор О.В. Гладышева. Осуществляется обучение по направлениям подготовки 40.03.01 «Юриспруденция», 40.05.02 «Правоохранительная деятельность», 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности» [9].

Подводя краткие выводы, следует отметить, что юридический факультет Кубанского государственного университета является из центров подготовки юридических кадров на юге России, осуществляет подготовку юристов по многим направлениям юриспруденции, тем самым во многом удовлетворяя потребность Южного федерального округа и в целом юга Российской Федерации в квалифицированных специалистах в юридической отрасли

1. История юридического факультета КубГУ. URL: <https://experimentfac.narod.ru/history/history.htm> (дата обращения 15.09.24)
2. Юридический факультет. Кубанский государственный университет. История факультета. URL: <https://law.kubsu.ru/история-факультета/> (дата обращения 15.09.24)
3. Кафедра гражданского права. URL: <https://law.kubsu.ru/кафедра-гражданского-права3/> (дата обращения 15.09.24)
4. Кафедра гражданского процесса и международного права. URL: <https://law.kubsu.ru/каф-гражд-проц/> (дата обращения 15.09.24)
5. Кафедра конституционного и административного права. URL: <https://law.kubsu.ru/кафедра-конституционного-и-админист3/> (дата обращения 15.09.24)
6. Кафедра криминалистики и правовой информатики. URL: <https://law.kubsu.ru/elementor-19260/> (дата обращения 15.09.24)
7. Кафедра теории и истории государства и права. URL: <https://law.kubsu.ru/кафедра-теории-и-истории-государства-3/> (дата обращения 15.09.24)
8. Кафедра уголовного права и криминологии. URL: <https://law.kubsu.ru/elementor-18244/> (дата обращения 15.09.24)
9. Кафедра уголовного процесса. URL: <https://law.kubsu.ru/кафедра-уголовного-процесса-4/> (дата обращения 15.09.24)

Мухамадеев А.Р.

**Кадровое обеспечение аппарата мировых судов Республики Татарстан
на начальном этапе деятельности (1998–2008 гг.)**

*Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
(Россия, Казань)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-105

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы кадрового обеспечения аппарата мировых судов Республики Татарстан в первое десятилетие их профессиональной деятельности. Изначально структура и штатное расписание аппарата мирового судьи утверждались Государственным советом РТ по представлению Управления Судебного департамента в РТ, но, согласно

очередным изменениям они стали утверждаться Кабинетом министров РТ. Прием и увольнение аппарата мирового судьи переходит в ведение Минюста РТ по согласованию с самим мировым судьей. К 2009 г. в республике проблема с кадровым обеспечением в основном была решена.

Ключевые слова: Татарстан, мировой суд, аппарат, секретарь судебного заседания, помощник, консультант, делопроизводитель.

Abstract

The article discusses the problems of staffing the staff of the magistrates' courts of the Republic of Tatarstan (hereinafter – RT) in the first decade of their activity. Initially, the structure and staffing of the magistrate's office were approved by the State Council of the Republic of Tatarstan on the proposal of the Office of the Judicial Department in the Republic of Tatarstan, but, according to the next changes, it began to be approved by the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan. Reception and dismissal of the office of the magistrate goes to the jurisdiction of the Ministry of Justice of the Republic of Tatarstan in agreement with the magistrate himself. By 2009, in the Republic of Tatarstan, the problem with staffing was largely resolved.

Keywords: Tatarstan, magistrate's court, office, court clerk, assistant, consultant, clerk.

Федеральный Закон «О мировых судьях в Российской Федерации» (1998 г.) установил, что работу мирового судьи обеспечивает его аппарат. Согласно Закону, структура и штатное расписание аппарата мирового судьи устанавливались в порядке, предусмотренном законом субъекта РФ. Работники аппарата мирового судьи объявлены государственными служащими субъекта РФ. В соответствии со ст. 9 Закона Республики Татарстан (далее – РТ) «О мировых судьях Республики Татарстан» (17.11.1999 г.), работники аппарата мирового судьи признаны госслужащими РТ. Структура и штат аппарата мирового судьи утверждались Государственным Советом РТ по представлению Управления Судебного департамента в РТ. В первый раз структура и штатное расписание аппарата мировых судей республики была утверждена Госсоветом РТ 31 мая 2000 г. Штатные единицы работников аппарата определялись не на судебные участки, а на административный район.

В республиканские законы и нормативные акты вносились изменения и дополнения. Согласно изменениям от 24 марта 2004 г., структура и штатное расписание аппарата мирового судьи утверждались Кабинетом министров РТ. Прием и увольнение сотрудников аппарата перешло в ведение Министерства юстиции РТ по согласованию с мировым судьей (изменения от 08.03. 2005 г.). Указом Президента РТ «О мерах по реализации закона Республики Татарстан» (07.06. 2004 г.) были внесены изменения в Закон «О мировых судьях Республики Татарстан», в соответствии с которым изменилась политика в кадровом обеспечении аппарата мирового судьи. Указ, согласно п.3 ст.10 данного закона, возлагал материально-техническое обеспечение деятельности мировых судей на Минюст РТ. Согласно его проекту, Кабмин РТ принял новое штатное расписание. Временные единицы работников аппарата мировых судей, финансируемые из бюджета г. Казани, были переведены на постоянные должности. Постановлением Кабмина РТ (06.02. 2006 г.) с 1 марта 2006 г. введены должности администраторов (18 единиц), на которых возлагалось материально-техническое обеспечение деятельности аппарата мировых судей.

Работники аппарата мирового судьи осуществляли деятельность в согласно общим Правилам поведения работников аппарата суда, утвержденным Постановлением Совета судей РФ от 27 апреля 2006 года. В них были прописаны обязанности работника аппарата суда, требования при исполнении служебных обязанностей и во время внеслужебной деятельности, регулирование конфликта интересов, запреты, ограничения, ответственность.

21 июня 2007 г. в заседании Совета судей РФ отмечалось, что в субъектах РФ нет понимания важности введения в штаты судебных участков единиц помощников мировых судей. Подчеркивалась необходимость комплектации аппарата мирового судьи достаточным числом госслужащих. К этому времени аппарат в большинстве субъектов состоял из двух (в некоторых из одного) сотрудников: секретаря судебного заседания и секретаря судебного

участка. Лишь в половине субъектов в наиболее загруженные судебные участки мировых судей были введены должности помощников, в 79% судебных участков отсутствовали архивариусы. Отмечено, что в большинстве субъектов служащие аппарата мировых судей отнесены к низшей категории специалистов. Признано неправильным предъявление к ним требования наличия лишь среднего профессионального (юридического) образования. Такое образование не могло соответствовать уровню требуемых знаний.

К ноябрю 2007 г. структура аппарата мирового судьи в республике предусматривала наличие на каждом судебном участке по одной единице консультанта, секретаря судебного заседания, старшего специалиста 2 разряда-заведующего канцелярией и специалиста 2 разряда-делопроизводителя. Эта структура аппарата мирового суда была утверждена нормативами, разработанными Судебным департаментом при Верховном Суде РФ в целях исполнения постановления Совета судей РФ «О мерах по совершенствованию организации и деятельности мировых судей в Российской Федерации» (29.04.2005 г.). К этому времени утвержденной структуре соответствовала лишь штатная численность секретарей судебных заседаний. Министерство юстиции РТ признало, что приведение штатного расписания в соответствие с данной структурой позволило бы обеспечить более эффективную работу мировых судей. В итоге, постановлением президиума Кабмина РТ от 12 ноября 2007 г. штатная численность работников аппарата мировых судей была увеличена на 42 единицы.

Согласно данным Министерства юстиции РТ, к 29 ноября 2007 г. на 168 мировых судей республики приходилось 52 консультанта, 168 секретарей судебного заседания, 103 старших специалиста 2 разряда-заведующих канцеляриями, 153 специалиста 2 разряда-делопроизводителя. Дополнительно требовались 116 единиц консультантов, 65 единиц специалиста 2 разряда-заведующего канцеляриями, 15 единиц специалиста 2 разряда-делопроизводителя. Увеличение количества мировых судей на 14 единиц, требовало еще по 14 указанных должностей на каждый судебный участок.

К началу 2009 г. проблема комплектования аппарата мировых судей республики полностью еще не была решена. На VII отчетно-выборной конференции судей РТ (26 февраля), отмечалось, что обещанное Кабмином РТ приведение в 2008 году штатного расписания аппарата мировых судей республики в соответствии с его разработанной структурой не выполнено. При положенной структуре в 728 единиц по штатному расписанию всего трудилось 532 работника. Было необходимо дополнительно ввести в штаты 116 единиц консультантов, 65 заведующих канцеляриями, 15 делопроизводителей, т.е. 196 единиц. Работа в этом направлении продолжилась в последующие годы, что в большей степени было сопряжено с уровнем финансирования.

1. Выступление председателя Совета судей РТ И.И. Гилязова от 26.02.2009 г. на VII отчетно-выборной конференции судей РТ / Текущий архив Верховного суда РТ.
2. Закон РТ «О государственной гражданской службе Республики Татарстан» № 3-ЗРТ от 16 января 2003 года // Республика Татарстан. 2003. № 13. 21 января.
3. Закон РТ «О мировых судьях Республики Татарстан» № 2240 от 17.11.1999 г. / Текущий архив Верховного суда РТ.
4. Информация Министерства юстиции для заседания Совета судей РТ от 29.11.07 г. / Текущий архив Верховного суда РТ
5. Нуриахметов И.Ф. Развитие института мировых судей в Татарстане // Судья. 2008. № 3. С. 63-66.
6. Постановление Государственного Совета Республики Татарстан от 31.05.2000 г. №178 «Об утверждении структуры и штатного расписания аппаратов мировых судей Республики Татарстан» // Ведомости Государственного Совета Татарстана. 2000. № 6 (5). С. 151.
7. Постановление Кабинета министров РТ от 06.02.2006 г. «О введении в отдел обеспечения мировых судей Республики Татарстан должности администратора суда» / Prav.tatar.ru (Официальный сервер Правительства Республики Татарстан).
8. Постановление Совета судей РФ № 179 от 21.06.2007 г. «О выполнении постановления Совета судей Российской Федерации от 29 апреля 2005 года № 131 «О мерах по совершенствованию организации и деятельности мировых судей в Российской Федерации» / Текущий архив Верховного суда РТ.

9. Правила поведения работников аппарата суда / Minjust.tatar.ru (Официальный сайт Министерства юстиции Республики Татарстан).
10. Проект постановления Совета судей РТ «Об обеспечении деятельности мировых судей Республики Татарстан» от 29.11.2007 г. / Текущий архив Верховного суда РТ. С. 3-4.
11. Указ Президента РТ от 07.06.2004 г. № УП-451 «О мерах по реализации Закона Республики Татарстан «О мировых судьях Республики Татарстан» / Minjust. tatar. ru (Официальный сайт Министерства юстиции Республики Татарстан).
12. Указ Президента Республики Татарстан от 18.01.2006 г. №УП-9 «О реестре должностей государственной гражданской службы Республики Татарстан» // Республика Татарстан. 2006. № 12. 24 января.
13. ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» № 188-ФЗ от 17.12.1998 г. / Судебная система Российской Федерации: Сборник нормативных актов. М.: ИНФРА-М, 2001. С. 145-147.

Мухамадеева Л.А.

**Политика по отношению к народам Среднего Поволжья
на территории Казанской губернии и Татарстана в 1918-1920-х годах
(по материалам прессы)**

*Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
(Россия, Казань)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-106

Аннотация

Статья посвящена освещению общественно-политической жизни и просветительства среди национальных меньшинств на территории Казанской губернии и Татарстана в 1918-1920-х гг. Автор статьи констатирует активную общественную деятельность за свои права чувашей, мари, вотяков и представителей других этносов на указанной территории. Создавались образовательные учреждения и национальные курсы. Боролись за сохранение национальной культуры и родного языка. В Казанском Совете был создан национальный отдел с подотделами по работе среди чувашей и марийцев. Национальные меньшинства, организовывали свои общества, созывали собрания и съезды. С образованием ТАССР ситуация не изменилась, национальному вопросу, как и прежде, придавалось большое значение. Одними из первоначальных стали вопросы образования национальных меньшинств, проводилась работа по их приобщению к советской власти.

Ключевые слова: Казанская губерния, Татарстан, политика, большевики, чувашаи, мари, вотяки, крышены, национальное движение, просвещение.

Abstract

The article is devoted to the coverage of social and political life and enlightenment among national minorities on the territory of the Kazan province and Tatarstan in the 1918-1920s. The author of the article states the active social activity for their rights of the Chuvash, Mari, Votyaks and representatives of other ethnic groups in the specified territory. Educational institutions and national courses were created. They fought for the preservation of national culture and native language. In the Kazan Council, a national department was created with sub-departments for work among the Chuvash and Mari. National minorities organized their societies, convened meetings and congresses. With the formation of the TASSR, the situation did not change; the national question, as before, was given great importance. One of the initial issues was the education of national minorities, work was carried out to introduce them to Soviet power.

Keywords: Kazan province, Tatarstan, politics, Bolsheviks, Chuvashs, Maris, Votyaks, Kryashens, national movement, education.

Привлечение на свою сторону представителей разных национальностей Казанской губернии после революционных событий 1917 г., заставило советские власти выработать свою стратегию по отношению к ним. Соответственно, не были оставлены без внимания и представители народов, составляющих в губернии незначительную часть населения, в т.ч. не из

коренного населения Среднего Поволжья (поляки, латыши, евреи и др.). Кроме того, агитация и пропаганда среди них, организация всяческих мероприятий, съездов и собраний происходили регулярно. Поощрялось создание собственных общественно-политических и профсоюзных движений, поддерживающих линию большевиков. В таких условиях, подъем национального самосознания национальных меньшинств и проявление активности их лидеров не заставили себя ждать.

В июне 1918 г. согласно принятому Казанским Губернским исполнительным комитетом Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (РСКД) положению от 31 мая 1918 г. должны были быть произведены выборы в Губернский Совет по народному образованию. В выборах участвовали образовательные (в т.ч. национально-образовательные) учреждения, организации учителей, учащихся, родителей, школьных специалистов и пр. Среди них губернским национальным Советам народного образования в составе русского, мусульманского, чувашского, черемисского и мелких народностей или организациям, их заменяющим, предоставлялось 17 мест. Делегаты от учителей национальных образовательных учреждений имели свои квоты – учителям из русских предоставлялось 6 мест, мусульманам – 5, чувашам – 4, черемисам (мари) – 1, другим «мелким народностям» – 1 место.

Власти не препятствовали единению национальных меньшинств, которые организовывали свои общества, созывали многочисленные собрания и съезды, которые происходили и в других регионах Среднего Поволжья. Так, 18 октября 1919 г. в г. Малмыже в помещении Народного Дома состоялся съезд национальных меньшинств с участием 102 делегатов. С приветственной речью выступил заведующий отделом национальных меньшинств Андреев, затем выступили представитель губернского отдела национальностей Мак...ов (?) (вотяк), от уездного исполкома Солуянов, от уездного отдела народного образования Шкляев (вотяк), губернского отдела образования Агачев (мари), от отдела социального обеспечения Солянов. В президиум собрания большинством голосов были избраны, Михайлов, Ястребова, Шкляев и председателем Хамматов.

Активизировались и кряшены, у которых после революции резко возросло самосознание. 1 июля 1920 г. в Казани состоялся общекряшенский съезд. Повестка дня состояла из следующих пунктов: доклад Центрального кряшенского отдела, доклад 3-х годовичных Кряшенских курсов, организация просвещения кряшен, отношение к Татарской Республике. Наряду с этим на съезде прозвучали доклады с мест, а также были рассмотрены текущие моменты.

Представительство на съезде должно было быть следующим: от каждой тысячи жителей кряшен – по 1 представителю, от кряшенского сельского учительства – 35, от уездных союзов просвещения и социалистической культуры – по 1 от каждой организации, от губернских, уездных комитетов партии – по 1, от рабочих заводов гг. Казани и Уфы по 2 представителя – всего 4, от бюро кряшен при Казанском Губернском комитете комсомола (Губкомоле) – 1, от ячейки коммунистической партии (комячейки) молодежи педагогических курсов Казани – 1, от 3-х годовичных педагогических кряшенских курсов Казани – 2, от одногодичных кряшенских педкурсов – 1, от культурно-просветительских и профессиональных организаций – по 1-му от каждой организации, от красноармейских частей губернских гарнизонов – по 5, представителей уездных – по 2, от Народного комиссариата по делам национальностей (Наркомнаца) – 1 представитель, от мелких народностей – по 1 представителю. Делегаты должны были явиться в Центральный Кряшенский отдел для регистрации, с дальнейшим устройством в общежитии.

С объявлением и образованием Татарской Автономной Советской Социалистической Республики (ТАССР) ситуация особо не изменилась, национальному вопросу, как и прежде, придавалось основополагающее значение. Так, в марте 1921 г. собрание ячейки при Татарском совете народного хозяйства (Татсовнархозе), заслушав доклад Казакова по национальному вопросу, единогласно вынесло постановление, где среди прочего, отмечалось следующее. Было признано необходимым сохранить быт, нравы, обычаи и язык, употребить все усилия к поднятию культурного уровня пролетариата остальных национальностей (кроме русских и татар), чтобы приобщить их к «единой коммунистической семье». При выполнении этой

работы необходимо было строго соблюдать политику партии по национальному вопросу и какое-либо уклонение от коммунизма в сторону буржуазного национализма со стороны коммунистов национальных меньшинств должно было быть категорически пресечено.

Вопросы просвещения и образования национальных меньшинств стали для властей одними из прерогативных: для их представителей бронировались места в образовательных учреждениях, приветствовалось их приобщение и лояльность к советской власти через образование, выявлялась статистика. Так, за время существования рабочего факультета (рабфака) Казанского университета с 1920 по 1923 гг., его студенты имели следующий национальный состав: русских – 177, чуваш – 31, евреев – 24, татар – 19, вотяков (удмуртов) – 5, мари – 5, поляков и белорусов – по 2, мордвы, литовцев, латышей – по 1 (всего 268 человек). В 1923 г. рабфак имел в наличии такой национальный состав: русских – 350, татар – 126, чуваш – 34, евреев – 15, мари – 6, вотяков, поляков и белорусов – по 2, кряшен – 6, литовцев и немцев – по 1.

30 октября 1922 г. в Казани был открыт Татарский коммунистический университет (ТКУ) с трехгодичным сроком обучения. Просуществовавший до 19 декабря 1932 г. ТКУ являлся высшей советской партийной школой. В 1923 г. в нем состояло: мусульман – 93 человека (из них 2 перса), русских – 42, чуваш – 10, мари – 2, латышей – 1, украинцев – 2, башкир – 2, евреев – 2, поляков и белорусов – по 1, кряшен 7 человек. По социальному положению: из крестьян – 104 человека, рабочих – 46, служащих – 10, интеллигентов – 3, членов партии – 94, кандидатов – 36, членов Российского коммунистического союза молодежи (РКСМ) – 33 человека. В июне 1925 г. в ТКУ открылись марийское, мордовское, чувашское, вотякское и башкирское отделения. Однако в связи с тем, что в 1930 г. ТКУ был преобразован в учебное заведение областного значения, данные национальные секторы были упразднены.

В сентябре 1923 г. в Казани состоялась 1-я Краевая восточная методическая конференция национальных меньшинств по ликвидации неграмотности. Кроме ликвидации неграмотности в 1923-1924 гг., рассматривались вопросы обучения на родном языке, быт, текущий момент и т.п. На конференции присутствовало 36 делегатов. Представлены Татарская, Башкирская и Туркестанская Республики, области – Чувашская, Вотская, Мари, Коми, губернии – Пензенская, Екатеринбургская, Саратовская, Симбирская и Самарская.

Из докладов с мест по ликвидации неграмотности, участники сделали вывод о правильности выбранного пути. Кроме того, высказывалось, что в 1923-1924 учебном годах главное внимание при ликвидации неграмотности должно было уделяться родному языку и только после обучения грамоте на своем языке, желающие могли обучаться на русском языке. Срок обучения в пунктах ликвидации безграмотности (ликпунктах) – 3-6 месяцев, после чего были намечены дальнейшие пути обучения: организация (по мере возможностей) школ малограмотности, широкое использование книг, как средство вовлечения в библиотеки, избы-читальни, клубы и организации в виде опыта индивидуальных и кружковых занятий по самообразованию.

Все преподавание велось по программам Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) по ликвидации неграмотности, каждая национальность имела право изменять грамматические правила согласно требованиям своего языка. Чтобы обеспечить будущий учебный год учебными пособиями, конференция поручала ВЧК по ликвидации неграмотности изыскать средства на издание букварей и других учебных пособий. В целях ознакомления преподавателей с правильной постановкой работы в ликпунктах и школах малограмотности было признано необходимым использовать все виды инструктажа, а именно: снабжение методической литературой, устройство совещаний и конференций, курсов и кружков, организация уголков «ликвидаторов» и инструктивных школ. В инструкторских школах предлагалось обратить внимание преподаванию по новой методике, применению при обучении метода целых слов, использованию при занятиях вопросов текущего момента, местного быта и целого ряда других вопросов, дающих возможность преподавателям быть постоянно в курсе текущей жизни и вводить в курс учеников.

Из-за отсутствия учебников на родном языке в школах национальных меньшинств в 1924-ом учебном году преподавание вынуждено было вестись лишь на русском языке. Местная пресса выражала надежду, констатируя, что в следующем учебном году учеба в группах национальных меньшинств будет вестись уже на их родных языках в тех школах, где будет укомплектован штат работников, говорящих на том или ином национальном языке.

При вотском и марийском отделениях рабфака Казанского университета организовывалось бюро краеведения для изучения родного края. Идя навстречу этому, университет открывал кабинет и музей краеведения для собирания предметов народного творчества. Итоги приема студентов в университет за 1924 г. по национальному составу были следующими. Из всех принятых 230 студентов татары составляли от общего числа 9%, чувашаи – более 8%, русских было более 66%, остальные являлись представителями национальных меньшинств.

В Татарском коммунистическом университете состояло 213 слушателей, из которых было: 66% татар, 25% русских, 9% других национальностей.

В марте 1927 г. по предложению коллегии Татарского народного комиссариата просвещения (ТНКПроса) комитет профессионально-технического образования ТАССР (Татпрофобр) признал необходимым организовать в Казани новый педагогический техникум для мордвы, мари и вотяков. К началу 1927 г. планировался прием учащихся в первую подготовительную группу по 40 человек на каждую из указанных национальностей, т.е. всего 120 человек. Вторую подготовительную группу планировалось открыть с 1928/1929 учебного года и первый основной класс с 1929/1930 учебного года. Учащихся обеспечивали общежитием.

В апреле 1927 г. НКПрос РСФСР предложил Народному комиссариату просвещения ТАССР (Татнаркомпросу) поднять перед Советом народных комиссаров Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (СНК РСФСР) вопрос о создании в Казани медицинского техникума для национальных меньшинств (марийцев, мордвы, коми и вотяков) в составе трех отделений.

Таким образом, у национальных меньшинств (чувашей, мари, мордвы, кряшен и пр.) на территории Казанской губернии и Татарстана в 1918-1920-х гг. заметно поднялось национальное самосознание. Власти усиленно пытались приобщить национальные меньшинства к Советской власти через образование и просвещение. Они создавали свои национальные общества, созывали съезды и собрания. Боролись за сохранение национальной культуры и родного языка. С образованием ТАССР ситуация практически не изменилась. Вместе с тем, просвещению национальных меньшинств стало уделяться существенно больше внимания. Создавались образовательные учреждения и национальные курсы.

1. Жизнь национальностей. 1919. № 42 (50). 2 ноября.
2. За землю и волю. 1918. № 119 (157). 19 июня.
3. Известия ТатЦИК. 1921. № 62 (362). 20 марта.
4. Известия ТатЦИК. 1923. № 181 (276). 18 августа.
5. Известия ТатЦИК. 1923. № 213 (308). 26 сентября.
6. Красная Армия. 1920. № 14 (319). 7 июня.
7. Красная Армия. 1920. № 15 (321). 14 июня.
8. Красная Татария. 1924. № 41. 24 июня.
9. Красная Татария. 1924. № 109. 12 сентября.
10. Красная Татария. 1924. № 117. 21 сентября.
11. Красная Татария. 1924. № 135. 12 октября.
12. Красная Татария. 1924. № 148. 28 октября.
13. Красная Татария. 1927. № 59 (2732). 12 марта.
14. Красная Татария. 1927. № 84 (2757). 14 апреля.
15. Красная Татария. 1939. № 170 (6445). 27 июля.

Науменкова Е.О., Попиль И.А.

Анализ и причины американской интервенции на севере России в 1918–1919 гг.

Военно-космическая академия им. А.Ф. Можайского
(Россия, Санкт-Петербург)

doi: 10.18411/trnio-10-2024-107

Аннотация

В статье раскрываются причины, заставившие американское руководство принять решение о военном вмешательстве в Советскую Россию в период Гражданской войны, а также политика интервентов на подконтрольной территории.

Ключевые слова: интервенция, США, гражданская война.

Abstract

The article reveals the reasons that forced the American leadership to decide on military intervention in Soviet Russia during the Civil War, as well as the policy of interventionists in the controlled territory.

Keywords: intervention, USA, civil war.

На сегодняшний день известно множество военных американских операций проводившихся на территориях других государств по всему миру. Причинами их проведения американское руководство называет благие намерения и желание помочь странам в становлении или сохранении демократических режимов. Однако последствия «насаждения демократии» довольно печальны: разрушенная инфраструктура городов, уничтоженные памятники истории и архитектуры, тысячи человеческих жертв среди мирного населения. Подобная судьба могла ждать и Россию, когда американцы вместе со странами Антанты организовали интервенцию и вторглись в пределы страны в 1918 – 1919 гг. В связи с чем представляется актуальным обратиться к данным событиям. В данной статье ставится задача раскрыть причины, заставившие американское руководство принять решение об интервенции в Советскую Россию и рассмотреть основные моменты интервенции.

После прихода к власти в России большевиков в 1917 году, американцы начали бить тревогу. Считая В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого немецкими агентами, они опасались выхода России из Первой Мировой войны, вопреки союзническим обязательствам. Другой причиной для тревоги было опасение распространения идей большевизма по миру, о чем впоследствии открыто признавался посол США в России Д. Френсис.

Для сохранения России в стане воюющих держав и смены еще не окрепшего правительства на удобное США, американские власти решили выявить на территории России регионы с антибольшевистскими настроениями. Было определено два основных направления работы разведывательных ведомств США:

1. Поиск возможностей для организации военного вмешательства в Россию, обязательно с опорой на антибольшевистские силы внутри страны.
2. Сбор информации о контактах лидеров большевистской России с немецким Генеральным Штабом, направленной на дискредитацию Советского правительства и легитимизацию интервенции. Данное направление было очень актуально, потому как необоснованное военное вмешательство в другое государство граждане Америки могли воспринять негативно. И в преддверии выборов осенью 1918 года это могло быть использовано оппонентами действующего президента США – Томаса Вудро Вильсона. По словам журналиста А. Балларда, службы разведки Антанты «тщательно прочесали всю биографию Ленина», но не нашли достоверных подтверждений советско-германского сговора.

Работая по первому направлению и проанализировав ситуацию в различных регионах России, американское руководство решило сделать ставку на Север России, где в портах Архангельска и Мурманска находились огромные запасы грузов военного назначения Антанты. Военные агенты, работавшие на данной территории, пришли к ложным выводам о пологой готовности населения сотрудничать с интервентами и о существенном росте антибольшевистских настроений. Американская разведка не брала во внимание тот факт, что русские люди, особенно проживающие в северных районах, были аполитичными гражданами, которые хотели заниматься своими привычными делами без вмешательства извне. Более реалистично смотрел на вещи американский консул в Архангельске Ф. Коул: «план составить из русских добровольцев армию для поддержки союзников в борьбе с Германией обречен на провал».

Президент США В. Вильсона в официальном заявлении от 3 августа 1918 года об отправке американских войск в Россию, выделил следующие причины: оказание помощи чехословацким легионерам в возвращении домой, охрана военных складов, восстановление порядка и законного правительства в России. Отметим, что администрация Томаса Вудро Вильсона официально не признала Совет Народных Комиссаров. Часть исследователи полагают, что американцы в ходе интервенции преследовали, прежде всего, антибольшевистские цели, стремясь поддерживать любые силы, выступавшие против красных. Профессор университета штата Мериленд и очевидец Гражданской войны на Севере России Л.И. Страховский утверждает, что основной причиной вмешательства США было не допустить тотального доминирования Великобритании над стратегически важным Мурманским портом.

К лету 1918 г. власти США приняли решение отправить ограниченный контингент. Вскоре войска американцев находились в Мурманске, Архангельске. Общая численность участников так называемой «северной экспедиции» со стороны США составляла 5700 человек. Вместе с ними участвовали британские, французские, канадские и другие солдаты.

Все чаще стали раздаваться голоса о необходимости полного расчленения России. Оккупированные районы подвергались массовому грабежу – вывозились полезные ископаемые, лес, пушнина, золото. Рядовые солдаты занимались банальным грабежом. За все время под контролем командующего войсками Антанты генерала Пуля, было вывезено около 42 тыс. тонн грузов.

Местное население, оказавшееся на подконтрольной интервентами территориям подверглось жестокому террору. На печально известном острове Мудьюг, названный «островом смерти», было замучено и казнено около 53 тыс. человек. Сохранились документальные сведения о тех пытках и издевательствах, которым перед убийством подвергали русских людей интервенты. Особенно жестоко поступали с родственниками партизан - убивали подростков, детей, женщин, стариков. Проводя такие жестокие и радикальные меры, Америка и страны Антанты, нарушая государственные и морально-этические законы, показали свои истинные намерения, которые шли в разрез с провозглашаемой ими политикой.

После разгрома Колчака интервенты начали эвакуировать свои войска и к концу 1919 года северные территории были освобождены от иностранных военных. Американская интервенция была провалена, поставленные цели достигнуты не были.

Таким образом, изначально американское военное вмешательство на русский Север было вызвано стремлением Соединенных Штатов Америки поддержать белое движение с целью воссоздания фронта против Тройственного союза, а также свержения большевистского правительства. Вскоре к этому добавились и корыстные мотивы - вывоз природных ресурсов и контроль важнейших территорий.

В заключение следует отметить, что сейчас, как и век назад американские правящие круги используют такие предлоги, как защита мира, прав человека и демократии, борьба с терроризмом, предотвращение распространения оружия массового уничтожения вторгаются в суверенные государства, ставя под угрозу жизнь и здоровье мирного населения. Цель таких вмешательств неизменна – установление марионеточных правительств и бесконтрольная эксплуатация природных ресурсов.

1. Антонов С. Война с янки в Советской России: как американцы хотели получить свой кусок российского пирога [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://histrf.ru/read/articles/voina-s-ianki-v-sovietskoi-rossii-kak-amierikantsy-khotieli-poluchit-svoi-kusok-rossiiskogho-pirogha?ysclid=m1hmy822vd550563269> (дата обращения 25.09.2024).
2. Белый Север. 1918-1920 гг.: Мемуары и документы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://arhlib.ru/wp-content/uploads/2018/10/Interventsiya-na-Severe.pdf> (дата обращения: 15.04.2024).
3. Вильямс А.Р. Путешествие в революцию. Россия в огне Гражданской войны. 1917-1918. Москва: ЗАО Центрполиграф, 2006. С. 441.
4. Гражданская война на Мурманске глазами участников и очевидцев: Сборник воспоминаний и документов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.murmanarchiv.ru/exhibitions-events/2013-04-15-10-39-47/349> (дата обращения: 15.04.2024).
5. Иванов А.А. Американская интервенция на Русском Севере (1918–1919 годы): перекресток мнений // Вестник МГИМО, 2012. С. 106 – 111.
6. Полонский И. Американское вторжение в Россию [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://topwar.ru/140392-amerikanskoe-vtorzhenie-v-rossiyu.html?ysclid=m1hjoktrhv808701327> (дата обращения 25.09.2024)
7. Официальное заявление, опубликованное в Вашингтоне, об отношении США к военной оккупации в России. 3 августа 1918 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/140435#mode/inspect/page/2/zoom/4> (дата обращения 25.09.2024)
8. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918, [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1918Russiav02> (дата обращения: 15.04.2024).

Петров Г.А.

История создания мемориалов «Вечный огонь»

*Киришский Политехнический Техникум
(Россия, Кириши)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-108

Аннотация

В настоящей работе исследован историко-культурный феномен мемориалов с Вечным огнем в различных странах мира, включая Россию, постсоветское пространство и дальше зарубежье. Рассмотрены их значение в воспитании патриотизма, сохранении памяти о Второй мировой войне и других военных конфликтах, а также роль в общественной и культурной жизни. Проанализированы проблемы сохранения и реставрации мемориалов, включая нехватку финансирования в некоторых регионах.

Ключевые слова: мемориалы, вечный огонь, память, патриотизм, историко-культурный феномен, символика.

Abstract

This work examines the historical and cultural phenomenon of memorials with Eternal Flame in various countries of the world, including Russia, the post-Soviet space and far abroad. Their importance in fostering patriotism, preserving the memory of World War II and other military conflicts, as well as their role in public and cultural life are considered. The problems of preservation and restoration of memorials, including the lack of funding in some regions, are analyzed.

Keywords: memorials, eternal flame, memory, patriotism, historical and cultural phenomenon, symbolism.

Идея создания мемориалов с Вечным огнем берет свое начало в древности, хотя первые прототипы не имели точно такой же формы и символики, как современные. Вечный огонь как символ неугасимой памяти или вечной жизни встречался в культурах разных народов, и его происхождение можно проследить до античных времен.

Одной из самых ранних известных традиций использования вечного огня можно считать древнегреческие и римские обычаи. В Греции огонь символизировал божественную защиту и был частью храмовых ритуалов. Например, в храме богини Гестии (богини домашнего очага) в Древней Греции всегда поддерживался неугасимый огонь, который символизировал единство и вечную связь между городом и его жителями.

В Древнем Риме весталки, жрицы богини Весты, поддерживали Вечный огонь в храме Весты. Этот огонь был не просто религиозным символом, но и политическим – считалось, что его угасание могло принести несчастья всему государству. Огни, горящие в храмах или священных местах, играли важную роль в сохранении духовных и культурных ценностей.

В средневековой Европе использование огня как символа тоже было распространено, хотя он имел другой смысл. Огонь символизировал свет веры, чистоту и бессмертие души. Однако идея поддержания неугасимого огня стала менее значимой в это время, хотя элементы символизма огня сохранились в религиозных ритуалах и культуре.

Идея создания мемориалов с Вечным огнем в современном смысле стала набирать популярность после Первой мировой войны. Этот конфликт оставил за собой огромные человеческие потери и создал необходимость увековечивания памяти о погибших. В Европе, особенно во Франции и Великобритании, стали активно появляться мемориалы в честь солдат, погибших на фронтах.

Первым подобным мемориалом считается монумент в Париже, расположенный под Триумфальной аркой. Открытие мемориала состоялось 11 ноября 1923 года в честь Неизвестного солдата. Вечный огонь здесь был зажжен как символ вечной памяти и скорби по тем, чьи тела не были найдены или идентифицированы. Этот мемориал вызвал огромный резонанс и послужил моделью для многих памятников в последующем.

После «успеха» парижского мемориала, идея Вечного огня распространилась и в других странах Европы. В Великобритании мемориалы Неизвестному солдату были созданы в Лондоне и других крупных городах, хотя традиция Вечного огня в этих местах не всегда поддерживалась. Тем не менее, символика памяти и чести оставалась центральной идеей мемориалов.

В 1920-е и 1930-е годы в Европе, потрясенной ужасами Первой мировой войны, мемориалы с Вечным огнем стали неотъемлемой частью городской и национальной культуры. В ряде стран Вечный огонь стал не только символом памяти о солдатах, но и напоминанием о важности мира и предотвращения новых войн.

После окончания Второй мировой войны необходимость увековечения памяти погибших вновь стала актуальной. Страны, пострадавшие в ходе конфликта, активно создавали мемориалы с Вечным огнем. В Европе продолжали появляться мемориалы, посвященные Второй мировой войне. В Германии, Италии, Франции и других странах было создано множество мемориальных комплексов с Вечными огнями, символизирующих память о миллионах погибших в результате войны.

В СССР «Вечный огонь» впервые появился в небольшом поселке Первомайский Щёкинского района Тульской области, у монумента павшим героям.

Наряду с Первомайским один из первых мемориалов с Вечным огнем был зажжен в Ленинграде в 1957 году на Марсовом поле. Этот мемориал стал символом стойкости ленинградцев, переживших блокаду. Огонь горел как напоминание о тех, кто отдал жизнь за освобождение города и страны. Мемориал на Марсовом поле имел огромное значение как первый опыт создания подобных символов в СССР.

Вскоре после этого, мемориал с Вечным огнем появился в Волгограде (Сталинграде), на Мамаевом кургане. Этот комплекс был посвящен Сталинградской битве – одному из самых кровопролитных и ключевых сражений Великой Отечественной войны. Мемориал был открыт

в 1967 году, и Вечный огонь на этом месте стал символом памяти о миллионах погибших, как солдат, так и мирных жителей.

Значимым этапом в развитии традиции создания мемориалов с Вечным огнем стало открытие в 1967 году в Москве, у Кремлевской стены, мемориала Неизвестному солдату. Этот мемориал стал всенародным местом памяти, и его Вечный огонь был зажжен от огня, привезенного с Марсова поля в Ленинграде. Мемориал у Кремлевской стены стал главным символом памяти во всей стране и важнейшим элементом патриотического воспитания.

Период Холодной войны привел к дальнейшему распространению идеи Вечного огня. Как уже упоминалось, в СССР Вечные огни стали появляться в 1950-60-е годы, но важным моментом было также появление мемориалов в странах Восточного блока. В таких странах, как Польша, Чехословакия, Венгрия и Болгария, Вечный огонь был важной частью памятников, посвященных жертвам войны и антифашистскому сопротивлению.

В наше время Вечный огонь продолжает играть важную роль в мировой культуре памяти. Мемориалы с Вечным огнем существуют по всему миру и служат символами не только памяти о войнах, но и напоминанием о необходимости мира и единства. Например, в Израиле в мемориальном комплексе Яд ва-Шем Вечный огонь символизирует память о жертвах Холокоста, а в Австралии Вечный огонь на мемориале Австралийских солдат в Мельбурне чествует всех погибших в войнах.

Современные мемориалы с Вечным огнем иногда оснащены новыми технологиями, позволяющими поддерживать огонь без необходимости постоянного присутствия человека. Это не уменьшает символической значимости огня, но подчеркивает развитие технологий и культуры. В некоторых странах мемориалы с Вечным огнем становятся цифровыми объектами, доступными для виртуальных посещений, что позволяет сохранить и распространить культуру памяти в условиях глобализации.

Таким образом, история создания мемориалов с Вечным огнем уходит корнями в древность, но получает свое современное воплощение после Первой мировой войны. На территории нашей страны традиция Вечного огня в основном распространилась в после Великой Отечественной войны. Эта традиция распространилась по всему миру, и сегодня Вечный огонь является важным символом памяти, чести и мира, объединяющим разные народы и культуры в стремлении помнить о трагедиях прошлого и строить будущее на основе этих уроков.

История создания мемориалов «Вечный огонь» является важной частью культуры памяти многих народов. Эти мемориалы появились как символы вечной памяти о погибших солдатах, и их распространение связано с массовым движением по созданию мемориалов и памятников в честь воинов, павших на полях сражений.

Сегодня «Вечный огонь» можно найти почти в каждом крупном городе России – Мурманск, Сыктывкар, Ярославль, Саратов, Чебоксары, Тюмень и др. Вечный огонь имеет глубокое символическое значение: он олицетворяет бессмертие подвига, непрерывную память о павших героях и неугасимую благодарность потомков за их жертвы. В СССР и позднее в России Вечный огонь стал одним из важнейших элементов мемориальных комплексов, появившихся в разных городах, от небольших населенных пунктов до крупных мегаполисов. Во всех городах-героях были зажжены такие огни, каждый из которых имеет уникальную историю, связанную с подвигами местных жителей и войск.

После распада СССР традиция создания мемориалов с Вечным огнем продолжила развиваться в постсоветских государствах. Многие из мемориалов были сохранены и отреставрированы. Во многих странах бывшего СССР Вечные огни стали центром патриотических мероприятий, в особенности связанных с празднованием Дня Победы. Эти мемориалы служат местом, где поколения выражают свою благодарность ветеранам войны и чтут память тех, кто погиб на фронте.

Традиция создания мемориалов с Вечным огнем распространилась далеко за пределы СССР. Подобные мемориалы существуют в различных странах мира, где чествуют память погибших в различных войнах. Например, мемориал Вечного огня в Париже на Триумфальной арке, зажженный в память о павших в Первой мировой войне, служит прототипом для многих подобных комплексов в Европе и других частях света. Вечный огонь стал международным символом памяти и скорби по погибшим солдатам.

В современной России мемориалы с Вечным огнем остаются важными центрами общественной жизни и местами патриотических акций. Они играют важную роль в воспитании подрастающего поколения, в сохранении памяти о Великой Отечественной войне и других военных конфликтах. В день Победы, 9 мая, к Вечным огням по всей стране возлагаются венки, проводятся торжественные церемонии и минуты молчания.

С течением времени многие мемориалы требуют реставрации и обновления. В некоторых регионах России и странах бывшего СССР возникает проблема нехватки средств на поддержание мемориалов в должном состоянии. Однако общественные и государственные организации регулярно проводят работы по их восстановлению. Особенно важно сохранять историческую значимость этих памятников для будущих поколений.

Вечный огонь выполняет не только мемориальную, но и образовательную функцию. Он напоминает о важности исторической памяти и служит символом объединения народов вокруг общих ценностей. Память о жертвах войны через символ Вечного огня учит уважению к прошлому и подчеркивает ответственность за мирное будущее.

Интересен тот факт, что мемориалы с Вечным огнем после Второй мировой войны появились не только в бывших советских республиках, но и в странах дальнего зарубежья. Например, в Израиле есть мемориал Вечного огня, зажженный в память о солдатах, павших во Второй мировой войне. Этот факт подчеркивает, насколько глобальным стал этот символ.

Тема Вечного огня нашла отражение в искусстве, кино, литературе и музыке. Важность этого символа для многих поколений проявляется в создании произведений, воспевающих подвиг героев войны и значимость сохранения памяти о них. Вечный огонь стал культурным символом, который живет не только в мемориалах, но и в сердцах людей.

Традиция создания Вечного огня будет сохраняться и развиваться. Сегодня она дополняется новыми формами увековечения памяти: цифровыми архивами, виртуальными экскурсиями и интерактивными музейными экспозициями. Важно, чтобы эти новые технологии не только дополняли традиционные формы памяти, но и сохраняли их значение для будущих поколений.

Таким образом, история создания мемориалов «Вечный огонь» отражает важнейшие этапы развития культуры памяти в СССР и постсоветских странах. Они стали символами непрерывной памяти о подвиге героев и частью национального сознания, воплощающей вечную благодарность за мир, достигнутый ценой жизни миллионов людей.

1. Ковчинская С.Г. Советский военный мемориал: формирование монументальной традиции. 1945-1991 гг. //Вопросы образования и науки: теоретический и методический аспекты. – 2015. – С. 68-73.
2. Краснова Д., Фаттахов Д. Искусство как «Вечный огонь» памяти //Первые шаги в науке. – 2016. – С. 62-76.
3. Кузнецова М.Е. Вечный огонь как символ Родины и объект меморативной культуры» //Образ Родины: содержание, формирование, актуализация. – 2020. – С. 162-166.
4. Леонова В.А. Первая мировая война в мемориальных традициях Франции //Наука и инновации в XXI веке: актуальные вопросы, открытия и достижения. – 2017. – С. 152-154.
5. Степанов М.Г. Проблема сохранения монументального наследия о событиях Второй мировой войны //Polish Journal of Science. – 2020. – №. 28-3. – С. 16-17.
6. Чурсина Т.А., Маслов И.С. Жреческие коллегии в политической системе Древнего Рима //Редакционная коллегия. – 2019. – С. 93.
7. Юдкина, А.Б. Памятник без памяти: первый Вечный огонь в СССР / А.Б. Юдкина // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2015. – № 3(101). – С. 112-134.

Рагимханов А.В.

Духовная культура обитателей Сунгирской стоянки верхнего палеолита

Владимирский государственный университет
(Россия, Владимир)

doi: 10.18411/trnio-10-2024-109

Аннотация

Религия, как культурологическое явление, сопутствует историческому периоду развития человечества, в определённой степени формируя цивилизацию; при всём тот представления о наличии религиозных верований в доисторический период, а именно в древнекаменном веке, могут быть подвергнуты критике, как не имеющие под собой достаточных оснований. При всём том, жизнь охотнике верхнего палеолита пронизывали прелогические магические представления, являвшиеся важнейшей ступенью к появлению ранних форм религии. Попыткой осмыслить это утверждение на материале Сунгирской стоянки и является данная статья.

Ключевые слова: Сунгирь, охотничья магия, каменный век, верхний палеолит, погребение детей, красная охра.

Abstract

Religion, as a cultural phenomenon, accompanies the historical period of human development, to a certain extent shaping civilization; with all that, ideas about the presence of religious beliefs in the prehistoric period, namely in the Old Stone Age, can be criticized as not having sufficient grounds. With all that, the life of the Upper Paleolithic hunter was permeated with prelogical magical ideas, which were the most important step to the emergence of early forms of religion. This article is an attempt to understand this statement based on the material of the Sunghir site.

Keywords: Sunghir, hunting magic, Stone Age, Upper Paleolithic, burial of children, red ochre.

В 1955 году на окраине города Владимира при производстве земляных работ была открыта одна из самых северных стоянок человека древнекаменного века, получившая по близлежащему гидрониму название Сунгирской. В дальнейшем, при её многолетнем археологическом изучении были сделаны открытия как материального, так и антропологического характера, наиболее значительные из которых заключаются в обнаружении под толщей геологических напластований богатых инвентарных погребений индивидов, обозначаемых в науке, как Sungir-1 (взрослый мужчина), Sungir-2 и Sungir-3 (подростки мужского пола, парное захоронение).

Хронологически памятник относится к эпохе верхнего палеолита и в зависимости от методики датирования имеет возраст от 27 до 34 тысяч лет. Его обитатели вели кочевой образ жизни, характеризующийся присваивающим хозяйством, заключавшимся в охотничьей добыче крупных мигрирующих стадных копытных (оленья, лошади, бизона). Стоянка, является многослойным памятником обозначенной эпохи, что требует своего отдельного осмысления, выходящего за рамки данной работы. По материальному аспекту она относится к костёнковской-стрелецкой археологической культуре, представленной находками пяти стоянок на берегу реки Дон у села Костёнки в Воронежской области (отсюда и название), а так же на Северном Урале, в Кировоградской, Саратовской и Ростовской областях, из чего можно сделать вывод о примерном ареале её бытования.

Биологически обитатели стоянки Сунгирь относились к виду *homo sapiens* с определённой примесью генома *Homo neanderthalensis*, что в целом роднит их с современной человеческой популяцией. Признаки вероятных предшествующих контактов с неандертальцами, раньше других освоившими территорию Европы, присутствуют и в отдельных находках из круга каменной индустрии данного памятника.

Важным для темы данного исследования представляется наличие у жителей стоянки членораздельной речи, и, как следствие, очевидное присутствие в их культуре музыки (если принимать голосовой аппарат вида *homo sapiens*, как *первый* музыкальный инструмент), а так же танца - языка жеста - явления, предшествовавшего появлению языка разговорного.

Объективное изучение нематериального наследия населения стоянки затруднено большим хронологическим разрывом с современностью и, вероятным, отсутствием какой бы то ни было прямой преемственности с позднейшими археологическими культурами. Поэтому любые выводы могут быть сделаны исключительно на осмыслении различных найденных в ходе археологических исследований артефактов, в первую очередь в их связи с сопутствующими находками. Важно и сравнение наличного материала с материальными предметами ближайших по времени культур, а так же с духовными представлениями описанных этнографами народов, ведущих или некогда ведших присваивающее хозяйство.

Касательно рассматриваемого верхнепалеолитического общества, следует отметить значительный предшествующий безрелигиозный период в бытовании вида *homo sapiens*, а вместе с этим и переходную стадию к, собственно, религии, комплексу абстрактных мифических и связанных с ними ритуальных компонентов, подразумевающих абсолютное принятие человеком *сверхестественного*. И несмотря на то, что единого научного определения для данного понятия не существует, было ли такое явление именно в комплексе у обитателей Сунгирской стоянки, как и в целом у людей означенной археологической культуры (и эпохи), вопрос навсегда открытый.

В целом факты, которые можно было бы соотнести в первую очередь с духовными представлениями жителей данного памятника, можно условно разделить на пять групп: 1) изображения животных (лошадь, бизон); 2) украшения геометрических форм (кольца, браслеты, бусы, орнаменты и т.п.); 3) детали погребения (место, слои и прочее); 4) иные предметы (берцовая кость с охрой, «жезлы начальника», прорезные диски, фаланги лапы льва и т.п.); 5) биохимический состав обнаруженных человеческих останков. Безусловно, всё это было связано у обитателей стоянки с их восприятием и пониманием окружающего мира, который в первую очередь был их жизненной средой и источником продуктов питания – главной цели трудовой и умственной деятельности человека древнекаменного века.

Важным элементом изучения духовного наследия того или иного общества может быть знание об его социальном устройстве, в том числе семейном укладе, положении в нём мужчины и женщины. В случае с Сунгирской стоянкой речь идёт о родовой структуре численностью порядка 20-30 человек, где все представители так или иначе были объединены общим происхождением (так же высока вероятность наличия таких же семейных групп, составляющих вместе своеобразную фратрию). Это стало ясно при сравнении секвенированного палеогенома, выделенного из коллагена внутри костей, обнаруженных в результате раскопок. Индивиды оказались родственниками, но не ближайшими, причём характерных следов инбридинга также обнаружено не было. Последний факт может говорить о межгрупповых контактах вне самой общности (фратрии), что в свою очередь требовало бы и определённой внешней маркировки, например, с целью предотвратить излишние агрессивные действия сторон. Возможно, именно этот важный для любого социума акт и потребовал столь богатую на наличие украшений одежду, покрытую нашитыми в определённом геометрическом порядке тысячами бусин, и уже издали дававшую понять свой это человек или чужой для превентивной выработки модели поведения.

Кроме внешних контактов, с помощью подобных знаковых систем, по всей видимости, происходила социальная регуляция и внутри родоплеменной общины. В её сигнальный набор могли входить кольца, браслеты, подвески и прочие художественные элементы, несколько неверно называемые в научной литературе «украшениями».

Одной из характерных для обитателей стоянки черт была внутренняя пищевая стратификация, когда отдельные ветви клана по не до конца неясной причине употребляли на протяжении всей жизни различные для отдельных субъектов продукты питания. К примеру, индивиды Sungir-1 и Sungir-2 по биохимическому составу останков, содержащих в избытке

кадмий (Cd), имели доступ к мясу крупных копытных, а Sungir-3 и Sungir-4 (по данным палеогенома – его прадедушка, чья берцовая кость была «прихоронена» в погребении подростков) питались беспозвоночными, в элементном составе из останков присутствует медь (Cu).

При этом, на останках Sungir-2 размещены скульптурные изображения животных, а на Sungir-3 т.н. «жезлы начальника», окончательная функциональная принадлежность которых не определена (от инструментария для производства веревок до деталей конструкции для выпрямления копий). Так же у подростков разные головные уборы, причём у Sungir-2 шапочка была украшена нашитыми на неё клыками песка. Следует отметить, что на костном антропологическом материале индивидов сохранились приобретённые в ходе трудовой деятельности особенности: Sungir-1 занимался обработкой/скалыванием твёрдой породы (камень, кость), Sungir-2 подолгу сидел на корточках и часто метал копьё/дротик, а Sungir-3 так же сидел на корточках и что-то вращал правой рукой, кроме того вероятно переносил тяжести на голове на большие расстояния.

Сопоставление изложенных выше данных может привести к мысли о внешней маркировке людей по специфике их рабочих процессов, что, однако, не позволяет установить внутрисемейную иерархию при наличии таковой.

Согласно взглядам антрополога Люсьена Леви-Брюля человечеству каменного века в целом было свойственно т.н. *прелогическое* мышление, породившее множество видов магии, как системы взаимоотношений людей с внешней (и внутренней) средой. Несмотря на обоснованную критику концепции данного учёного, представляемое древними *homo sapiens* наличие у одного и того же предмета различных внешних связей, подчас лишённых всякой формальной логики, действительно находит подтверждение в натуральных исследованиях, в том числе и археологических.

Отталкиваясь от подобного взгляда, отчасти становится понятна и духовная жизнь обитателей Сунгирской стоянки. Так как наличие религиозных представлений, подразумевающих потусторонний мир и веру в сверхестественное, не могут быть в точности установлены по материалам находок, то следует обратиться к тем видам магии, как регулятора общественной жизни, которые в подъёмном материале очевидны.

В первую очередь это размещение в детском погребении фигурок животных, которые находятся исключительно рядом с костяком Sungir-2 (т.е. подростка, употреблявшего в пищу мясо крупных копытных). Принимая во внимание, что ритуалы охотничьей магии подразумевали некую игру с изображениями, например, нанесение им повреждений, натирание красной охрой, моделировавшую реальный труд по добыче животных, а так же наличие на головной уборе данного индивида маркировки из клыков песка, хищного и ловкого животного, параллель между предметами из погребения и реальной деятельностью Sungir-2 можно считать установленной. Дополнительным аргументом может служить наличие клыков песка и на головной уборе Sungir-1, который, согласно исследованиям, так же употреблял в пищу мясо крупных копытных, однако, следует отметить, что никаких орудий труда в его погребении нет. Также оба индивида перед помещением в землю были убиты колющим оружием.

Из вышеизложенного можно сделать осторожный вывод, что охотничья деятельность жителей стоянки предварялась неким *трансмиссивным* магическим актом, имитирующим подлинную добычу животного, что воспринималась ими, как пусть и лишённая для современного человека всякой формальной логики, но, однако, объективная реальность. Как наглядный мыслительный пример: «я убиваю фигурку быка, чтобы убить быка».

Данный аспект можно сравнить с играми подростков, где подчас момент имитации неотличим в сознании участников от настоящих рациональных действий, что в отдельных случаях может привести к трагедии, как прямому доказательству реального отношения к происходящему.

До ныне невозможно понять, какой специфический магический акт сопровождал жизнь индивида Sungir-3, но именно на его останках были обнаружены т.н. «жезлы начальника», а его головной убор своей маркировкой отличался от двух указанных. Отличался и его рацион, что

было так же рассмотрено выше. Несмотря на работу трасологов, как будто бы установившую связь между данными предметами и процессом производства верёвок, назначение данных орудий всё ещё вызывает вопросы. Кроме того, из всех трёх найденных цельных костяков, лишь на останках Sungir-3 нет характерных повреждений, указывающих на искусственный характер смерти. Однако, вероятного повреждения мягких тканей с целью ритуального убийства этот факт несколько не исключает.

Важным представляется так же и осмысление самого наличия погребений, которые относятся к одной большой семье, но разным временами её пребывания на территории стоянки. Судя по генетическим данным, мужчина был не просто дальним родственником сунгирских детей, но и дальним по времени в районе 2-3 поколений, что само по себе может говорить о повторении некоего магического действия, одинакового по своей структуре в общих чертах. А именно: умерщвление индивидов; помещение тел в ямы, одинаково ориентированных по сторонам света (по оси СВ-ЮЗ) и расположенных на месте бывших жилищ; обильное использование красной охры в заполнении захоронений; намеренное изготовление орудий труда, не имеющих следов износа, и тысяч бусин из бивня мамонта маркирующих одежды погребённых. Одинаковость магического ритуала может свидетельствовать об одинаковости его целей, которые, при всём том, остаются неясными.

Наиболее вероятным может представляться акт *парциальной* магии, связывающий в данном случае место её совершения с жившей на нём общиной. Иными словами, можно предположить, что сунгирские охотники по какой-то неизвестной причине как минимум дважды преднамеренно смоделировали собственный социум и оставили его *εἰκόν* на конкретном месте, чтобы сохранить с ним контактную связь. Поэтому в данном случае уместно видеть не жертвоприношение, требующее веру в сверхестественное, а ещё один, пусть и роскошный, пример прелогического мышления, «игровой» ситуации эпохи верхнего палеолита. Интересно так же и то, что на культурно и хронологически синхронной Сунгирю стоянке Костёнки-XIV (Маркина гора) так же было обнаружено погребение мужчины, который был убит ударом колющего оружия в область живота, а после помещён в яму, обильно засыпанную красной охрой.

Отдельно имеет смысл рассмотреть своеобразную особенность черепа индивида Sungir-1. В его лобной кости имеется незажившее раневое отверстие, которое ряд исследователей считает причиной гибели человека. При всём том, повреждение смертельного характера имеется и в шейном отделе позвоночника. Высказывалось мнение, что при нанесении удара по голове, согласно геометрии раны, субъект Sungir-1 стоял на коленях и не оказывал никакого сопротивления, т.е. имеется основание считать, что мотивом убийства мог быть некий магический акт, сопряжённый именно с данным мужчиной и/или его индивидуальными способностями.

Таким образом, речь идёт о вероятной посмертной трепанации черепа, либо непосредственно предшествующей умерщвлению человека, а магические представления, связанные с данным актом, были распространены в популяции, начиная с рассматриваемой эпохи. Древнейшим примером прижизненной имитации трепанации является находка на стоянке Костёнки-VIII, возрастом 25-30 тысяч лет. В последующие эпохи ритуальное (магическое) вскрытие черепной коробки имело место быть в различных культурах и цивилизациях. Можно только предполагать, какую цель преследовали жители Сунгирской стоянки, совершая данное действие, но если принять во внимание, что индивид Sungir-1 постоянно занимался какой-то мелкой пластикой (скалывал, вырезал?), что нашло отражение в его остеологическом материале, то не следует исключать его вероятную спецификацию, как мастера по изготовлению предметов ритуально-магического характера. С учётом хорошего здоровья и приличного для данного человека каменного века возраста (более сорока лет), его ценимая родственниками культурная роль в обществе может быть вполне принимаемой за данность.

Намеренное вскрытие черепной коробки Sungir-1, какова бы житейская причина за этим не стояла, несомненно, несло для общества некий акт сопряжения с умениями соплеменника,

приобщения к его творческой силе. К сожалению, доказать подобный пример *контактной* магии можно лишь косвенно, опираясь на позднейший материал, но наличие данного раневого отверстия в какой-то степени объясняет отсутствие всяких орудий труда в данном погребении, где имеется лишь маркированное соответствующим образом тело.

Таким образом, в 1995 году на окраине города Владимира была обнаружена, а затем всесторонне исследована стоянка человека каменного века древностью 27-34 тысячи лет. При её изучении были изучены сохранившиеся погребения человека соответствующей эпохи, содержащие в себе предметы, свидетельствующие о материальной и духовной культуре времени верхнего палеолита. Особенный интерес вызывают артефакты, повествующие о до-религиозных ритуальных действиях населения стоянки, которые в целом сводятся к трансмиссивной, парциальной и контактной магии. Под вопросом остаётся наличие *веры* в сверхъестественное, что подразумевает фактическое отсутствие развёрнутой мифологии, и, как следствие, жертвоприношений (не найдено ничего, что указывало бы на их наличие), а так же специфически подготовленных для этого людей: шаманов, колдунов и т.д.

Житель Сунгирской стоянки вёл жизнь, пронизанную магической «игрой», через это, несомненно, он находился в ситуации, предшествующей появлению ранних форм религии.

1. Homo Sungirensis: Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. Homo Sungirensis: Upper Palaeolithic Man: Ecological and Evolutionary Aspects of the Investigation / Коллектив авторов. М.: Научный мир, 2000. - 468 с.
2. Амирханов Х. А., Ахметгалеева Н. Б., Бужилова А. П., Бурова Н. Д., Лев С. Ю., Мащенко Е. Н. Исследования палеолита в Зарайске. 1999–2005 // М: Палеограф. 2009. - 465 с.
3. Бадер О.Н. Сунгирь, Верхнепалеолитическая стоянка. - Москва : Наука, 1978. - 271 с.
4. Бернштейн Н.А. Физиология движений и активность. – М.: Наука, 1990. – 495 с.
5. Бутовская М.Л. Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека). - М.: Научный мир, 2004. - 440 с.
6. Васильев С.В., Бужилова А.П., Гаврилов К.Н., Гирия Е.Ю., Корост Д.В., Кудяев А.А. Доказательная интерпретация следов повреждений, обнаруженных на лобной кости черепа мужчины из погребения Сунгирь-1// Краткие сообщения Института археологии. Вып. 265. 2021. С.7-26
7. Верстин И.С. Проблема первобытного мышления в концепции Л. Леви-Брюля// Вестник университета (НОУВПО «Международная академия бизнеса и управления»). Раздел VI. Педагогика, политология, право, психология, филология, философия. №11, 2013. С.205-212
8. Джиоти К.Н. Танец как метод общения// Ежеквартальный рецензируемый, реферируемый научный журнал «Вестник АГУ». Выпуск 3 (222) 2018. С.239-243
9. Древнейший палеолит Костенок : хронология, стратиграфия, культурное разнообразие (к 140-летию археологических исследований в Костенковско-Борщевском районе): материалы межрегиональной научно-практической конференции (Воронежская область, с. Костенки, 20–22 августа 2019 г.) / отв.ред. А. А. Бессуднов; Институт истории материальной культуры РАН ; Государственный археологический музей-заповедник «Костенки». – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2019. – 112 с.
10. Ефименко П.П. Костёнки-I / Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры. - Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР. [Ленингр. отд-ние], 1958. - 452 с.
11. Житенев В.С. Украшения и орнаментированные предметы стоянки Сунгирь: краткий обзор// Записки Института истории материальной культуры РАН. - СПб.: ИИМК РАН, 2021. № 24. - 182 с. С.52-66
12. Житинев В.С. Настенные изображения животных и охотничья добыча на памятниках верхнего палеолита Южного Урала // Проблемы археологии эпохи камня: к 70-летию Валентины Ивановны Беляевой: Сборник научных статей. — Санкт-Петербург: Издательство С.-Петерб. гос. ун-та, 2014 — 344 с. С.310-319
13. Культовые предметы в погребении детей со стоянки Сунгирь из археологических коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника. - Владимир, 2012. – 16 с.
14. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление / Пер. с фр. Б.И. Шаревской. — М.: Академический проект, 2020. — 430 с.
15. Медникова М.Б. Вместилище духа. История трепанации в разных культурах / Мария Медникова. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 256 с.
16. Медникова М.Б. Трепанации в древнем мире и культ головы. — М.: Алетея, 2004. — 208 с.
17. Палеолит СССР / Отв. ред. П.И. Борисковский; авт. З.А. Абрамова, М.В. Аникович, Н.О. Бадер и др. - М.: Наука, 1984. - 383 с.
18. Предметы с орнаментом со стоянки Сунгирь из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. - Владимир, 2015. – 28 с.

19. Проблема происхождения первобытного искусства и психофизиология (тезисы). URL: <https://antropogenez.ru/article/592/> (Дата обращения: 26.06.24)
20. Селезнёв А.Б. Стоянка Сунгирь. Вопросы организации жилого пространства / Селезнёв А. Б. ; Ин-т археологии Рос. акад. наук, Отд. каменного века. — М. : Таус, 2008. — 80 с.
21. Сердюков Ю.М., Забияко А.П., Кобызов Р.А., Тюрина Ю.А., Лазарева И.В. Современные контексты магии, религии и паранауки. – М.: «Academia», 2008. - 272 с.
22. Сергин В.Я. Сунгирь: характер памятника // Camera praehistorica. 2022. № 1 (8)
23. Стулова Д.О. Залегание скоплений археологического материала в раскопе III стоянки Сунгирь.// Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2021. № 24. 182 с. С.42-51
24. Токарев С.А. Ранние формы религии / С. А. Токарев ; [предисл. В. П. Алексеева]. - Москва: Политиздат, 1990. – 621 с.
25. Хартанович В.И., Моисеев В.Г., Медникова М.Б., Добровольская М.В., Бужилова А.П. Палеолитический человек из Маркиной горы (Костёнки XIV) по результатам комплексного анализа данных.// Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. №2/2016: 4-17. С.4-17
26. Элиаде М. Аспекты мифа/ Пер. с фр. В.П. Большакова. — 4-е изд. — М.: Академический Проект, 2010. — 251 с.
27. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Пер. с фр. [А.А. Васильевой и др.]; Науч. ред. В.П. Калыгин, И.И. Шептунова. - Москва : Ладомир, 2000. - 414 с.
28. Элиаде М. Трактат по истории религии / Пер. с фр. А.А. Васильева. – М.: Академический проект, 2015 – 394 с. – (Философские технологии: религиоведение).
29. Элиаде М. Шаманизм и архаические техники экстаза / Пер. с фр. А.А. Васильевой, Н.Л. Сухачева. Отв. ред. Е.С. Новик. Вступит. статья и коммент. Н.Л. Сухачева. - М.: Ладомир. — 552 с.
30. Элиаде Мирча. История веры и религиозных идей. В 3 т. Т.1. От каменного века до Элевсинских мистерий. — М., Критерион, 2002. — 464 с.

Рагимханов А.В.

**К вопросу об атрибуции мощей князя Георгия Всеволодовича
в Успенском соборе города Владимира**

*Владимирский государственный университет
(Россия, Владимир)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-110

Аннотация

Одним из главных событий, разделяющих эпохи рубежей в отечественной истории, стало нашествие Батыевой орды в первой половине XIII столетия. Тогдашний владимирский князь Георгий Всеволодович организовал оборону своего домена и сложил голову в неравной схватке с хорошо подготовленным неприятелем. Тело князя было найдено и погребено во владимирском Успенском соборе. Впоследствии, Георгий Всеволодович был канонизирован православной церковью и его останки открыты для почитания верующими. Вопросу их исторической подлинности и посвящена данная статья.

Ключевые слова: Георгий Всеволодович, битва на реке Сить, нетленные мощи, Успенский собор, естественная мумификация, святой из гробницы.

Abstract

One of the main events dividing the eras of the borders in Russian history was the invasion of Batu's Horde in the first half of the 13th century. The then Vladimir prince Georgy Vsevolodovich organized the defense of his domain and lost his life in an unequal battle with a well-prepared enemy. The prince's body was found and buried in the Vladimir Assumption Cathedral. Subsequently, Georgy Vsevolodovich was canonized by the Orthodox Church and his remains are open to veneration by believers. This article is devoted to the question of their historical authenticity.

Keywords: Georgy Vsevolodovich, battle on the Sit River, incorruptible relics, Assumption Cathedral, natural mummification, saint from the tomb.

Одним из самых почитаемых в современности святых города Владимира-на-Клязьме является князь Георгий Всеволодович (1188-1238 г.г.). Исторический деятель, храмоздатель,

участник усобных войн, однако, более известный тем, что во время его администрации Суздальская земля поверглась опустошительному набегу Батыевой орды. Сам князь был убит в битве с монголами на реке Сить 4 марта 1238 года [7, С.465], а его семья, включая наследников, погибла во время штурма города Владимира месяцем ранее.

Следует отметить, что церковный культ Георгия Всеволодовича не прослеживается по источникам в течении четырех столетий после его трагической гибели. Ещё в царствование Ивана Грозного (вторая половина XVI в.) о нём полагалось петь панихиды, как об обычном миряnine, а не молиться, как святому [12, С. 215, 399]. Впрочем, это не исключало широкого народного почитания, особенно на территориях, прилегающих к Нижнему Новгороду, важному торговому и политическому центру, некогда этим князем основанному. Впоследствии, стихийный культ Георгия Всеволодовича захватит широко население данных мест, особенно в связи с мифическим градом Китежем, что хорошо освещено в трудах таких исследователей, как В.Л. Комарович [3] и А.В. Сиренов [13].

Ранние летописи владими́ро-суздальского круга патетически описывают убиение князя, добавляя в него привычные, предшествующим авторам и схожим событиям, литературные обороты. Георгий Всеволодович предстаёт перед читателем в первую очередь страстотерпцем, подобным сродникам Андрею Юрьевичу или Борису и Глебу. При этом сама конструкция изложения гибели иной раз очень напоминает описание событий 1174 года в Боголюбове [7, 367-371]. Но подобная письменная традиция не должна вводить в заблуждение исследователя - ни о каком церковном почитании обилие летописных эпитетов и метафор ещё не говорит, а прямых документальных свидетельств культа князя не имеется вплоть до его официальной канонизации в первой половине XVII в., т.е. спустя четыре столетия после кончины. Именно тогда была составлена и опубликована церковная служба ему, как общепризнанному святому.

Житие же князя, по всей видимости, составлялось к торжествам по случаю обретения его мощей (1645 год), традиционной процедуре, последующей соборному утверждению нового святого. При этом было создано несколько его литературных редакций, весьма слабо отражающих обстоятельства жизни реального исторического деятеля. В целом следует признать, сравнивая ранние летописные и поздние житийные известия, что к середине XVII века князь Георгий Всеволодович был весьма мифологизированным лицом.

Необходимость же обретения мощей (т.е. извлечения останков из места погребения) была обусловлена древней христианской традицией открытого почитания праха людей, признанных *святыми* собором епископов. Утвердившись некогда на территории *Rex Romana*, данная практика пришла с фактом Крещения и на Русь, став, судя по летописным свидетельствам, одним из наиболее будоражащих умы верующих явлений церковной жизни. Уже креститель Руси князь Владимир Святославич приносит с собой в Киев вместе с иными атрибутами христианской веры и мощи святых, а день обретения тел его убиенных детей Бориса и Глеба становится одним из любимейших на Руси религиозных праздников: (2)15 мая – Борис-хлебник.

При всём том, почитание святых мощей на Руси приобрело своеобразную специфику, разнящуюся с греческой практикой [2, С.151-160]. Лучше всего эти взгляды выражает сербский книжник XV века Пахомий Логофет, указывающий, что если русские извлекли из могилы не плоть, а лишь кости, то и святым такого человека не считают [8, С.213]. Подобный подход особенно ярко проявился канонизацией в XVI веке убитого молнией юноши Артемия Веркольского, прямым поводом к которой стала естественная мумификация его трупа. Близки к этому и культы святых Параскевы Пиринемской, Иоасафа Печерского (Нижний Новгород) и некоторых других. Со временем почитание подобных «святых из гробниц» заняло и свою доморощенную агиографическую нишу [11, С.143-159].

Следует отметить, что обстоятельства гибели князя Георгия Всеволодовича и нахождения его тела наиболее подробно изложены в Тверском летописном сборнике [9, С.372], автор которого, вероятнее всего житель Ростова Великого XVI века, составлял своё сочинение, опираясь на какие-то недошедшие до современности местные источники. Важным в сообщении является упоминаемый факт раздельного нахождения тела и головы, когда прежде на месте

гибели князя отыскивали первое, а уже затем вторую. Учитывая раннюю весну, более тёплую по среднему температурному показателю в первой половине XIII века, чем в XXI веке, а так же условия лесной зоны с обилием плотоядной фауны, испытывавшей в конце зимы недостаток питания, вероятность начала процессов разрушения тканей была крайней высока, тем более, что расстояние от Ростова Великого до реки Сить по прямой порядка 150 км, а тело князя, согласно летописному свидетельству, перевозил в город сам приехавший из города Белоозеро на место трагической битвы епископ Кирилл [7, С.465].

Под 1239 годом источники повествуют о перенесении останков князя Георгия Всеволодовича во Владимир и погребение его в гробнице Успенского собора. Ни о какой сохранности плоти (т.е. процессах естественной мумификации) речь нигде не идёт, кроме Степенной книги царского родословия [10, С.265]. Её свидетельство имеет смысл рассмотреть отдельно, так как в описании размещения тела во владимирском кафоликоне указана возможность обозревать останки князя «от всех людей», что наверняка делает данный пассаж вставкой более позднего времени. Как упоминалось выше, в середине XVI столетия, времени составления Степенной книги, по Георгию Всеволодовичу ещё пели панихиды (то есть молились за него, а не ему), что исключает размещения мощей «открыто».

Необходимо упомянуть и про способ погребения, который не предполагал захоронение в земле. В середине XII-первой половине XIII столетий на территории Ростово-Суздальской земли умерший светский и церковный нобилитет погребали в каменных известняковых саркофагах, как правило, вытесанных из цельного камня и накрытых подогнанной по размеру каменной же плитой [6, С.84-85]. Гроб с усопшим размещался непосредственно в храме просто на полу у стены/столпа или в специальной нише – аркосолии [1, С.75, 373]. Известняк камень в известной степени гигроскопичный (до 30%) и собирает водяные пары, что в свою очередь способствует ускорению разложения тела. При всём этом, данная модель работает в условиях плюсовых температур, что не всегда возможно соблюсти в не отапливаемых каменных соборах XII-XIII в.в. в условиях морозных зим умеренного континентального климата. Таким образом, разложение тела хорошо происходит в случае смерти и погребения человека в тёплое время года, а в обратном случае вероятен процесс естественной мумификации. Отдельно следует сказать, что на каменные гробы и их крышки не наносились резные надписи, что делало в дальнейшем затруднительной атрибуцию захоронений тем или иным конкретным лицам.

Таким образом, при всех вышеизложенных фактах даже относительная сохранность тела князя Георгия Всеволодовича представляется весьма сомнительной, равно как и верное его определение в процессе обретения мощей 22 января 1645 года. Надо отметить и различные перемещения стоящих свободно по Успенскому собору каменных гробов в процессе его бытования (подчас в хозяйственных целях): о данных фактах повествует сравнение поздних источников, в которых нахождение саркофагов не совпадает [15, С.25-27]. Отсутствие документов более ранних эпох совершенно не исключает путаницу кто и где был похоронен, предшествующую XVI-XVII вв., особенно с учётом того, что погребённых в соборе лиц было значительно больше, чем это явствует в наши дни. Так же интересен и тот факт, что, впоследствии, в Москве с XV столетия могилы высшей знати будут подписывать резьбой как на надгробном камне, так и на крышке саркофага, что максимально исключало случайную подмену. И даже в таком случае не удавалось избежать ошибочных суждений о размещении захоронений [5, С.23-25].

Обрётённые в 1645 году мощи князя Георгия Всеволодовича на начало XX века [4, С.57] [14, С.498-500] представляли из себя мумифицированное тело, при этом голова и туловище являлись (и являются до ныне) цельным трупом. Этот факт, явно противоречащий летописным свидетельствам, объяснили, объявив чудом [4, С.6] [10, С.265], на практике дополнительно усиливающим эффект от мнимого нетления (естественной мумификации).

Как указывалось выше, сам подобный факт мог послужить началу стихийного почитания того или иного (даже неизвестного) лица, с последующей официальной церковной канонизацией. Неудивительно, что и тело князя Георгия, массовый культ которого уже существовал в XVII в. в народном сознании, оказалось «нетленным».

Сыновей и внуков князя Всеволода Юрьевича погребали в южной галерее Успенского собора в её восточной части. Далеко не все они погибли на поле брани в условиях всеобщих сумятицы и бегства. Как минимум двое сыновей скончались в мирное время и, что важно в контексте изложенного выше, зимой. Это князья Константин и Владимир Всеволодовичи. Согласно источнику первый умер после продолжительной болезни 2 февраля (ст.ст.) 1218 года [7, С.442] и был погребён в южной галерее, равно как и второй, скончавшийся 6 января (ст.ст.) 1227 года [7, С.450] и похороненный там же. Кроме них, рядом были погребены дети Георгия Всеволодовича, погибшие хоть и насильственной смертью, но в зимнее время (начало февраля 1238 года). Как было указано выше, сами гробы резьбой по камню подписаны не были, а в южной галерее проводились строительные работы [16, С.19-29], что могло создавать дополнительную путаницу, кто и в каком саркофаге был размещён. К середине XVII столетия, по всей видимости, большая часть захоронений в Успенском соборе за редким исключением не имела надёжных атрибуций (впрочем, не имеет она их и сейчас).

Таким образом, лежащие открыто в раке справа от центральной части собора останки не могут быть надёжно, без привлечения специальных медико-криминалистических методов, идентифицированы как тело исторического деятеля князя Георгия Всеволодовича. Этому мешают: 1) их несоответствие обстоятельствам гибели данного лица (голова не отделена от тела, которое при этом прошло процесс естественной мумификации), 2) наличие на Руси устойчивых представлений о «святых из гробницы» (что отдавало приоритет святым мощей не реальным останкам канонизированного человека, а любым «нетленным»), 3) отсутствие чёткой атрибуции захоронения, из которого они были извлечены. При всём этом, зимние физические условия в Успенском соборе эпохи Средневековья позволяли идти процессам естественной мумификации, что можно увидеть, как на примере обозначенного тела, так и расположенных там же открыто мощей князя Глеба Андреевича (чья атрибуция так же далеко не бесспорна).

Ввиду невозможности чёткого определения лица, которому принадлежало тело, приписываемое князю Георгию Всеволодовичу, с помощью визуального наблюдения и архивной работы, данная проблема ждёт своего решения исключительно медико-криминалистическим путём.

1. Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. В двух томах: Т. 1. XII столетие. - М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 583 с.
2. Восточнохристианские реликвии. Eastern Christian Relics. Редактор-составитель А. М. Лидов. — М.: Прогресс-Традиция, 2003. 656 с.
3. Комарович В.Л. Китежская легенда: опыт изучения местных легенд. – Ленинград: Издательство АН СССР, 1936. 184 с.
4. О святых мощах (сборник материалов). Сост. М.Долгинов. – М.: Издательство политической литературы, 1961. 115 с.
5. Панова Т.Д. Кремлёвские усыпальницы. История, судьба, тайна. – М.: Индрик, 2003. 222 с.
6. Панова Т.Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI-XVI веков. - М.: «Радуница», 2004. 180 с.
7. ПСРЛ. Т.1. Лаврентьевская летопись. Вып.2: Суздальская летопись по лаврентьевскому списку. Изд. 2-е. – Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1927. Стб. 291-488.
8. ПСРЛ. Т.6. Софийская вторая летопись. Вып.2 – М.: Языки русской культуры, 2001. 446 с.
9. ПСРЛ. Т.15. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. – СПб: 1863. 504 стб.
10. ПСРЛ. Т.21. Книга Степенная царского родословия. Ч.1 – СПб: 1908. 342 с.
11. Ромодановская Е.К. «Святой из гробницы». О некоторых особенностях сибирской и севернорусской агиографии // Русская агиография. Исследования. Публикации. Polemica. - СПб., 2005. С. 143–159.
12. Россия и греческий мир в XVI в. Т.1 - М., 2004. 526 с.
13. Сиринов А.В. Путь к граду Китежу: Кн. Георгий Владимировский в истории, житиях, легендах. СПб., 2003. 227 с.
14. Следственное дело Патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. - М.: Памятники исторической мысли, 2000. 1015 с.
15. Тимофеева Т.П. Древнерусский некрополь города Владимира. Исторические кладбища Владимира: справочник-путеводитель. Книга 2. Древнерусский некрополь. Утраченные кладбища / ред.-сост. В.И. Титова. – Владимир: Калейдоскоп, 2018. 127 с.
16. Тимофеева Т.П. Придел Пантелеймона в Успенском соборе г. Владимира. В кн.: Материалы областной краеведческой конференции 2006 г. Владимир, 2007. С.19-29

Упоров И.В.
Из преступников в народные герои:
как Пугачеву меняли политико-правовой статус

*Краснодарский университет МВД России
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-111

Аннотация

В статье на примере предводителя крестьянского восстания (1773-1775 гг.) Е.И. Пугачева рассматривается проблема изменчивости политико-правового статуса государственных деятелей, революционеров и других лиц, оказывающих существенное влияние на общественно-политическое развитие страны. В свою очередь, изменения указанного статуса в России происходили в результате радикального изменения государственности в октябре 1917 г., когда победившие в революции большевики объявили, что новая советская власть не признает ни государственного устройства, ни права как Российской империи, так и Временного правительства, поскольку основывается на принципиально иных основаниях (народовластие, уничтожение класса эксплуататоров, упразднение частной собственности на средства производства и т.д.). И те, кто боролся в царском режиме, возводились в ранг народных героев (это не только Пугачев, но также декабристы, народовольцы и др.), и, напротив, те, кто служил царизму, и сам царь, признавались преступниками. Данное явление в статье увязывается с взаимодействием естественного и позитивного права, что актуализировалось в результате буржуазных революций в Европе, когда стали выделяться права и свободы граждан, продвигаться принцип равенства и т.д. Отмечается, что оценки здесь не могут быть однозначными – ведь тот же Пугачев был осужден по действовавшим тогда законам; с другой стороны, пугачевское восстание показало стремление значительной части общества обладать естественными (природными) правами.

Ключевые слова: государство, Пугачев, естественное и позитивное право, восстание, свобода, закон, личность.

Abstract

The article examines the problem of the variability of the political and legal status of statesmen, revolutionaries and other persons who have a significant impact on the socio-political development of the country using the example of the leader of the peasant uprising (1773-1775) E.I. Pugachev. In turn, changes in the said status in Russia occurred as a result of a radical change in statehood in October 1917, when the Bolsheviks, who had won the revolution, declared that the new Soviet government would not recognize either the state structure or the law of either the Russian Empire or the Provisional Government, since it was based on fundamentally different foundations (democracy, destruction of the exploiter class, abolition of private ownership of the means of production, etc.). And those who fought against the tsarist regime were elevated to the rank of national heroes (not only Pugachev, but also the Decembrists, the Narodnaya Volya, etc.), and, on the contrary, those who served tsarism, and the tsar himself, were recognized as criminals. This phenomenon is linked in the article with the interaction of natural and positive law, which was actualized as a result of the bourgeois revolutions in Europe, when the rights and freedoms of citizens began to be distinguished, the principle of equality was promoted, etc. It is noted that the assessments here cannot be unambiguous - after all, the same Pugachev was convicted under the laws in force at that time; on the other hand, the Pugachev rebellion demonstrated the desire of a significant part of society to possess natural (natural) rights.

Keywords: state, Pugachev, natural and positive law, rebellion, freedom, law, personality.

В результате европейских буржуазных революций XVII-XVIII вв. стал активно развиваться естественное право и основанные на нем социальные ценности (свобода, достоинство личности, личная неприкосновенность и др., что в частности, нашло отражение в

известной Декларации прав человека и гражданина 1789 г. В России применительно к указанному периоду ситуация в этом отношении была существенно иной, в частности, естественное право на свободу для большинства жителей тогдашнего Московского государства (затем - Российской империи) масштабно ограничивалось нормами позитивно-крепостного права, при этом правовое положение различных категорий населения кардинальным образом отличалось. Тем самым попирались указанные выше естественные права, и прежде всего применительно к представителям низших сословий. Такой крепостнический режим оказывал пагубное влияние на менталитет русского человека – он прививал холопское послушание крестьян своим хозяевам, сковывал личную инициативу и предприимчивость, порождая безнаказанность хозяев крестьян, культивировал лесть, лесть, угодничество и другие негативные человеческие качества. Однако природа отдельного человека как живого существа и его сообществ такова, что совокупное ограничение естественных прав, переходя черту терпимости, во многом определяет протестные выступления различных категорий населения (в абсолютном большинстве представителей низших сословий) в стремление реализовать свои естественные (природные) права.

Поэтому и в России эти протесты имели место, из них наиболее крупными следует назвать восстания под предводительством С.Т. Разина (1667–1771 гг.), К.А. Булавина (1707–1708 гг.), Е.И. Пугачева (1773–1775 гг.). Сами по себе эти протесты показывали, что баланс между нормами естественного права и нормами позитивного права был явно нарушен, то есть, указанные выше ограничения естественных прав представителей низших сословий нормами позитивного права явно не соответствовали значимости указанных выше фундаментальных социальных ценностей общественным отношениям, сложившимся накануне, в процессе и после европейских буржуазных революций. Следует заметить то важное обстоятельство, что одной из причин такого дисбаланса в России было отстранение абсолютного большинства населения в выработке норм позитивного (государственного) права в каких бы то ни было формах. Такого рода юридические нормы исходили только лишь от монарха и подчиненных ему властных структур и, соответственно, отражали интересы высших сословий, в то время как в Европе во многих странах уже функционировали избираемые населением парламенты (хотя и с неравным избирательным правом); в нашей стране постоянно действующий парламент в масштабе всей страны в лице Государственной Думы появился, как известно, лишь в начале XX в., и тоже с неравным избирательным правом). В результате между позитивным и естественным правом периодически и накопительно вызревали все более острые социальные конфликты, что нашло отражение в литературе (труды В.Я. Мауля, А.А. Колотушкина, Н.М. Кулбахина, А.Е. Балгинского, Т.С. Романюк и др.).

В данном контексте следует заметить, что протестном пугачевском движении обнаруживается не целенаправленное, на основе естественного права, а стихийно возникающее недовольство низших сословий против закабаления и тяжелых условий жизни (государственная идеология Пугачева, как известно, ограничивалась все тем же абсолютизмом, то есть царь должен быть, но другой – справедливый, добрый, защитник, обездоленных). Как видно, восстание Пугачева объективно было направлено на обладание восставшими указанных выше социальных ценностей, предусмотренных естественным правом и, соответственно, данное протестное движение с позиции естественного права следует признать правомерным. Еще один довод в ее пользу заключается в огромном числе восставшего населения (по разным оценкам, до ста тысяч), представлявшего разные категории (казаки, крестьяне, беглые преступники и др.) на огромных пространствах Южного и Среднего Урала, Среднего Поволжья и Сибири, южных губерний Европейской России. Но это - с одной стороны. А с другой стороны, Пугачев посягнул на государственную власть, закрепленную позитивным (государственным) правом в виде множества соответствующих законов, отражающих фактически складывавшиеся общественные отношения.

И власть, исходя теперь уже из этой позиции, поступало предписанным законом образом, подавляя бунт. Например, во время следствия и суда над Пугачевым применялись нормы Соборного уложения 1649 г., где, в частности, в ст. 1 гл. II указывалось: «Будет кто при

державе царского величества, хотя Московским государством завладеть и государем быть и для того своего злово умышления начнет рать збирать ... и такова изменника по тому же казнить смертию». Нужно также иметь в виду, что в то время естественные права человека не находили прямого закрепления в российских законодательных актах, и в связи с этим не защищалось должным образом - например, крепостной крестьянин был лишен личной свободы, но его жизнь все же находилась под защитой государства, так как за его убийство полагалась уголовная ответственность (другой вопрос, что ее соразмерность зависела опять же от сословного положения убийцы). Поэтому практическое значение могло иметь лишь позитивное право. На стороне этого права была вся мощь принудительных государственных органов, которая в итоге оказалась сильнее народного восстания. Соответственно, со стороны позитивного права Пугачев и многочисленные его соратники были объявлены преступниками и осуждены.

Не будем также забывать о том, что восстание было сопряжено с множеством общеуголовных преступлений (в числе которых убийства, разбои, поджоги, уничтожение имущества и др.), что само по себе представляет основание для суровых уголовных репрессий лиц, их совершавших. С этой точки зрения Пугачева и его сподвижников на законном основании можно считать заурядными разбойниками. И преимущественно таковым он, собственно, и представлялся в дореволюционной России. Во всяком случае, в литературе имя Пугачева сопрягалось обычно с такими понятиями, как «мятеж», «шайка», «разбойник» и др. Даже первоначальное название рукописи Пушкина - «История Пугачева», как известно, было весьма негативно воспринято императором Николаем I, так как в таком, казалось бы, безобидном заголовке, было усмотрено наличие неких исторических заслуг за Пугачевым, и в результате пушкинская работа была напечатана с измененным названием: «История Пугачевского бунта», дабы не было никаких сомнений по поводу фамилии Пугачев [1].

Вместе с тем Пугачев объективно выражал стремление огромного количества людей реализовать свои естественные права. Данное обстоятельство определенным образом не только объясняет, но и, на наш взгляд, в некоторой степени оправдывает восстание, но, разумеется, с высоты более позднего времени, когда естественные права сформировались как признанный институт общества. Не случайно в советский период именем Пугачева чуть не в городе нашей страны называлась улица, а в Саратовской области есть и город Пугачев. Да и сейчас, спустя более тридцати лет после распада СССР, россияне в большинстве своем склонны считать Пугачева народным заступником. Но при этом комментарии в исторической литературе становятся более умеренные. Так, в одном из учебных пособий лишь констатируются события, объединенные понятием «крестьянской войны Пугачева» без каких-либо оценок, хотя косвенно проглядывается все же симпатия к Пугачеву. Это проявляется, например, в том, что нередко ставятся в один ряд крестьянская война Пугачева и Французская буржуазная революция. А в одном из изданий, предназначенном для старшеклассников, пугачевское движение характеризуется следующим образом: «выступление народа против феодального гнета» и ничего не говорится, как и в предыдущем случае, о том, что восставшие нарушали действующие тогда законы [2, с. 43] (и в этом контексте, как представляется, восстание Пугачева еще недостаточно изучено - как справедливо отмечает В.Я. Мауль, «казалось бы, благодаря обстоятельным работам о Пугачевском бунте выявлена максимально доступная совокупность фактов, однако это не более чем иллюзия, самообман, ибо на проверку оказывается, что о грандиозном и судьбоносном событии прошлого известно необычайно мало» [3, с. 29]); в этом же ряду можно назвать и версию об организации и финансировании пугачевского восстания сторонниками, в том числе зарубежными, убитого Петра III, однако этот аспект мы не рассматриваем).

Как видно, столкновение естественного и позитивного права также не позволяет однозначно оценивать протестное движение Пугачева. Правовое противоречие дополняется и противоречием личностей. Для подавления бунта Пугачева-преступника, как известно, посылались правительственные войска, в том числе под командованием нашего легендарного полководца Суворова, который действовал от имени государства (боестолкновений все же не

было, так как восстание было подавлено быстрее, чем к месту событий прибыл полк Суворова), и получалось, что один народный герой выступил против другого народного героя. Драматичность ситуации, если не сказать трагичность, налицо. Не меньшая драматичность и в отношениях Пугачева и Екатерины II. Императрица представляла собой государственного деятеля, которому не были чужды как раз многие идеи европейских мыслителей, в том числе, как это не парадоксально, касающиеся естественных прав человека. В этом смысле нельзя не отметить ее известный «Наказ», где она, касаясь сферы уголовного права, повторяет многие мысли знаменитых мыслителей-либералов Монтескье и Беккариа, которыми восхищалась [4, с. 234]. В этом правовом сочинении, написанном задолго до пугачевского восстания, она указывала, в частности, что смертная казнь возможна только в одном случае - когда гражданин, будучи лишен свободы, «имеет тем не менее средства и власть, могущие возмутить народное спокойствие» [5, с. 365]. Но на деле Пугачев «возмушал», не будучи лишенным свободы, и здесь императрица противоречила себе (впрочем, официально «Наказ» не был актом прямого действия).

Вместе с тем Екатерина II была законодателем, и при желании могла, конечно же, своей волей, а значит волей государства, изменить законы. Этого не произошло. И получается, что просвещенная императрица, внесшая огромный вклад в развитие государственности России, санкционировала смертную казнь Пугачеву – тогда преступнику, а позже, уже в XX в. - народному герою. Как показывает история, на определенном этапе развития социальных отношений позитивное право входит в непримиримое противоречие с правом естественным, и разрешать это противоречие тогда, при переходе от феодального государства к буржуазному, удавалось лишь путем принуждения и насилия. Для достижения естественных прав в тот период нередко приходилось идти преступным (в соответствии с действующими тогда законами) путем, ибо иначе позитивное право не позволяло изменять самое себя.

Данное явление еще не стало предметом специальных исследований, однако в отечественной литературе вопросы, связанные с ним, уже поднимаются. Так, Ю.И. Гревцовым указанное явление характеризуется как «патология права». При этом отмечается, что при определенных обстоятельствах, по мнению этого автора, «правонарушения, включая преступность, могут быть, и бывают, нормальным социальным фактом» [6, с. 212]. Это довольно смелое суждение для правоведа, и не случайно данный автор делает следующую оговорку: «чтобы согласиться с такой оценкой правонарушения, необходимы немалые силы ума, с тем чтобы освободиться от традиционных представлений на этот счет. Этому может способствовать понимание того, что такая роль характерна не для всех противоправных отклонений. Кроме того, положительный эффект преступности проявляется в перспективе» [6, с. 212].

В данном контексте нужно отметить, что позитивное право, в силу исторических особенностей человеческого сообщества, закрепляло интересы прежде всего меньшинства, а именно правящего сословия. Подобное положение, как отмечалось, не соответствовало концепции естественного права, поскольку низшие сословия существенно ограничивались в основных правах. Такое ущемление и стало движущей силой движения протеста. Мирным путем в тех обстоятельствах добиться улучшения низшие сословия не могли, поскольку тому не позволяли запреты, выраженные в нормах позитивного права, не было в России и легальных оппозиционных движений. Более того, эти запреты породили эффект взрыва парового котла, когда накапливающийся пар был доведен до давления, которого не выдерживают стенки котла, – в нашем случае это терпение людей.

На определенном этапе терпение лопнуло, и основательно, масштабно, несравнимо с предшествующими локальными прорывами. К протесту против невыносимых условий жизни прибавились элементы социальной мести – против тех, кто олицетворял виновников людских страданий. Добавим сюда низкий уровень образования и культуры крестьян и рабочих. Все это привело к тому, что протест принял во многом уродливые формы, и прежде всего речь идет о совершении так называемых общеуголовных преступлений. И получилось следующее. С точки

зрения естественного права протест низших сословий был оправдан. С точки зрения позитивного права протест оправдать нельзя, ибо нарушались действующие законы, и обществу действительно причинялся вред, как и любым другим преступлением. В целом же, как представляется, имея в виду рассматриваемый контекст данного явления, действия пугачевцев (преступления по тогдашним законам) для будущего России имели положительное значение, поскольку заставили самодержавие предпринимать впоследствии более активные меры, направленные, в конечном итоге, на полное освобождение крестьян от крепостной зависимости; вместе с тем это явление неоднозначное, и имеются разные подходы, в том числе в последние годы [7; 8; 9; 10 и др.], что показывает актуальность данной темы.

Но в любом случае назвать пугачевское восстание нормальным невозможно. Здесь действительно имеет место определенная патология права, когда обе противостоящие стороны (в нашем случае государство и массы протестующих) одновременно были по-своему и правы, и не правы. Государство исполняло свою обязанность по наведению в обществе порядка, основанного на действующих законах, то есть, на нормах позитивного права, а массы протестующих добивались обеспечения своих естественных прав, не имея возможности сделать это легально, поскольку не позволял характер законов того времени. Как писал отечественный правовед Е.Н. Трубецкой, если действующее позитивное право не соответствует требованиям добра и находится в полном с ним противоречии, то естественное право звучит как призыв к усовершенствованию и играет роль движущего начала в истории, является необходимым условием всякого прогресса, развития права [14, с. 67]. История показала, что такое «усовершенствование» на определенных этапах развития общества может сопровождаться весьма бурными и драматическими событиями. В рассмотренный период истории они принимали форму массовых движений представителей низших сословий российского населения.

Как представляется, данная коллизия естественного и позитивного права не имеет какого-либо оптимального решения, то есть она в немалой степени тупиковая, и в этом особенность противоречия, характеризуемого патологией права. Именно из-за такой патологии, достигшей в данном конкретном случае крайнего проявления, были созданы общественно-политические и соответственно правовые условия для совершения преступлений, в совокупности направленных на благие цели. Исходя из этого власть имущие, и прежде всего законодатели, должны ответственно подходить к принятию законов, ограничивающих права и свободы граждан.

1. Судаков Г. Чем Александр Сергеевич матери-истории ценен // Рос. газ. 1999. 5 июня.
2. Яковер Л.Б. Справочник по отечественной истории. М.: Сфера, 1996. 142 с.
3. Мауль В.Я. Русский бунт как актуальная проблема современной гуманитаристики: источники, методы и перспективы изучения // История: факты и символы. 2017. № 3 (12). С. 28-34.
4. Викторский С.Н. История смертной казни в России и современное ее состояние. М.: Тип. Моск. ун-та, 1912. 327 с.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1842. Т. VIII.
6. Гревцов Ю.И. Очерки теории и социологии права. СПб.: Знание, 1996. 263 с.
7. Казарин В. Н. Государственная власть, оппозиция и социальные движения в России имперского периода в освещении журналом «Сибирские огни» 1920-х гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2021. Т. 38. С. 111-129.
8. Мининков Н.А. Слова и смыслы. массовые народные движения в понятиях общества и историков // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 2. С. 9-28.
9. Садьков А.К. Мобилизационные мероприятия повстанческой армии в ходе восстания Е.И. Пугачева в 1773–1775 гг. // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2021. № 1. С. 79-93.
10. Кантор В.К., Киселева М.С. «Дело это, затрагивающее государство, у которого свои законы»: Екатерина, Пугачев, Вольтер // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 4. С. 11-34.

Упоров И.В.**Либеральные идеи в Российской империи времен Екатерины II и Александра I***Краснодарский университет МВД России
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-112

Аннотация

После восшествия на трон Екатерины II в Российской империи активизировалось общественно-политическое развитие, и речь идет прежде всего о том, что в стране стали появляться публикации с размышлениями о том, каким является российское общество и каким он должно быть. Инициатива в этом была задана самой императрицей, написавшей в 1767 г. свой известный «Наказ уложенной комиссии», где она изложила, по сути, концепцию просвещенного абсолютизма. Воспользовавшись такой возможностью, и другие российские авторы стали излагать свои мысли, в том числе либерального толка, явно заходившего за пределы указанной концепции, что послужило основанием для издания цензурных законов (яркий пример – книга А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву»). В статье представлен обзор развития в Российской империи либеральной мысли, созвучной передовым европейским взглядам в годы правления Екатерины II и Александра I. Анализируются работы отечественных мыслителей, исторические документы (тот же «Наказ», проекты конституций декабристов и др.), воспоминания современников, а также научные труды современных авторов, в которых затрагивается заявленная тема. Дается сравнение периодов правления указанных монархов, отмечается, что Екатерина II ограничивалась лишь теоретическими рассуждениями либерального толка, не допуская ограничения абсолютизма, в то время как при Александре I предпринимались некоторые попытки преобразований демократического характера, которые, впрочем, так и не были воплощены.

Ключевые слова: либеральные идеи, Екатерина II, «Наказ», Александр I, абсолютизм, государство, общество.

Abstract

After Catherine II ascended the throne, socio-political development in the Russian Empire became more active, and we are talking primarily about the fact that publications began to appear in the country with reflections on what Russian society is and what it should be. The initiative in this was given by the empress herself, who in 1767 wrote her famous "Instruction of the Legislative Commission", where she outlined, in essence, the concept of enlightened absolutism. Taking advantage of this opportunity, other Russian authors began to express their thoughts, including those of a liberal nature, which clearly went beyond the limits of the specified concept, which served as the basis for the publication of censorship laws (a striking example is the book by A.N. Radishchev "Journey from St. Petersburg to Moscow"). The article presents an overview of the development of liberal thought in the Russian Empire, consonant with advanced European views during the reign of Catherine II and Alexander I. The works of domestic thinkers, historical documents (the same "Instruction", draft constitutions of the Decembrists, etc.), memoirs of contemporaries, as well as scientific works of modern authors, which touch upon the stated topic, are analyzed. A comparison of the periods of the reign of these monarchs is given, it is noted that Catherine II limited herself only to theoretical reasoning of a liberal nature, not allowing restrictions on absolutism, while under Alexander I some attempts were made at democratic reforms, which, however, were never implemented.

Keywords: liberal ideas, Catherine II, "Instruction", Alexander I, absolutism, state, society.

Екатерина II, как известно, вела активную переписку с рядом известных либеральных мыслителей, интересовалась работами Монтескье, Вольтера, Руссо, Беккариа и др., которые оказали влияние на ее мировоззрение [1]. В известном «Наказе», подготовленном в 1767 г. Екатериной II для уложенной комиссии, это увлечение нашло отражение, не выходя, впрочем,

за рамки абсолютной монархии (императрица, оберегая абсолютизм, ввела цензуру [2]). Вместе с тем сохранившиеся в «Наказе» такого рода сентенции, как «верховная власть сотворена для народа и действует на его благо», носили печать европейского либерализма. В литературе отмечается также, что Екатерина II, составляя «Наказ», в своем правопонимании принадлежала к естественно-правовой школе [3, с. 81], и в литературе отмечается значимость екатерининского либерализма с точки зрения будущих событий политико-правового характера [4; 5]. В эпоху Екатерины II в либеральном направлении размышляли также М.М. Щербатов, Д.И. Фонвизин, Н.И. Новиков, А.Н. Радищев и другие представители тогдашней, можно сказать, идеологически активной интеллигенции (мы опускаем вопрос о последствиях для некоторых из них своих сочинений, в том числе не рассматриваем взгляды А.Н. Радищева ввиду того, что они освещены в литературе достаточно подробно). В целом же екатерининский период правления в рассматриваемом контексте не без оснований характеризуется как «аристократический либерализм» [6, с. 40].

В этом контексте характерным являлось также донесение британского посла в России Г. Ширлея, который в 1767 г. сообщал в Лондон о том, что «русские не говорят и не думают ни о чем другом, как о собрании депутатов» [7, с. 184] (речь идет о депутатах для работы в отмеченной выше Уложенной комиссии), и далее отмечал, что русские уверены, что «они составляют мудрейшую, счастливейшую и могущественнейшую нацию во всей вселенной» [7, с. 184]. Как бы ни было, именно эпоху Екатерины II можно считать истоком развития в России либеральных идей европейской направленности.

Заметим, однако, что этот исток санкционировался «сверху», кроме того, он еще не носил какого-либо системного характера, и при этом, как мы можем предположить, у правящей просвещенной элиты России, вероятно, допускалась некая возможность соединения либерализма и абсолютизма. Впрочем, дальнейшие события в истории России стали показывать противоречивость распространения либеральных идей. Так, начало XIX в. характеризовалось рядом важнейших общественно-политических явлений, в числе которых такое изменение различных направлений общественно-политической мысли, которые в немалой степени отличались от официальной государственной идеологии. Следует заметить, что этот процесс имел последовательно несколько стадий. Очевидно, не без влияния грандиозных событий во Франции, и в первую очередь здесь нужно упомянуть Великую французскую революцию 1789 г., а также по итогам первой Отечественной войны, когда вхождение русских офицеров и солдат в Париж было не только свидетельством торжества российского воинства, но и источником размышлений о сравнении государственного устройства Франции и России (и не всегда в пользу России), были сформированы взгляды декабристов, которые, в свою очередь, способствовали созданию тайных кружков 1820-30 гг., просветительских и научных обществ. Результатом проводимых в них дискуссий стало возникновение славянофильства и западничества как ведущих идеологических течений наряду с официальной теорией народности (эта проблематика находит достаточно подробную разработку в литературе (в числе авторов Е.Н. Лебедев, А.А. Коновалов, А.А. Журтова, З.А. Куготов, С.А. Воробьева, А.С. Заболотная и др.), в связи с чем здесь внимание на этом не акцентируется.

Одновременно из этих недр, уже позже, стали формироваться либерально-демократические, а затем и революционно-демократические взгляды части (наиболее активной) российской интеллигенции. Интересно, что определенный толчок развитию в целом такого пласта общественно-политической мысли был отчасти дан верховной властью - Александром I, и в этом смысле ситуация некоторым образом повторялась с эпохой Екатерины II. Дело в том, что Александр I, вступив на трон в достаточно молодом возрасте (двадцать три года), имел за плечами тесное общение с группой «молодых друзей» (в их числе был, в частности, П.А. Строганов, Н.Н. Новосильцев, В.П. Кочубей, А.А. Чарторыйский и др.), которые увлекались сочинениями европейских мыслителей, а некоторые и вовсе являлись поклонниками «якобинства». Да и сам император, как говорится, был замечен в весьма либеральных высказываниях. Как вспоминает Чарторыйский, Александр I, в частности, отмечал, что он «ненавидит деспотизм повсюду, во всех его проявлениях, что любит одну

свободу, на которую имеют одинаковое право все люди» [8, с. 83]. Однако столь демократические взгляды молодого императора скоро натолкнулись на мощную реакцию правящего класса, частью которого он был сам, и в этом столкновении он в итоге задвинул такие модернистские для России убеждения на задний план и стал управлять в целом в прежнем духе, когда модные либеральные и просветительские идеи в высшем эшелоне власти вполне уживались с реакционной абсолютистско-крепостнической практикой.

В данном контексте следует согласиться с С.А. Рубаником в том, что «в большинстве своём реформы объяснялись исключительно личными взглядами Екатерины II, Павла I, Александра I или настроениями тех или иных группировок высшей аристократии при императорском дворе, практически вне всякой связи с политическими и социально-экономическими процессами, объективно развивавшимися в России со второй половины XVIII века» [9, с. 76] (подтверждением этому может быть тот факт, что вплоть до февраля 1917 г. императоры, несмотря на некоторые изменения буржуазного характера в государственной структуре Российской империи, так и не смогли выйти из парадигмы самодержавия). Тем не менее «европейская линия» Александра I представляет особый интерес, и для такой позиции немалое значение имел личностно-психологический фактор, связанный с обстоятельствами смерти его отца, что в итоге делало правление Александра I было достаточно противоречивым. Так, в годы его правления заметно продвигалось просвещение – необходимое условие, без которого развитие теоретической мысли в обществе весьма затруднено, в частности, Университетский устав 1804 г. предоставил довольно широкую автономию советам профессоров, в том числе по вопросу об избрании ректора, деканов факультетов и профессоров на вакантные кафедры. Можно также говорить об относительно быстром культурном и политическом росте русского общества [10, с. 37-38].

Помимо этого, издавалась масса новых книг, преимущественно переводных экономических, политических, юридических и философских трактатов. Развивалась русская литература (Карамзин, Жуковский, Крылов и др.), появился ряд журналов разных направлений («Вестник Европы», «Журнал Российской Словесности», «Северный Вестник» и др.). Этот ряд можно продолжить и в политической сфере. Так, получив после Венского конгресса титул «царя польского», Александр I разрешил полякам сохранить свою конституцию и предоставив более самостоятельный, чем в остальной империи, законодательный орган (сейм). Во время церемонии открытия сессии польского сейма (1818г.) российский император, в частности, отметил: «свободные учреждения ... совершенно согласуются с общественным порядком и утверждают истинное благосостояние народов» [11, с. 205], и, более того, сказал о намерении такого рода «свободные учреждения» распространить «на все страны, попечению моему вверенные» [11, с. 205]. Однако это пожелание так и не стало воплощаться.

Остались не воплощенными и другие проекты представителей либерального круга при императоре. Например, конституционный проект, составленный по просьбе Александра I другом «демократической молодости» Новосильцевым [12], так и остался на бумаге. В этом же ряду и охлаждение к Сперанскому - выдающему деятелю Российского государства рассматриваемого периода, который по просьбе Александра I подготовил ряд законодательных преобразований в либеральном духе. И уже к рубежу 1820 г. можно, очевидно, утверждать, что российский император перестал считать либеральные идеи своими убеждениями. Тогда произошли события, в результате которых конституционно-либеральные увлечения Александра I оказались завершенными и он, вероятно, взвесив все «за» и «против», пошел навстречу настроениям абсолютного большинства высшего и, очевидно, среднего чиновничества, для которого все эти либеральные идеи были чуждыми, и которые не представляли себе своего комфортного положения в обществе без абсолютизма. Речь идет, прежде всего, о военных революциях в Италии и Испании, а также, как отголосок в России - солдатские волнения в лейб-гвардии Семеновском полку. Несмотря на то, что волнения были вызваны грубостью и жестокостью командира полка [13, с. 97], император увидел в этом событии последствия проникновения в Россию революционных настроений, и принял довольно крутые меры (офицеры и солдаты была распределены по другим военным полкам). И в целом

Правительство стало отказываться от планов более или менее либерального толка, более того, был предпринят ряд серьезных репрессивных мер, объединяемых в историко-правовой литературе понятием «аракчеевщины» (жесткие меры реагирования на акты крестьянского недовольства).

Так, при открытии второго польского сейма (1820 г.) речь императора уже была иного содержания, чем двумя годами ранее, несколько позже были отменены законы, принятые в начале царствования Александра I, которыми сдерживался произвол помещиков по отношению к своим крепостным крестьянам, в частности, снова помещики поучали право ссылать крестьян «за дерзостные поступки», им опять было запрещено жаловаться на помещиков, возбуждать «иски о воле». Более жесткие меры были приняты и в отношении университетов. Но при этом, как ни парадоксально, именно в этот период в России активизируется развитие либеральных идей, только теперь не «сверху», а из недр интеллигенции, не находящейся на государственной службе. Так, из сочинений Герцена и Огарева видно, что рубеж (1820 г.) стал критически осмысливаться ими в студенческие и последующие годы, и в этом контексте Герцен называл «величайшим преступлением» александровско-аракчеевской реакции военные поселения [14, с. 127]. На этом фоне к царю начали поступать сигналы о готовящихся заговорах против власти (в конце 1820 г. - от уланского корнета А.Н. Ронина, в марте 1821г. - от библиотекаря гвардейского штаба М.К. Грибовского). Под впечатлением этих слухов и доносов (с учетом, разумеется, таких фактов, как бунт Семеновского полка) встревоженный Александр I повелел 1 августа 1822 г. запретить «все вообще тайные общества» [15, с. 62]. Однако это уже не могло помешать идейно-организационному движению декабристов.

Между тем именно декабристское движение, причем как с точки зрения провозглашаемых идей, так и с точки зрения самопожертвования ради общего блага стало определяющим при формировании мировоззрения тогдашнего поколения российских либералов, и прежде всего бывших тогда в молодом возрасте Герцена и Огарева. И.Е. Адаменок справедливо указывает на то, что движение декабристов «объективно отражало потребности экономического и социально-политического преобразования России» [16, с. 74]. В наиболее концентрированном виде это получило своё отражение в двух известных конституционных проектах – «Русской правде» П.И. Пестеля [17] и «Конституции» Н.М. Муравьева [18], куда был вложен идейно-теоретический потенциал декабристов. В своих документах декабристы исходили из понимания идеи прогресса, необходимости модернизационного пути развития России и разработали структурно-функциональную парадигму политической власти, основой которой была концепция её разделения после успешного восстания и ликвидации самодержавия.

Так, в «Конституции» указывалось следующее положение: «Правительство разделяется на Верховную власть и государственное правление. Верховная власть разделяется на законодательную – Народное вече, и исполнительную – Державную думу. Сверх того, нужна ещё власть блюстительная, дабы те две не выходили из своих пределов. Власть блюстительная поручается Верховному собору» [19]. Кроме того, декабристы полагали, что изменения в политической власти вызовут прогресс и в общественных отношениях: народ в массе своей будет вовлечён в широкий политический процесс через участие в выборах всех органов власти. В проекте Пестеля осуществление этой системы предусматривалось через посредство демократического механизма: упразднение сословий, равенство закона для всех граждан, верховенство закона, единая и равная для всех форма избирательного права. В проекте Муравьева механизм был менее демократичным и, вместе с тем, более противоречивым: декларируя отмену сословий, он сохранял цензовые ограничения в избирательной системе (имущественные, образовательные, сословные). Тем не менее, как справедливо отмечает М.И. Серовой, «в обоих случаях по сравнению с предшествующим статусом политической власти Российской империи декабристы, несомненно, выступали носителями социального прогресса. Их структурно-функциональный подход к организации политической власти

дополнялся консенсусным, особенно у Пестеля, который, учитывая опыт Французской революции, заботился о сохранении после свержения самодержавия национального согласия и порядка в стране ... И в целом декабристы не слепо копировали теорию и практический опыт революций Западной Европы, а, опираясь на него и учитывая положительные и отрицательные его стороны, создали своё представление о будущем государственном устройстве России» [19, с. 220], в том числе о путях государственной организации власти и т.д., что также находит широкое отражение в исторической литературе.

Подытоживая, можно отметить, что особенность развития в России общественно-политической мысли в рассматриваемый период заключалась в том, что демократические идеи европейского толка, уже сформированные буржуазными революциями, и прежде всего во Франции, в России оказались чуждыми действующей власти, которая в годы правления Александра I некоторым образом допускала публикацию либеральных произведений, однако только тех, которые не затрагивали критики режима, и деятельности небольших «тайных обществ». Более радикальные либералы подвергались репрессиям (как, например, Радищев, Новиков, декабристы), эмигрировали из России (Герцен, Огарев), когда с приходом к власти Николая I цензура стала более строгой, а отношение к представителям либеральных взглядов – более жестким. Однако запретительные меры уже не могли остановить общей тенденции развития в России передовых политико-правовых взглядов, которое, вместе с тем, по сравнению с европейскими государствами, было заметно более медленным, и в итоге привело к падению самодержавия в 1917 г.

1. Евдокимова И.О. Влияние идей Монтескье на Екатерину II на примере «Наказа» // Вестник науки. 2023. № 12. С. 780-786.
2. Галиуллина Р.Х. Регламентация цензуры в России (вторая половина XVIII -начало XIX века) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 1 (47). С. 15-24.
3. Назаренко Б.А. Правовые новации в «Наказе» Екатерины II // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 3. С. 30-36.
4. Сморгунова В.Ю., Рукинов В.А. Политико-правовая мысль в России в эпоху просвещённого абсолютизма: попытки реализации отдельных положений // Образование и право. 2023. № 3. С. 346-350.
5. Егорова М.В., Коршунова Н.В., Егорова Е.Ю. Постсоветская историография о взаимоотношениях Екатерины II и французских просветителей // Общество: философия, история, культура. 2023. № 9. С. 81-88.
6. Елисеева О.И. Аристократический либерализм в царствование Екатерины II // Историческое обозрение. - 2014. - № 15. - С. 39-45.
7. Брикнер А.Г. История Екатерины Второй. - М.: АСТ, 2002. - 846 с.
8. Из записок князя А. Чарторыйского. Русский двор в конце XVIII и начале XIX столетия. 1795-1805 (переиздание). - М.: ГПИИБ, 2007. - 221 с.
9. Рубаник С.А. Консервативные и либеральные представления о преобразованиях в России начала XIX века в отечественной историографии // Историко-правовые проблемы: Новый курс: сб. научных ст. Вып. 4. В 2 частях. Часть 2. - Курск: Курский гос. ун-т., 2011. - С. 70-82.
10. Моряков В.И. Русское просветительство второй половины XVIII в.: из истории общественно-политической мысли в России. - М.: МГУ, 1994. - 215 с.
11. Пашков Б.Г. Русь – Россия - Российская империя. Хроника правлений и событий. 862-1917 гг. - М.: ЦентрКом, 1997. - 635 с.
12. Чернов К.С. «Государственная уставная грамота Российской империи» (к вопросу о российском конституционализме): дис. канд. ист. наук. - М., 2007. - 302 с.
13. Федоров В.А.. Солдатское движение в годы декабристов. 1816-1825 гг. - М.: МГУ, 1963. - 208 с.
14. Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 томах. - Т.3. - М.: АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького, 1954. - 512 с.
15. Аврех А.Я. Масоны и революция. - М.: Политиздат, 1990. - 348 с.
16. Адаменко И.Е. Идеи конституционализма в политико-правовой мысли дореформенной России (первая половина XIX века): дис. канд. юрид. наук. - М., 2005. - 161 с.
17. Пестель П.И. Русская Правда // Хрестоматия по истории СССР / Сост. П.П. Епифанов и др. - М.: Просвещение, 1989. - С. 75-92.
18. Муравьев Н.М. Конституция // Хрестоматия по истории СССР / Сост. П.П. Епифанов и др. - М.: Просвещение, 1989. - С. 93-111.
19. Серова М.И. Политическая культура декабристов в контексте российской истории XIX в.: дис. д-ра ист. наук. - Краснодар, 2002. - 369 с.

Уповор И.В.**Особенности уголовно-процессуальной реабилитации в Российской империи***Краснодарский университет МВД России
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-113

Аннотация

В российской правовой истории развитие уголовного процесса имело довольно противоречивое развитие, и, если иметь период монархии, то это касается прежде всего длительного функционирования принципа «формальных доказательств», что ограничивало права подозреваемых и обвиняемых в своей защите. В условиях существовавшего тогда абсолютистского режима публично-властных отношений непросто складывался и институт реабилитации лиц, незаконно привлеченных к уголовной ответственности. В статье рассматриваются особенности уголовно-процессуальной реабилитации в Российской империи (XVIII-XIX вв.). Выявляются основные тенденции как правового регулирования данного института, так и его теоретического осмысления. Анализируются соответствующие нормативно-правовые акты, в которых содержались нормы об уголовно-процессуальной реабилитации, а также научные публикации, в которых затрагивается заявленная тема. Отмечается, в частности, что только со второй половины XIX в., в рамках развития судебной реформы 1864 г., российский законодатель стал регулировать вопрос компенсации ущерба, который был причинен незаконно привлеченному к ответственности по уголовным делам.

Ключевые слова: Российская империя, уголовно-процессуальная реабилитация, незаконное обвинение, закон, потерпевший, компенсация.

Abstract

In Russian legal history, the development of criminal procedure had a rather contradictory development, and, if we have a period of monarchy, then this concerns, first of all, the long-term functioning of the principle of "formal evidence", which limited the rights of suspects and accused in their defense. In the conditions of the then existing absolutist regime of public-power relations, the institution of rehabilitation of persons illegally brought to criminal responsibility was also not easy to develop. The article examines the features of criminal procedural rehabilitation in the Russian Empire (XVIII-XIX centuries). The main trends of both the legal regulation of this institution and its theoretical understanding are revealed. The relevant legal acts containing provisions on criminal procedural rehabilitation, as well as scientific publications that address the stated topic, are analyzed. It is noted, in particular, that only in the second half of the 19th century, as part of the development of the judicial reform of 1864, the Russian legislator began to regulate the issue of compensation for damages caused to those illegally prosecuted in criminal cases.

Keywords: Russian Empire, criminal procedural rehabilitation, illegal accusation, law, victim, compensation.

Законодательное регулирование уголовно-процессуальной реабилитации в России на системном уровне стало осуществляться сравнительно поздно – с XIX в. и основывалось на разрозненных нормах, которые ранее содержались в ранее издаваемых актах [1]. Затрагивая истоки этого института, заметим, что в Судебнике 1497 г. в ст.19 предусматривалось, что незаконное решение судьи должно быть отменено, а пострадавшему виновный должен был вернуть несправедливо взысканное [2]. Однако в целом это касалось гражданских исков, учитывая, что тогда главенствовал состязательный процесс. Судебник 1550 г. не привнес принципиально нового. Ситуация стал меняться с середины XVII в. Так, в Соборном уложении 1649 г. имелась глава X «О суде», где, в частности, указывалось: «а если боярин или околничей, или думной человек, или дьяк, или иной какой судья, исца или ответчика по посулом, или по

дружбе, или по недружбе правого обвинит, а виноватого оправит ... и впередь им у дела не бытии» [3].

В Уложении указывалось, что виновный в незаконном привлечении к ответственности должен был уплатить пострадавшей стороне денежную компенсацию. Однако на системной уровне этот вопрос стал регулироваться только, начиная с петровской эпохи, то есть, в периода Российской империи. Так, в Кратком изображении процессов или судебных тяжб 1715 г. [4] имеется завершающая глава под названием «О уничтожении приговору». Здесь, в частности, содержатся следующие интересующие нас нормативные положения: «I. Оное уничтожение приговаривающих ради следующих притчин бывает: 1) когда челобитчик более пунктов как ответчику предложено, докажет, и судия, не имея оных, на его дело приговор учинил; 2) ежели судья над таким делом, о котором в суде спору нет, приговор же учинит; 3) ежели на такое дело, на которое еще не ответствовано, приговор учинит; 4) буде челобитчик и ответчик оба присягать похотят, а судья прежде присяги их приговор учинил; 5) когда приговор противогласящийся или б) когда оный нагло против прав есть. II. Вышеупомянутый приговор от вышнего судьи, когда ему от челобитчика оный объявлен будет, опровергается» [4].

Анализ этих и других норма «Краткого изображения» показывает, что в этом нормативно-правовом акте речь идет лишь об основаниях для отмены приговора. О реабилитации в полном смысле, то есть в нынешнем его понимании, еще не говорится, законодатель умалчивает о том, в каком порядке и кто должен возмещать вред, причиненный необоснованным привлечением к ответственности, хотя такие нормы, очевидно, могли бы быть, учитывая, что этот документ, в отличие от предшествующего времени, был специальным, то есть, являлся своеобразным процессуальным кодексом того времени. Вместе с тем даже наличие только лишь норм-обоснований, исключающих привлечение к уголовной ответственности, тоже, все же, вероятно, следует расценивать как заметный шаг вперед в регулировании данной сферы общественных отношений, имея в виду дальнейшее развитие института реабилитации. Так, в Артикуле воинском 1715 г. и Морском уставе 1720 г. реабилитация также находит свое развитие – в эти акты была включена норма с практически идентичным текстом. Так, в Морском уставе 1720 г. [5] указанные положения Краткого изображения процессов или судебных тяжб находят определенное развитие. В частности, артикул 142 Книги Пятой именуется следующим образом: «Кто был истязан пыткой, а оправдится, или прощен будет». Здесь, среди прочего, указывается: «Салдаты и офицеры в великих преступлениях, как и протчие злодеи могут быть пытаны: в сем несть сомнения, ибо в то время не яко солдат или офицер, но яко злодей почитается. Ежелиж он на пытке явится невинен или от его величества весьма прощен будет, то для невинности своей высокоповеренный чин свой может конечно паки отправлять, когда публично в том прощен и писмянное свидетельство о том ему дано и флаг возложитца, и тако чрез сие паки за честнаго причтен, и всем запрещается оног тем попрекать» [5].

Как представляется, это первая норма в истории российского законодательства, где закрепляется один из аспектов института реабилитации лица, необоснованно привлеченного к уголовной ответственности - восстановления его доброго имени. При этом нужно иметь в виду, что в России институт реабилитации лица, в случае его необоснованной репрессии, относительно других европейских государств развивался с отставанием, что в целом отражало сложившийся в нашей стране абсолютистский режим политической власти, при котором потребности в институте уголовно-процессуальной реабилитации долгое время не было. В определенной степени это подтверждает и артикул 143 Морского устава (Книга Пятая), согласно которой командирам кораблей разрешалось, после обсуждения со своим окружением, наказывать подчиненных и за те деяния, которые не были указаны в Морском уставе, но которые командиры считают причинившие существенный вред. Осужденные за такие деяния, вероятно, не имели каких-либо возможностей добиваться невинности, если таковая, по их мнению, была.

В дальнейшем, уже в конце XVIII в. законодатель ввел нормы об ответственности за проведение обыска без надлежащего обоснования; допустившие такое нарушение

должностные лица должны были заплатить потерпевшей стороне денежную компенсацию [6, с. 60]. Законодатель допускал также, что незаконно осужденный мог обратиться за компенсацией с гражданским иском, однако ввиду сословного признака в российском обществе и высокой степени бюрократизации судебных процедур эта возможность чисто гипотетической. Интересный закон был принят в 1835 г., согласно которому за каждый удар кнутом, который получал невиновно осужденный к этому наказанию, с судьи следовало взыскивать по 200 рублей [7].

Однако это были разрозненные и во многом случайные акты. И лишь с принятием Устава уголовного судопроизводства 1864 г. [8] институт реабилитации стал находить более полную и определенную систематизацию [9]. При-чем уже тогда законодатель разделял основания прекращения судебного пре-следования и основания оправдания по приговору суда, хотя, сразу заметим, термина «реабилитация» имперский законодатель еще не знает. Например, в ст. 16 Устава уголовного судопроизводства имелось следующее нормативное положение: «судебное преследование в отношении к уголовной ответственности обвиняемого не может быть возбуждено, а начатое подлежит прекращению: 1) за смертью обвиняемого; 2) за истечением давности; 3) за примирением обвиняемого с обиженным в указанных законом случаях и 4) за высочайшим указом или общим милостивым манифестом, дарующим прощение» [8]. В этих случаях, как замечает И.Я. Фойницкий, «разрешается вопрос лишь о вероятности вины или невиновности обвиняемого ... потому определениям о прекращении преследования не предоставляется законом того значения *auctoritas rei iudicatae*, которое усвоено судебным решениям; они (досудебные решения – авт.) не пользуются той же степенью неизменности, непоколебимости» [10, с. 55]. В целом же государство еще не берет на себя обязательств, связанных с процедурами реабилитации в случае необоснованно привлеченного к ответственности.

Так, законодатель даже не предусматривает случаев, когда уголовное преследование может быть прекращено по реабилитирующим основаниям на досудебных стадиях. Что же касается реабилитирующих оснований на стадии судебного рассмотрения, то здесь заслуживают внимания следующие нормы. В соответствии с ст. 780 Устава уголовного судопроизводства «оправданному подсудимому дозволяется просить вознаграждения за вред и убытки, причиненные ему неосновательным привлечением его к суду» [8]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что даже не ставится вопроса о безусловной компенсации вреда, нет речи и о компенсации морального вреда, хотя, например, содержание в местах лишения свободы Российской империи зачастую было сопряжено с очень плохими бытовыми условиями. Заметим также, что «дозволение просить» оправданному еще не означало, что его просьба будет удовлетворена. Правда, согласно ст. 781 Устава уголовного судопроизводства «взыскание сего вознаграждения с частного лица, не потерпевшего от того преступления или проступка, в котором оно обвиняло подсудимого, может быть требуемо оправданным подсудимым во всяком случае» [8].

Вместе с тем представляют интерес нормы, которых нет в действующем российском уголовно-процессуальном законодательстве. Так, согласно ст. 782 «на лицо, возбуждившее судебное преследование вследствие понесенного им вреда или убытка, взыскание вознаграждения оправданному подсудимому обращается лишь тогда, когда лицо это действовало недобросовестно, искажая обстоятельства происшествия, делая ложные показания или подговаривая к тому других, или же употребляя иные незаконные или предосудительные средства» [8]. Кроме того, лицо, в отношении которого был вынесен оправданный приговор, имело право согласно ст. 783 Устава уголовного судопроизводства «искать вознаграждения и с должностных лиц, в том числе и с судебного следователя и прокурора, если может доказать, что они действовали пристрастно, притеснительно, без законного повода или основания или вообще недобросовестно» [8]. При этом иски предъявлялись и производились в порядке, установленном для взыскания вознаграждения за вред и убытки, причиненные распоряжениями должностных лиц в соответствии со ст. 1316-1336 Устава гражданского судопроизводства. Как

видим, и здесь обязанность доказывания «недобросовестности» и даже «незаконности» должностных лиц возлагается на оправданного.

По этому поводу М.В. Духовский, в частности, отмечал, что при всех недочетах здесь законодатель все же продвинулся вперед, так как «в прежнем процессе с должностного лица можно было искать убытки только в том случае, если оно предварительно признано было уголовным судом виновным в совершении какого-либо уголовного преступления (например, в подлоге)» [11, с. 416], одновременно указывая, что «в действительности и теперь трудно возбудить взыскание убытков с должностных лиц, так как иск к ним не может быть предъявлен на общем основании, а необходимо получить на это предварительное разрешение» [11, с. 416]. Он же указывал на то, что реабилитация как особая судебная процедура законодателем так и не прописана. Тем не менее сам факт регулирования данного аспекта института реабилитации безусловно заслуживает внимания современного законодателя. В равной степени заслуживает внимания положение, содержащееся в ст. 26 Устава уголовного судопроизводства: «восстановление чести и прав невинно осужденного допускается во всякое время, несмотря ни на протечение давности, ни на смерть осужденного» [8]. Указанные и другие нормы Устава о реабилитации проанализированы рядом авторов, в том числе Л.И. Корчагиной [12]. Как видно, в Уставе уголовного судопроизводства уже обозначен вопрос о реабилитации, включая компенсацию за причиненный вред, и в этом смысле трудно согласиться с тем, что соответствующие нормы появились только в конце XIX в. [13, с. 27], поскольку дату принятия Устава уголовного судопроизводства (1864 г.) вряд ли можно относить к концу века.

Другое дело, что именно к концу века эта проблема стал активно обсуждаться среди российских правоведов (труды Н.Н. Розина, С.И. Викторского, Н.И. Лазаревского, М.В. Духовского, П.И. Люблинского, И.Я. Фойницкого и др.). Очевидно, не без их влияния в 1900 г. был принят закон, согласно которому если приговор к ссылке в каторжные работы признавался необоснованным, то все расходы по возвращению пострадавшего (и его семейства) на прежнее место жительства оплачивало государство [14, с. 158]. В дальнейшем развитие института реабилитации в уголовном процессе несколько замедлилось в советском государстве, а после распада СССР в 1991 г. прежний совокупный исторический опыт законодателя и научные труды указанных и многих других ученых способствовали принятию уголовно-процессуального закона, соответствующего современным требованиям, в том числе по вопросам реабилитации.

1. Савватеев А.В. Исторический аспект оправдательного приговора в российском уголовном судопроизводстве // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2023. № 1. С. 305-308.
2. Судебник 1497 года // *Российское законодательство X-XX веков. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства*. В 9 т. / Под общ. Ред. О.И. Чистякова. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1984. С. 54-62.
3. Соборное уложение 1649 г.: текст и комментарии / Под ред. А.Г. Манькова. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1987. 447 с.
4. Краткое изложение судебных процессов или судебных тяжб от 26.04.1715 г. // *Законодательство Петра I / Составители и комментарии: В.М. Клеандрова, Б.В. Колобов, Г.А. Кутькина и др.* М.: Юридическая литература, 1997. С. 824-840.
5. Морской устав от 13.01.1720 г. // *Законодательство Петра I / Составители и комментарии: В.М. Клеандрова, Б.В. Колобов, Г.А. Кутькина и др.* М.: Юридическая литература, 1997. С. 232-356.
6. Российское законодательство X-XX вв. Законодательство первой половины XIX в. / Под общ. ред. О. И. Чистяков. В 9 т. Т. 6. М.: Юридическая литература, 1994.
7. Сенатский указ от 21.01. 1835 г. «О взыскании по двести рублей за каждый удар, невинно данный, по неправильному судебному приговору» // *Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе*. Т. X. СПб., 1836. С. 62.
8. Устав уголовного судопроизводства от 20.11. 1864 г. // *Российское законодательство X-XX веков / Под общей ред. О.И. Чистякова*. М.: Юридическая литература, 1991. С. 118-252.
9. Корчагина Л.И. К вопросу о влиянии Устава уголовного судопроизводства 1864 г. на трансформирование института реабилитации в уголовном судопроизводстве России // *Актуальные проблемы российского права*. 2014. № 8. С. 1727-1733.
10. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства (переиздание работы 1910 г.). СПб: Альфа, 1996. 585 с.

11. Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М.: Типогр. А.П. Поплавского, 1910. 464 с.
12. Корчагина Л.И. К вопросу о влиянии Устава уголовного судопроизводства 1864 г. На трансформирование института реабилитации в уголовном судопроизводстве России // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8. С. 1727-1734.
13. Азарова И.А. История развития российского законодательства об ответственности государства за вред, причиненный органами дознания и предварительного следствия // Проблемы экономики и юридической практики. 2012. № 4. С. 26-32.
14. Лазаревский Н. И. Ответственность за убытки, причиненные должностными лицами. СПб.: Типогр АО «Слово», 1905. 712 с.

Фокина О.С.

Религиозная жизнь Московского государства в XVII в.

*Южно-Уральский государственный аграрный университет
(Россия, Троицк)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-114

Аннотация

Работа посвящена вопросам духовного развития Московского царства в XVII в. Важнейшим событием религиозной жизни середины века становится церковная реформа патриарха Никона, приведшая к духовному и социальному расколу общества. Автор приходит к выводу о примате светской власти над церковной и утилитарному отношению к религиозности подданных со стороны властных институтов.

Ключевые слова: Московское царство, Русская православная церковь, православие, патриарх Никон, церковная реформа, христианизация, народы Поволжья, татары, башкиры.

Abstract

The work is devoted to the spiritual development of the Moscow Kingdom in the XVII century. The most important event of religious life in the middle of the century is the church reform of Patriarch Nikon, which led to a spiritual and social split in society. The author comes to the conclusion about the primacy of secular power over ecclesiastical power and the utilitarian attitude towards the religiosity of subjects on the part of government institutions.

Keywords: Moscow Kingdom, Russian Orthodox Church, Orthodoxy, Patriarch Nikon, church reform, Christianization, peoples of the Volga region, Tatars, Bashkirs.

История Русской православной церкви, выстраивание отношений между государственным институтом и церковным, влияние религиозных вопросов на внутреннюю и внешнюю политику является одним из важнейших вопросов истории России, особенно в период цивилизационной трансформации. XVII век для Русского царства с его Смутой, выбором и утверждением новой династии, реформами внутренней жизни стал этапом закладывания фундамента абсолютизму Петровских реформ. Весьма наглядно протоимперский прагматизм наблюдается в государственной религиозной политике. Крупнейшим событием середины XVII в. становится религиозная реформа патриарха Никона. Но не менее наглядны и отношения власти к инакославящим и инаковерующим.

В середине XVII века начались реформы Русской православной церкви, повлекшие за собой ряд серьезных изменений в политической и духовной жизни общества. Социальный кризис середины XVII в., тяжелое экономическое положение страны в той или иной форме затрагивали отношения между государством и церковью - крупным землевладельцем, имевшим судебные и налоговые привилегии, обладавшим огромным политическим весом и идеологическим влиянием. Попытка власти ограничить права церкви (например, с помощью Монастырского приказа) встретила с ее стороны решительный отпор и даже усилила ее политические притязания. Кризисные явления поразили и саму церковь. Низкий уровень профессиональной подготовки духовенства, его пороки, разночтения в священных книгах и различия в обрядах подрывали авторитет церкви. Для восстановления ее влияния в обществе

требовалось навести порядок, унифицировать обряды и священные книги согласно единому образцу [1]. Церковная реформа это первая попытка Московии выйти из духовного одиночества, созданного предшествующей борьбой с азиатами, и завязать сношения с единоверческим культурным народом. Сама по себе церковная реформа была необходима для русской церкви, чтобы в понятие «вселенской соборной и апостольской церкви» входила и обособившаяся РПЦ [2].

Были изменены церковные обряды и богослужebные книги в соответствии с греческими образцами. Проведена реформа церковно-славянского языка. Изменились отношения государства и церкви. Никон, считая, что «священство выше царства», стал в 1652-1658 гг. фактическим соправителем царя, добился титула «Великий государь» [3]. Меры оказались временными и после смещения Никона остались в прошлом. Здесь четко прослеживается примат светской власти над церковной. Попытка Никона изменить расстановку сил привела к его низложению и ссылке. Впрочем, экономическое укрепление церкви продолжалось, прежде всего за счет строительства новых монастырей и увеличения церковного землевладения.

В 1667 г. церковный Собор проклял всех защитников старых обрядов — старообрядцев. Собор официально признал, что реформа не есть личное дело Никона, а дело царя, государства и церкви. Поэтому все, кто выступал против реформы, стали врагами царской власти. Царь издал ряд указов, которые предписывали воеводам разыскивать и жестоко наказывать старообрядцев. Началась кровавая борьба государства и церкви со всеми сторонниками старой веры. Они жестоко преследовались, их сжигали на кострах. Так произошел раскол в Русской православной церкви. Возникнув на почве религиозного разногласия, он превратился в одну из форм социального протеста народных масс [4].

Не менее интересны и показательны отношения власти к неправославным подданным. «Можно с уверенностью говорить о том, что на момент вхождения в состав Московского государства и выдвижения условий этого союза религиозный вопрос для башкир не был столь острым и столь определяющим, как решение земельного вопроса» [5, с. 73]. В середине XVII в. принимается целый ряд законов, ограничивающих землевладельческие права иноверцев, как бы подталкивая их к смене вероисповедания ради сохранения своих привилегий [6, с. 71]. Однако, необходимо понимать, что отношения государства с подданными всегда носят утилитарно-прагматический характер, поэтому верная служба иноверцев всегда остается в большем приоритете, нежели стремление государства подтолкнуть их к смене религии. Участники русско-турецкой войны 1676-1681 гг. получали жалованье за участие в боевых действиях. Все лица, получившие ранения под г. Чигирином были награждены деньгами и землей (указ от 29 сентября 1678 г.) [7, с. 178-179] и, что самое главное, никакой градации вознаграждений по национально-религиозному признаку не было [6, с. 71]. Указ от 16 мая 1681 г. некоторыми историками трактуется как провозглашение принципа насильственной христианизации. Но надо обратить внимание, что это были лишь «ответные шаги правительства на притеснения православных крестьян со стороны феодалов—мусульман» [6, с. 71]. Таким образом, «неправомерно говорить о исключительном положении ислама в Российском государстве XVI – XVII вв.» [6, с. 73].

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что церковная жизнь Московского царства в XVII в. находилась под влиянием общегосударственных изменений, и с укреплением государства менялся внутренний уклад Церкви и ее статус. Властные же институты утилитарно относились к вопросам веры.

1. Валеева, М.С. Основные предпосылки проведения церковной реформы патриарха Никона / М.С. Валеева // Актуальные проблемы гуманитарных наук: Труды II научно-практической конференции, Евпатория, 11 мая 2016 года. – Евпатория: ИП Бровко А., 2016. – С. 45-50.
2. Патриарх Адриан, его жизнь и труды в связи с состоянием русской церкви в последнее десятилетие XVII века / Г.А. Скворцов. – Казань: Центр. тип., 1913. – [2], VI, 370, VI с. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/patriarh-adrian-ego-zhizn-i-trudy-v-svjazi-s-sostojaniem-russkoj-tserkvi-v-poslednee-desjatiletie-17-veka/6#source (дата обращения: 20.09.2024)

3. Пустоленко, С.И. Патриарх Никон и влияние его реформ на политику российского государства и духовную жизнь страны / С.И. Пустоленко // Чтения памяти Евгения Петровича Сычевского. – 2021. – № 21. – С. 362-365.
4. Божко, Н.В. Церковная реформа XVII века: роль и место патриарха Никона в ее проведении: специальность 07.00.02 "Отечественная история": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Божко Наталия Васильевна. – Воронеж, 1997. – 18 с.
5. Чернова, Т.А. Конфессиональные аспекты русско-башкирских отношений в середине XVI века / Т.А. Чернова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 30(321). – С. 69-74. – EDN RSCKWZ.
6. Чернова, Т.А. Формирование принципов правового взаимоотношения Российского государства с мусульманским населением Урало-Поволжья во второй половине XVI - XVII вв. / Т.А. Чернова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2018. – Т. 18, № 3. – С. 69-75. – DOI 10.14529/ssh180311. – EDN XRSXFB.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое, Т. II. 1676—1688 гг. / под ред. М.М. Сперанского. — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830 — 979 с.

Шагибекова Я.Е.

**Архитектура советских школ:
отражение образовательной политики в первой половине XX века**

*Уфимский государственный нефтяной технический университет
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-115

Аннотация

В статье анализируются архитектурные особенности застройки типовых общеобразовательных школ первой половины XX века. Рассматриваются идеологические основы, которые определяли требования к школьным зданиям, а также основные архитектурные принципы, такие как функциональность, рациональность, типизация и социальная значимость. Приводятся примеры конкретных архитектурных решений, которые отражали стремление к всестороннему развитию личности и символизировали мощь советской системы образования.

Ключевые слова: архитектура, типовые школы, Советский Союз, образовательная политика, функциональность, типизация.

Abstract

The article analyzes the architectural features of the building of typical secondary schools in the first half of the XX century. The article examines the ideological foundations that determined the requirements for school buildings, as well as the basic architectural principles such as functionality, rationality, typification and social significance. Examples of specific architectural solutions that reflected the desire for comprehensive personal development and symbolized the power of the Soviet education system are given.

Keywords: architecture, model schools, the Soviet Union, educational policy, functionality, typification.

Архитектура образовательных учреждений Советского Союза в первой половине XX века несет на себе отпечаток социальной и политической трансформации, происходившей в стране. Период 1920-1930-х годов в СССР ознаменован не только коренными изменениями в социальной и экономической жизни, но и глубокими преобразованиями в системе образования. Так, политика нового государства предполагала не только изменения в содержании учебных программ, но и в организации учебного процесса, что непосредственно отразилось на архитектурных решениях при застройке школ.

После Октябрьской революции 1917 года новая советская власть поставила перед собой задачу создания системы образования. Основное внимание уделялось массовому школьному

образованию, ликвидации неграмотности и воспитанию детей в духе коллективизма и трудового воспитания. В этот период формировались принципы советской школы, в том числе идеи политехнического образования и тесной связи обучения с практическим трудом. Эти идеологические установки, а также потребности в массовом строительстве школ в быстро растущих городах нашли отражение в архитектуре школьных зданий.

В начале 1920-х годов приоритет отдавался так называемой "свободной планировке" школ, где здания представляли собой комплексы с открытыми внутренними пространствами, ориентированными на гибкость использования. Архитекторы того времени стремились уйти от традиционных классовых форматов и предложить новые решения для учебных помещений.

Архитектура школьных зданий начальных годов 20го века подчёркивала простоту, доступность и коллективизм, что полностью соответствовало социалистической идеологии. Начался значительный рост в системе школьного образования, связанный не только с изменениями в методиках и программах, но и с необходимостью расширения сети школ. Это было вызвано увеличением внимания к развитию общеобразовательных учреждений. Планировалось создать такую сеть начальных школ, чтобы за первые два года полностью охватить всех детей школьного возраста в городах. Расширение школьной сети не только увеличивало число учащихся, но и улучшало качество работы школ.

Архитектурные проекты школ тех лет стремились к упрощению форм, рациональному использованию материалов и площадей, что находилось в гармонии с экономическими вызовами того времени. Одним из ключевых факторов проектирования стал функционализм — здания школ должны были не только служить учебными заведениями, но и быть многофункциональными общественными пространствами, где могли бы проводиться различные собрания и мероприятия. Школы проектировались в строгих геометрических формах с минимальным количеством декоративных элементов, что отражало стремление к лаконичности и простоте, символизировавших новый социалистический порядок. Просторные классы, широкие коридоры, большие окна для естественного освещения — все это способствовало созданию комфортных условий для обучения. При этом, школы рассматривались как важные общественные здания, которые, поэтому в их архитектуре часто использовались элементы, подчеркивающие их значимость, такие как колонны, арки и декоративные элементы. Переход к строительству школ по типовым проектам позволил стандартизировать такие элементы, как окна, двери, санитарное оборудование, что способствовало увеличению объемов производства и снижению затрат на их создание.

К 1930-м годам потребность в быстром строительстве школ привела к появлению типовых проектов. Это стало важной вехой в развитии советской архитектуры школ, так как типизация позволила ускорить процесс строительства и снизить затраты. Такие школы имели унифицированные архитектурные решения, которые могли быть адаптированы под разные условия — как в сельской местности, так и в городах. В 1930-х годах школы начали строить более традиционно, с коридорной системой и отдельными классами, что также отражало изменения в образовательной политике, направленные на стандартизацию учебного процесса.

В 1934 году, после принятия постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР "О начальной и средней школе", началась активная застройка школьных зданий в крупных городах. Это отражалось в планировке зданий — школы строились на несколько этажей с классами для больших групп учеников. Актовые залы становились обязательной частью школьных зданий, так как там проводились не только школьные мероприятия, но и политико-просветительские собрания для родителей и педагогов. Примером типового проекта школы на 880 учащихся, реализованного в 1936–1937 годах, является проект архитекторов Л. Асса и А. Гинцберга, по которому в Ленинграде было построено 32 школы. Это были четырехэтажные П-образные здания с симметрично расположенными вестибюлями и узкими коридорами, в которые выходили классы, что соответствовало педагогическим требованиям того времени. Такие школы имели один центральный вестибюль и компактную планировку, что было особенно важно для городских участков с плотной застройкой.

Несмотря на стремление к совершенствованию типовых проектов, проблемы, связанные с экономическими ограничениями и жесткими стандартами, нередко приводили к недоработкам в проектировании. Строительные инспекции выявляли такие недостатки, как недостаточное количество залов для воспитательной работы и общих помещений, что осложняло процесс формирования полноценного образовательного пространства. Эти недостатки становились стимулом для дальнейших улучшений и привели к пересмотру подходов к школьному проектированию в последующие годы.

Архитектурные решения, принятые в 1930-х годах, оказали длительное воздействие на развитие системы школьного образования в СССР. Компактные и функциональные школы, построенные в соответствии с типовыми проектами, стали не только местами для обучения, но и площадками для социализации и культурного воспитания детей. Архитектурная форма, несмотря на свои ограничения, служила олицетворением советских образовательных идеалов, делая акцент на доступности и массовости образования.

Итак, архитектура советских школ в первой половине XX века стала отражением образовательной политики, направленной на воспитание нового поколения строителей коммунистического общества. Школьные здания воплощали в себе принципы социалистического воспитания, где на первое место ставилась функциональность, рационализм и связь с трудовой деятельностью. Архитектурные решения, от свободной планировки до конструктивистских форм и типовых проектов, демонстрировали стремление создать не только учебные заведения, но и культурные центры, обеспечивающие всестороннее развитие личности.

Архитектура школ того времени не только удовлетворяла практические потребности, но и выражала идеологические установки, тем самым играя важную роль в формировании советской системы образования.

1. Бархин Б. Смотр творческих успехов архитектурных школ // Архитектура СССР. -1970. - № 12. - С. 40-59.
2. Изобразительное и декоративное искусство. Архитектура: Терминологический словарь. М., 1997.
3. Ходырев А.М., Молоков Д.С., Гаврилова Т.Н., Успенский В.Б. Образование и педагогическая мысль в России после второй мировой войны//История образования и педагогической мысли. Краткое учебное пособие. 3-е изд. с исправлениями и дополнениями. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2002. С. 94-100 (из них авторских -2 с.).

Beisembayeva A.R.

The history of the establishment of Omsk District: historiography of the issue

*Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
(Kazakhstan, Almaty)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-116

Abstract

This article examines the historiography of the establishment of Omsk District. It analyzes the lack of monographic works on this topic and the limited amount of factual material in existing publications, which necessitates a critical approach to their interpretation. The article identifies the main groups of literature, including official sources and more objective studies. The author concludes that there is a need for a more in-depth study of this topic to form a more comprehensive picture of the history of Omsk District.

Keywords: Omsk District, historiography, pre-revolutionary period, Omsk, history, population, resettlement, policy.

Аннотация

В статье рассматривается историография создания Омского уезда. Анализируется недостаток монографических работ по данной теме и ограниченное количество фактического

материала в существующих публикациях, что требует критического подхода к их интерпретации. Статья выделяет основные группы литературы, включая официальные источники и более объективные исследования. Автор приходит к выводу о необходимости углубленного изучения данной темы для формирования более полной картины истории Омского уезда.

Ключевые слова: Омский уезд, историография, дореволюционный период, Омск, история, население, переселение, политика.

Analysis and evaluation of the level of research on the topic are the first and most crucial stages of any historical study. In the context of the establishment of Omsk District in the second half of the 19th and the early 20th centuries, it can be noted that there is a lack of monographic research in both the pre-revolutionary and Soviet periods.

The pre-revolutionary literature on the subject can be divided into two groups. The first group includes works that reflect the official viewpoint, while the second group addresses the issue more or less objectively. Official publications are primarily represented by materials from the Resettlement Administration [1]. These works often have shortcomings, as they tend to obscure the colonization goals of tsarism regarding the resettlement of peasants onto traditionally Kazakh lands, justifying the economic interests of the authorities in Kazakhstan and Siberia. Nevertheless, they contain valuable statistical information about the economy of the Kazakhs, which is important for understanding the context of the establishment of Omsk District.

Significant importance for the research is attributed to the works of authors such as Gagomeyster [2], Krasovsky [3], Zavalishin [3], Slovtsov [5], Starkov [6], Yelnitsky [7], Petropavlovsky [8], Shchepotov [9], Kaufman [10], Golovachev [11], and Petrov [12]. These studies pertain to the general questions of the history of Kazakhstan and the adjacent Siberian provinces and require a critical approach in their application.

It is also important to note the work of T. Sedelnikov [13], «The Struggle for Land in the Kirghiz Steppe», which critically examines the process of the usurpation of Kazakh lands, although the thesis that the transition to a sedentary lifestyle will improve the situation of the Kazakh population requires reconsideration.

Another noteworthy study is that of Mitariievsky [14], dedicated to Akmolinskaya Oblast, which included Omsk District. This work, aimed at resettler peasants, serves as a guide for them but also raises questions about the risks associated with leasing «Kirghiz land».

Thus, despite the substantial volume of literature devoted to the history of the establishment of Omsk District, there are virtually no serious monographic works on this topic. Most publications are article-based and only indirectly address the research problem. This highlights the necessity for a more in-depth examination of the socio-economic development issues of Kazakh auls in Omsk District.

Against the backdrop of the decline of active national policy in the 1930s to 1950s, serious works on the Kazakh population of Western Siberia have become rare. Research during this time has focused on other aspects, making it difficult to understand the full context of the establishment of Omsk District.

In the early 1960s, there was a resurgence of scientific research related to the history of Omsk District. However, many of these works concentrate on the economic life of resettler peasants, which does not always reflect the specifics of the Kazakh population in the region. An example of this approach can be found in the third volume of the five-volume work «History of Siberia», which addresses general issues concerning settlers but does not provide sufficient attention to the actual establishment and development of Omsk District.

Some interest is generated by the works of Omsk scholar N.A. Tomilov [15]. His research is valuable as it relies on written and archival sources to provide materials on the settlement of Kazakhs in Western Siberia from the 15th century to the early 20th century. In particular, in his work «Turkic-speaking Population of the West Siberian Plain in the Late 16th to Early 20th Century», he describes the movement of Kazakh groups and their adaptation to new conditions.

F.T. Valeev's work [16], «Western Siberian Tatars in the Second Half of the 19th to Early 20th Century», also touches upon issues of ethnic identity formation; however, its focus on assimilation

does not always align with the topic of Omsk District. This circumstance underscores the necessity for a clearer focus on the study of Omsk District and its specifics.

Overall, while numerous, the studies on the history of the establishment of Omsk District remain largely fragmented. Therefore, it is essential to continue a thorough investigation of issues related to the socio-economic development of Kazakh auls and their interaction with resettlement processes, which will enhance the understanding of the history of Omsk District.

To date, the research on the history of the establishment of Omsk District remains insufficiently covered, with serious works addressing its socio-economic life in the pre-revolutionary period virtually absent. The literature on this topic often has a historical-ethnographic character and does not address the key aspects of the formation of Omsk District.

In the 1970s and 1980s, works were published in Kazakhstan that touched upon issues of settlement and the situation of Kazakhs in neighboring provinces; however, they do not cover the specifics of Omsk District. For instance, studies by Alekseyenko N.V. [17], Bekmakhanova N.E. [18], and Mukhanov M.S. [19] primarily focus on territorial aspects, which does not allow for a comprehensive illumination of the processes occurring within the district itself.

An important point is also the impact of resettlement policy on agrarian relations in Omsk District. For example, the works of Otarbayeva B.Z. [20] examine the dynamics of commodity agriculture related to resettlement, which directly affects the economic conditions in Omsk District and underscores the significance of these processes for its formation.

Thus, despite the existence of individual studies, a comprehensive analysis of the historical process of establishing Omsk District, including socio-economic, cultural, and political aspects, requires further attention and in-depth study.

The article was prepared within the framework of the implementation of the scientific project AP23487519 «District administrations of the steppe regions of Kazakhstan in the implementation of the colonial policy of the autocracy (second half of the 19th - early 20th century)».

1. Materials on the Land Question in Asian Russia. Vol. 1: Steppe Region. Petrograd, 1917. 135 p.
2. Gagomeyster, Y.A. Statistical Review of Siberia. Part 1. St. Petersburg, 1854. 359 p.
3. Krasovsky, M. The Region of Siberian Kirghiz. St. Petersburg, 1968. 265 p.
4. Zavalishin, I. Description of Western Siberia. Vol. III. Moscow, 1862. 419 p.
5. Slotvsov, P.A. Historical Review of Siberia. St. Petersburg, 1886. 326 p.
6. Starkov, V.V. A Brief Overview of the Kirghiz Steppe in Geographical, Historical, and Statistical Aspects. Tobolsk, 1860. 113 p.
7. Yelnitsky, K. Indigenous Peoples of Siberia and Central Asian Territories of Russia. Ethnographic Essay. Published by M.M. Gutzats, 1895. 136 p.
8. Petropavlovsky, N. Along the Ishim and Tobol Rivers: From Travels and Studies of Peasant Life in Western Siberia. Moscow, 1899. 128 p.
9. Shchepotov, V.P. Altai: Past and Present of the Mountain Country. Tomsk, 1890. 26 p.
10. Kaufman, A.A. Resettlement and Colonization. Moscow, 2011. 440 p.
11. Golovachev, P. Siberia. Moscow, 1912. 236 p.
12. Petrov, M. Western Siberia. Moscow, 1908. 207 p.
13. Sedelnikov, T. The Struggle for Land in the Kirghiz Steppe. St. Petersburg, 1907. 79 p.
14. Mitariievsky, A. Akmolinskaya Oblast. Poltava, 1912. 30 p.
15. Tomilov, N.A. Turkic-speaking Population of the West Siberian Plain in the Late 16th to Early 20th Century. Tomsk, 1981. 22 p.
16. Valeev, F.T. Western Siberian Tatars in the Second Half of the 19th to Early 20th Century. Kazan, 1980. 232 p.
17. Alekseyenko, N.V. The Population of Pre-Revolutionary Kazakhstan. Alma-Ata, 1981. 111 p.
18. Bekmakhanova, N.E. The Formation of a Multinational Population in Kazakhstan and Northern Kyrgyzstan. Moscow, 1980. 279 p.
19. Mukhanov, M.S. The Ethnic Territory of the Kazakhs in the Late 19th to Early 20th Century. Alma-Ata, 1991. 64 p.
20. Otarbayeva, B.Z. Grain Trade in Kazakhstan in the System of Economic Relations with Russia: Late 19th to Early 20th Century. Alma-Ata, 1990. 190 p.

РАЗДЕЛ VIII. ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Бахтиярова А.Н.

Функционально-семантический анализ терминов родства в башкирском языке

Уфимский университет науки и технологий

(Россия, Уфа)

doi: 10.18411/trnio-10-2024-117

Аннотация

Исследование терминов родства – одна из актуальных проблем в современной лингвистике. Термины родства могут быть объектом изучения разных наук, так как они являются важными элементами, раскрывающими стиль жизни того или иного народа, их традиции и обычаи.

Ключевые слова: башкирский язык, термины родства, родственные отношения.

Abstract

The study of kinship terms is one of the urgent problems in modern linguistics. Kinship terms can be the object of study of various sciences, as they are important elements that reveal the lifestyle of a particular people, their traditions and customs.

Keywords: Bashkir language, kinship terms, kinship relations.

Исследование терминов родства – одна из актуальных проблем в современной лингвистике. Термины родства могут быть объектом изучения разных наук, так как они являются важными элементами, раскрывающими стиль жизни того или иного народа, традиции и обычаи. Сущность терминов родства заключается в том, что они выделяют из множества родственных отношений только те, которые как-то важны и существенны для жизни и функционирования человеческого сообщества. За этими терминами стоит многовековая история народа, его культура, общественные отношения и их осмысление.

Терминология родства изучается с двух позиций: как часть лексики народа она изучается лингвистами, а с позиции семейно-брачных отношений изучается историками. Именно поэтому изучение терминов родства представляется актуальным, так как языковые формы лексики родства в аспекте этногенеза народа меняются – термины родства испытывают изменения с развитием общественных и семейных отношений.

Родством называют отношение между людьми, которое возникает на основании наличия ближайших предков. У народов был такой обычай: сначала устно, а потом письменно передавать истории родов и племен: хроники европейских народов, скандинавские саги, славянские летописи и родословные тюркских народов.

Башкирские шежере всегда ценились, так как являлись ценным историческим и литературным памятником. Также они имели практическое значение. Рассказы о благородных поступках тех или иных представителей рода служили эталоном поведения для молодого поколения. Знание родословного дерева было необходимо при заключении брака, во избежание кровосмешения, для предотвращения брачных союзов с теми, которые принадлежат к родам (родовым подразделениям) с плохой репутацией. Башкирские пословицы гласят: Ат алһаң – ауылың менән, катын алһаң – ырыуың менән кәнәшләш. – Коня хочешь обрести – с аулом посоветуйся; жену хочешь обрести – со всем родом посоветуйся. Һыйыр алһаң, тояғына кара, катын алһаң, ырыуына кара. – Если берешь корову, смотри на копыта, если берешь жену, смотри на родословную.

Башкирский ученый Н.В. Бикбулатов отмечает, что «термины родства применяются в речевом обиходе для обращения одного лица к другому или для обозначения в разговоре какого-либо третьего лица. В этом близость родственных терминов с личными именами и

социальной титулатурой. Но в отличие от них термины родства выражают специфические отношения одного человека к другим, и относительно к конкретному лицу каждый раз применяются разные термины в зависимости от того, кто к нему обращается или называет его в беседе с другим. Поэтому в центре структуры родственных отношений, отраженных в терминологии родства, всегда находится одно условное лицо – «говорящий», «эго» – и любая система родства может быть рассмотрена лишь с точки зрения эго» [2, 24].

Башкиры большое внимание уделяли семье и браку. Для мужа было недостойным поведением оставить жену. Разводы происходили очень редко и никогда не считались нормой. Наоборот, мудрецы призывали супругов к добропорядочным нравственным отношениям: Татыу ғаилә – ил күрке – дружная семья – краса мира. Ирәндән айырылғансы күкрәгендәге йәнендән айырыл. – Прежде чем расстаться с мужем, расстанься с душой.

Очень ценились любовь к детям, уважение к старшим, а также особое отношение к женщине. Она считалась хранительницей дома, женщина заботилась о порядке, вела хозяйство, брала на себя ответственность за детей. Например: Ир бала атаһына таяу, кыз бала өй эсендә буяу. – Сын – опора для отца, дочка – краса дома. Бала итәктә һөйзәрә, итәктән төшһә – көйзәрә. – В родительском доме ребенок радуется, вне дома – печалится. У кого есть дочь – у того есть нежность. Кызы барзың назы бар. Кызлы йорт – нурлы йорт. – Дом в котором есть дочь – лучистый дом. Бала кәзерен эсә белер, ил кәзерен ир белер. – Цену ребенка знает мать, цену страны – мужчина знает. Бала күрмәгән – балдан ауыз итмәгән. – У кого нет детей, тот не вкусил сладость мёда. Кыз күнелендә – балалы бишек, ир күнелендә – эйәрле ат. – В душе у девушки – колыбель, в душе у парня – лошадь.

В Исламе одним из первых препятствий к совершению брака является близость кровного родства – себе, согласно которому не допускается брак с матерью и восходящей линией, с дочерью и нисходящей линией, с дочерью сына и с её нисходящей линией, с сёстрами и с их нисходящими линиями, с тётками по линии отца и матери, с дочерью братьев. По исследованиям Р.Г. Кузеева, запрет брачных связей у башкир касался в разное время различных организаций. Родовое подразделение (ара, аймак, насель и др.) являлось экзогамным объединением группы родственных семей, потомков общего, обычно не очень далекого, предка. Совокупность родственных родовых подразделений образует род, для большинства которых экзогамность не была свойственна, хотя предпочтительность браков с одним или несколькими чужими родами имела место. Исследователи считают, что башкирские племена и роды в большинстве случаев не были генетическими организациями, лишь родовое подразделение объединяло родственные семьи. Последних называют по-разному: подрод, ответвление рода, подразделение рода, родовое подразделение, семейно-родственная группа, патронимия. На юго-востоке и юге Башкирии для обозначения родовых подразделений применялся термин «ара», изредка – «уру» или «тюба». В недавнее время пережитком когда-то господствующей экзогамии являлся обычай, запрещающий брак в пределах нескольких поколений по отцовской линии. В XVII-XVIII вв. и даже в XIX в. «поколенная» экзогамия в Башкирии была распространена там, где полностью или в значительной степени потеряло экономическое значение родовое подразделение, то есть на севере и западе, а там, где они сохранились, вплоть до начала XX столетия господствовала экзогамия именно этих организаций.

У башкир существует специальная терминология для определения прямых потомков до седьмого колена, по которой можно установить разрыв родственных связей на восьмом поколении: ата – отец, эсә – мать; ул – сын, кыз – дочь; ейән – внук, ейәнсәр – внучка; бүлә – правнук, бүләсәр – правнучка; тыуар – праправнук, тыуасар – праправнучка; тыуа ят – прапраправнук, прапраправнучка; ете ят – прапрапраправнук, прапрапраправнучка. «Ете ят» употребляется в значении «седьмая вода на киселе». Материал, записанный в 1968 г. в Салаватском районе, по мнению Н. В. Бикбулатова, подтверждает существование в прошлом вышеупомянутых Р.Г. Кузеевым терминов: «Ике туғандан + бүлә, бүләнен бүләсәр, шунан тыуасар, анан тыуған + тыуа ят» (Рождённые от двух сестер – бүлә, от бүлә – бүләсәр, затем тыуасар, от неё (него) рождённый – тыуа ят). Он же далее приводит пояснение «тыуа ят»,

данное информатором: «Дүрт атаһы сығып бөткән, тыуа ят, никахлашырға мөмкин» (До четвертого колена отцы разные, [этот] совершенно чужой, можно венчаться). Сочетания тыуа ят и ете ят не относятся к терминам родства, а являются антонимами слова туған – «родственник» и переводятся на русский язык «совершенно чужой».

Родственные отношения у башкир по мужской и женской линиям поддерживались в одинаковой степени. В связи с патрилокальным поселением супруги с родственниками мужа общались чаще, родственники жены, естественно, приезжали только в гости. О том, как ценили башкиры, родственные отношения, говорят следующие пословицы: Картты кәзерләһән, картайғас кәзер күрерһән. – Будешь уважать старца, и сам в старости в почёте будешь. Ололарзы ололау – якшылыктың билдәһе – Уважать старших – признак хорошего воспитания. Бер олонокон тыңла, бер кесенекен тыңла. – И старшего слушай, и младшего слушай. Кояш янында – йылылык, эсә янында – изгелек. – Возле солнца – тепло, возле мамы – добро. Малайға тәрбиә биреп – ил тәрбиәләйһән, кызға тәрбиә биреп – милләт тәрбиәләйһән. – Воспитывая сына – воспитываешь страну, воспитывая дочь – воспитываешь нацию. Ағаһын күреп, кусты үсер, апаһын күреп, һенле үсер. – Братишка берёт пример с брата, сестрёнка берет пример с сестры.

Таким образом, термины родства занимают особое место в жизни человека, так как они являются наследием того или иного языка, данные термины являются важной группой в словарном запасе языка и определяют статус человека в семье и в сообществе.

1. Башкирско-русский словарь пословиц и поговорок. – Уфа: Китап, 1994. – 168 с.
2. Бикбулатов Н.М. Система родства в башкирском языке. – М.: Наука, 1981. – 124 с.
3. Ишбирзин Э.Ф. һ.б. Башкорт эзәби теленең тарихы. – Өфө: Китап, 1993. – 320 бит.
4. Крюков М.В. Система родства // Народы мира: Историко-этнографический справочник. – М., 1988. – С. 593-594.
5. Покровская Л.А. Термины родства в тюркских языках. – М.: Наука, 1961. – 96 с.
6. Тишин В.А. К древнетюркской системе родства // Сб. научн. статей молодых ученых Института востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2012. – С. 87-111.
7. Әхтәмов М.Х. Башкорт халык мәкәлдәре һәм әйтемдәре һүзлеге. – Өфө: Китап, 2008. – 236 бит.

Гареева Г.Н., Дик А.А.

**Художественное отражение величия подвига и трагедии
Великой Отечественной войны в башкирской литературе**

*Уфимский университет науки и технологий
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-118

Аннотация

В данной статье на примере поэмы-эссе «Аманат» Тайфура Сагитова, трагедии Ф. Галимова «Генерал Шаймуратов» подчеркивается, что авторами в художественном плане осмыслено не только величие Минигали Шаймуратова как талантливого полководца, но и его человеческие качества, сопереживание судьбам рядовых воинов.

Ключевые слова: башкирская литература, тема войны, Минигали Шаймуратов, героизм, патриотизм, Башкирская кавалерийская дивизия, Тайфур Сагитов, Флур Галимов.

Abstract

In this article, using the example of the poem-essay "Amanat" by Tayfur Sagitov, the tragedy of F. Galimov "General Shaimuratov", it is emphasized that the authors artistically comprehended not only the greatness of Minigali Shaimuratov as a talented commander, but also his human qualities, empathy for the fate of ordinary soldiers.

Keywords: Bashkir literature, the theme of war, Minigali Shaimuratov, heroism, patriotism, Bashkir cavalry division, Tayfur Sagitov, Flur Galimov.

В поэме-эссе «Аманат» Тайфура Сагитова Минигали Шаймуратов изображен как человек с доброй душой и глубокими чувствами. Автор рассказывает о любви Рабиги и Булата, которые сочетались браком перед началом войны в окрестностях Уфы. Их счастье оказалось мимолетным: свадьба состоялась в тот вечер, когда они воссоединились после долгого расставания. М. Шаймуратов не вмешивается в их радость, понимая, что для многих это может стать последним мгновением счастья перед лицом войны. Он сам принимает участие в праздновании, танцуя «по-молодежному задорно и легко» [3, с. 91], что подчеркивает его жизнерадостный характер и сострадание к молодоженам. Трагическая смерть Булата на поле боя и утрата его сына Тимербулата не сломили дух Рабиги, которая сохранила верность своей любви на протяжении всей жизни.

12 апреля 1942 года дивизия Шаймуратова вступает в бой после тщательной подготовки. Прощаясь с родиной, он говорит: «Я не говорю: прощайте. До свидания, товарищи!». Никто не знает, кто вернется с полей сражений, но все мечтают о победе и о возвращении домой. Шаймуратов разделяет эту надежду вместе со своими солдатами.

В разделе поэмы-эссе «Испытание» Т. Сагитов представляет фотографию Шаймуратова, упомянутую Константином Симоновым в его книге «Разные дни войны». «Вот он, Шаймуратов, в центре, высокий и молодой, всего двадцать семь лет, красивый, без усов и трубки, рядом улыбающиеся офицеры» [3, с. 180]. Это единственный снимок, на котором М. Шаймуратов улыбается, что отражает его неугасимый оптимизм и веру в победу.

В поэме «Аманат» Т. Сагитов не только подчеркивает талант военачальника, полководца Шаймуратова, но и показывает его человеческие качества: искренность, сострадание и преданность своим принципам. Из воспоминаний генерал-лейтенанта Григория Белова, Героя Советского Союза, мы узнаем о тактике Шаймуратова, которая внушала страх врагу. Он искусно использовал ночные атаки и тактику конных наступлений, что приводило к сокрушительным поражениям противника.

Роман Флюра Галимова «Генерал Шаймуратов» стал первым значительным художественным произведением в башкирской литературе, посвященным героическому пути Минигали Шаймуратова и подвигам солдат знаменитой 112-й Башкирской кавалерийской дивизии. Автор основывает свой труд на тщательных исследованиях и переосмыслении новых исторических фактов, что придает произведению особую ценность.

«Генерал Шаймуратов» был опубликован в журнале «Агидель» в 2021 году и вызвал огромный интерес у читателей. В различных уголках Башкортостана и за его пределами прошли читательские конференции, посвященные обсуждению романа. Люди с увлечением делятся своими впечатлениями о произведении Ф. Галимова.

Новый роман писателя выделяется среди традиционных военно-патриотических книг, которые были характерны для башкирской советской литературы XX века. Ф. Галимов предлагает реалистичное изображение войны, сочетая его с глубокими философскими размышлениями о событиях Великой Отечественной войны.

Впервые в башкирской литературе исследуется увлечение Гитлера и его окружения оккультизмом, подчеркивая, что за конфликтом стояли не только территориальные амбиции. Ф. Галимов представляет Вторую мировую войну как попытку осуществления злоумышленного плана, направленного против всего человечества и идей гуманизма, используя идеи античеловеческого учения ницшеанства как предшественника фашизма. Автор четко отвечает на вопрос о происхождении фашизма, предупреждая о том, что национализм может легко трансформироваться в нацизм, а тот, в свою очередь, в фашизм.

«Генерал Шаймуратов» – это не просто рассказ о герое, но и предупреждение о разрушительных последствиях фашистской идеологии и важности борьбы с ней в любых ее формах.

Роман Флюра Галимова погружает читателя в бурные события Великой Отечественной войны, искусно используя яркий художественный образ генерала Шаймуратова для передачи трагизма и величия этого исторического периода.

Сцена Сталинградской битвы изображена как настоящий ад, созданный фашистами, одержимыми злом и ненавистью к человечеству. Ф. Галимов рисует мрачную картину разрушений, подчеркивая безысходность и мужество людей, которые противостоят жестокости врага.

На фоне этого ужаса автор вводит образ Шамбалы – мистическогорая на земле с ослепительной столицей Калапой, напоминающей огромный белоснежный лотос. Этот символ олицетворяет соблазнительную оболочку, в которую зло может обернуться, чтобы манить доверчивых людей.

Особое внимание уделяется военному совету в штабе Башкирской кавалерийской дивизии, который напоминает Тайную вечерю. Генерал Шаймуратов, подобно Христу, угощает членов совета белым хлебом, обмакивая его в кроваво-красное вино, что символизирует жертвы и тяжесть предстоящих испытаний.

Главные герои романа – генерал М. Шаймуратов, командиры полков Т. Кусимов и Г. Нафиков, комиссар политотдела дивизии А. Абдуллин и комэск Б. Мамбеткулов – олицетворяют дух народного героизма. Все они вышли из простых условий, с раннего возраста познав трудности и лишения. Их жизненный путь служит ярким примером того, как развивать целеустремленность, патриотизм и стремление к знаниям.

В произведении четко прослеживается тема единства народа. В 112-й Башкирской кавалерийской дивизии бойцы различных национальностей сражались как братья по оружию, что подчеркивает незыблемость духа братства и солидарности.

Роман Флюра Галимова стал настоящей народной книгой. В нем запечатлены сотни реальных имен бойцов Башкирской кавдивизии. Потомки и родственники шаймуратовцев находят на страницах произведения имена своих героических предков и со слезами на глазах признаются, что стремятся быть похожими на них. Работа Ф. Галимова способствует сплочению людей разных поколений, напоминая о величии подвига и важности сохранения памяти о героях.

В современной прозе роман Ф. Галимова «Генерал Шаймуратов» отличается от традиционных победно-бравурных произведений о войне, характерных для башкирской советской литературы. Ф. Галимов предлагает реалистичное повествование, глубоко погружая читателя в историю Великой Отечественной войны, и рассказывая о ней с точки зрения философских категорий. Он не просто описывает события, но и исследует их глубинный смысл, позволяя читателю по-новому понять трагедию войны и величие подвига героя.

Таким образом, Минигали Шаймуратов – выдающийся легендарный герой Башкортостана, чье имя связано с героическими страницами истории и неоценимым вкладом в развитие национальной культуры и памяти. Образ героического генерала Шаймуратова вдохновил многих авторов, которые стремились запечатлеть его жизнь и подвиги в своих произведениях. Я. Хамматов и Т. Сагитов в своих творениях сосредоточились на создании художественного образа героя, вплетая в него легенды о бессмертной песне «Шаймуратов-генерал», его знаменитом рыжем коне, а также прозвище «дед», которое отражает уважение и любовь его родных и товарищей. Так, произведения о Шаймуратове не только повествуют о его боевых заслугах, но и раскрывают его как человека с высоким чувством долга, глубокой любовью к Родине и товарищам.

1. Галимов Ф. Генерал Шаймуратов // Агидель, 2021. - №8. 192 с.
2. Гареева, Г.Н. Вопросы мастерства в современной башкирской прозе. – Уфа: БГУ, 1996. – 128 с.
3. Гареева, Г.Н. Особенности развития башкирской прозы второй половины XX века. – Уфа: БашДУ, 2010. – 159 бит.
4. Киреева Л. Образ Шаймуратова в башкирской литературе / Л. Киреева //Ватандаш. - 2020. - № 7. – 173-179 с.
5. Насыров, А.Х. Подвиг генерала: Воспоминания командира эскадрона 112-й башкирской кавалерийской дивизии / А.Х. Насыров. - Уфа: Китап, 2006. - 216 с.
6. Сагитов, Т.Б. Произведения. В трех томах: 2 том / Т.Б. Сагитов. – Уфа: Издание полиграфкомбината комбината, 1998. – 752 с.

Гареева Г.Н., Дик А.А.
Художественный характер генерала М. Шаймуратова
в романе Я. Хамматова “Уходили на войну башкиры”

Уфимский университет науки и технологий
(Россия, Уфа)

doi: 10.18411/trnio-10-2024-119

Аннотация

В статье анализируются приемы раскрытия основных черт характера генерала Минигали Шаймуратова, командира 112-й башкирской кавалерийской дивизии, как центральной фигуры в романе Я.Хамматова “Уходили на войну башкиры”, вдохновляющей писателей на создание героических образов защитников Родины. Анализируется процесс отказа современных писателей от подробной биографической трактовки образа, отдача предпочтения на отражение многогранности характера литературного героя в контексте исторических и культурных реалий. В статье акцентируется внимание на важности изучения художественной и документально-биографической интерпретации образа генерала в башкирской литературе.

Ключевые слова: башкирская проза, Минигали Шаймуратов, концепция героя, Великая Отечественная война, национальный характер, художественная интерпретация, военная литература.

Abstract

The article analyzes the techniques of revealing the main character traits of General Minigali Shaimuratov, commander of the 112th Bashkir Cavalry Division, as a central figure in the novel by Y.Khammatov “Bashkirs went to war”, inspiring writers to create heroic images of defenders of the Motherland. The article analyzes the process of modern writers' refusal from a detailed biographical interpretation of the image, giving preference to reflecting the versatility of the character of the literary hero in the context of historical and cultural realities. The article focuses on the importance of studying the artistic and documentary-biographical interpretation of the image of the general in Bashkir literature.

Keywords: Bashkir prose, Minigali Shaimuratov, the concept of a hero, the Great Patriotic War, national character, artistic interpretation, military literature.

Образ генерала Минигали Шаймуратова, командира 112-й башкирской кавалерийской дивизии, прославленного героя Великой Отечественной войны, продолжает вдохновлять многие поколения башкирских прозаиков. В их произведениях мы видим не только героизацию командира наших доблестных воинов, но и стремление к созданию целостного характера – человека высоких духовных качеств, командирского духа, сложной судьбы.

Образ генерала Минигали Шаймуратова – яркий пример того, как героическая личность может вдохновлять творцов в создание национального характера. Однако на сегодняшний день наблюдается нехватка комплексного исследования образа генерала в контексте всей башкирской литературы. Несмотря на множество произведений, посвященных М. Шаймуратову, особое внимание привлекают новые творческие подходы современных писателей, стремящихся отойти от строго биографической трактовки и исследовать глубинный смысл характера в широком историко-культурном, военном, личностном контекстах. Такое творческое переосмысление подчеркивает актуальность исследования особенностей художественной и документально-биографической интерпретации образа Минигали Шаймуратова в башкирской прозе [1, с. 55].

В 1988 году Яныбай Хамматов написал роман «Уходили башкиры на войну», посвященный генерал-майору Минигали Шаймуратову, командующему 112-й Башкирской кавалерийской дивизией. Это произведение не только восхваляет военные достижения героя во

время Великой Отечественной войны, но и погружает читателя в суровые реалии жизни на фронте и в тылу, подчеркивая судьбы простых людей в трудные времена.

Автор уделяет особое внимание характеру М. Шаймуратова, изображая его как доблестного представителя башкирского народа и отзывчивого человека. Роман начинается с его возвращения из заграничной командировки и подготовки к сражениям Великой Отечественной войны. Сюжет развивается через описания военных действий и повседневной жизни в тылу, показывая стойкость и самопожертвование тех, кто остался дома.

Я. Хамматов мастерски передает искренние чувства Шаймуратова к родным и соотечественникам, его умение сопереживать. Особенно ярким становится момент, когда он, увидев страдания в своем родном селе Биштек, испытывает глубокую печаль и гнев. Эти эмоции автор иллюстрирует метафорой сломленной сабли: «Узнав о том, что в деревне не осталось здоровых мужчин, что каждое зерно хлеба, добытое с трудом, отдается властям, а дети едят лишь остатки картофеля, полковнику Шаймуратову стало тяжело от беспомощности, он словно хотел сломать свою боевую саблю» [4, с. 31]. Безрукий ветеран, потерявший руку на войне, становится символом несправедливости и тягот жизни в тылу, отражая глубокую эмпатию Шаймуратова к страданиям своих земляков.

В начале романа Минигали Шаймуратов предстает как опытный командир, обладающий глубоким пониманием военной стратегии. Его главной целью является формирование в солдатах уверенности и мужества, чтобы они могли стойко противостоять трудностям. Несмотря на его усилия по подготовке бойцов, Шаймуратов с тревогой замечает недостаток дисциплины и неподготовленность многих к суровым условиям войны. Его призывы к более серьезной подготовке сталкиваются с непониманием со стороны менее опытных командиров, которые полагаются на инстинкты и не осознают важности строгой дисциплины. «Ребята допускают ошибки... Нельзя просто желать встречи с врагом, проявляя ненависть и смелость! Война идет в крайне сложных условиях. Это не только крик «Ура» и атака на противника. Не жалейте сил на обучение людей преодолевать трудности. Чем больше пота на тренировках, тем меньше крови на поле боя. Кроме того, впереди должны идти коммунисты как в учениях, так и в бою» [4, с. 27] – подчеркивает он. В дальнейшем практика войны подтверждает его правоту.

Еще одной важной чертой Шаймуратова является его способность правильно оценивать людей и формировать эффективную команду. При создании 112-й Башкирской кавалерийской дивизии в Уфе он тщательно отбирает кадры, и его выбор оказывается удачным. Назначенные им офицеры становятся настоящими патриотами, преданными своей стране и готовыми к самопожертвованию. Например, лейтенант Хусаинов, назначенный помощником штаба дивизии, полностью оправдывает доверие Шаймуратова, внося порядок и дисциплину в ряды солдат.

Роман Хамматова не только описывает военные подвиги Шаймуратова, но и раскрывает его глубокое понимание человеческой природы, а также способность развивать в людях такие качества, как мужество, отвага и преданность Родине.

Роман «Уходили башкиры на войну» не только подчеркивает героизм Минигали Шаймуратова, но и раскрывает его человечность и сострадание, акцентируя важность патриотизма и единства народа в трудные времена.

Минигали Шаймуратов испытывал душевные муки из-за состояния своей сестры Камилы, страдавшей от постоянных болей в пояснице. Она жила одна, а соседи с трудом справлялись с уходом за ней. Пока он сражался за Родину на фронте, его сестра оставалась без должной медицинской помощи. Нехватка лекарств и квалифицированных врачей в их небольшой деревне заставила его задуматься о ее госпитализации в Уфу после возвращения с войны. Это подчеркивает его глубокую человечность и преданность семье.

Кроме того, человечность характера генерала М. Шаймуратова подчеркивает лирически окрашенная сюжетная линия романа. Первая любовь к Хадисе продолжала гореть в его сердце, символизируя юношескую чистоту и неугасимый энтузиазм. Их чувства отражали сложные исторические реалии того времени, когда страна переживала революционные изменения. Молодежь активно вступала в ряды коммунистической партии, принимая новые идеи, тогда как

старшее поколение оставалось консервативным. Мать Хадисы не могла смириться с выбором дочери и отказалась благословить их союз. Понимая, что без материнского одобрения их счастье невозможно, Хадиса решила отказаться от любви к Шаймуратову.

Годы шли, но генерал Шаймуратов так и не смог забыть Хадису. «Сравнив лес вокруг Биштека с местными пейзажами, он вновь вспомнил свою первую любовь - Хадису, которая оставила в его душе неизгладимую боль...» [4, с. 107]. Эти строки подчеркивают глубину его чувств и невозможность забыть то, что было искренним и дорогим для него.

В произведении Минигали Шаймуратов изображается как прогрессивный командир, прекрасно осознающий суровые реалии Великой Отечественной войны. Он возглавляет 112-ю Башкирскую кавалерийскую дивизию, которая вступает в сражение с мощной немецкой армией, обладающей современными танками и пулеметами, в то время как его солдаты вооружены лишь саблями и ездят на лошадях. Несмотря на неравенство сил и постоянные бомбардировки, дивизия проявляет стойкость и не собирается отступить.

М. Шаймуратов понимает опасности, с которыми сталкивается его подразделение, и стремится минимизировать бессмысленные потери, запрашивая дополнительную поддержку или отказываясь от невыгодных атак. Однако давление со стороны вышестоящего командования часто оказывается подавляющим, и его просьбы не всегда удовлетворяются. Он осознает абсурдность ситуации, когда его отважная дивизия, состоящая из смелых башкирских джигитов, вынуждена сражаться с устаревшим вооружением против сильного врага. С опытом сражений М. Шаймуратов приходит к выводу, что война – это не только проявление героизма, но и трезвая оценка своих сил, ресурсов и тактических возможностей.

Таким образом, роман Я. Хамматова раскрывает не только военные достижения Шаймуратова, но и его глубокое понимание реалий войны, стремление защитить своих солдат и осознание несправедливости ситуации, в которой оказалась его дивизия.

1. Гареева, Г.Н. Вопросы мастерства в современной башкирской прозе. – Уфа: БГУ, 1996. – 128 с.
2. Гареева, Г.Н. Особенности развития башкирской прозы второй половины XX века. – Уфа: БашДУ, 2010. – 159 бит.
3. Киреева Л. Образ Шаймуратова в башкирской литературе / Л. Киреева //Ватандаш. - 2020. - № 7. – 173-179 с.
4. Насыров, А. Х. Подвиг генерала: Воспоминания командира эскадрона 112-й башкирской кавалерийской дивизии / А.Х. Насыров. - Уфа: Китап, 2006. - 216 с.
5. Хамматов Я. Уходили на войну башкиры: Роман. – Уфа: Китап, 1990. – 300 с.

Майер В.С.

**Пейоративные маркеры современности
в актуальных культурных конфликтах (на материале немецкого языка)**

*Волгоградский государственный университет
(Россия, Волгоград)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-120

Аннотация

В статье выявлены и описаны лингвистические маркеры современности с учетом актуальных прагматических коннотаций. Проведен анализ и систематизация текстов, в которых содержатся пейоративные лексические единицы из словников немецкоязычных акций «Слово года». Выявлена необходимость активного исследования данных лексических единиц в их динамическом употреблении.

Ключевые слова: маркер современности, пейоратив, неологизм, «Слово года», лингвистический рейтинг, коннотация.

Abstract

The article identifies and describes the linguistic markers of modernity, taking into account the current pragmatic connotations. It analyzes and systematizes texts containing pejorative lexical units

from the German-language dictionaries of the "Word of the Year". The necessity of actively researching these lexical units in their dynamic use is revealed.

Keywords: marker of modernity, pejorative, neologism, "Word of the year", linguistic rating, connotation.

Современное общество неустанно эволюционирует, и это отражается в языке, который претерпевает изменения в ответ на различные события и турбулентности в мире. Неологизмы и лексические новшества ежедневно появляются в языке для описания современной реальности, при этом выполняя функцию инструментария, направленного на формирования этих лексических единиц.

Индивид способен называть новые ситуации, явления и реалии. Данный навык напрямую связан с общественно-политическими, экономическими и культурными изменениями, происходящими как на местном, так и на мировом уровне. В результате, язык становится средством выражения живой и быстро меняющейся современности.

Языковые маркеры современности играют важную роль в связи языка с внешней реальностью, окружающей говорящего. Они не только отражают новые общественные явления, но и обогащают лексикон языка через заимствование, стимулируемое глобализацией и кросс-культурными взаимодействиями. Под *языковыми маркерами современности* мы понимаем, слова-победители акций «Слово года», составляемых в различных уголках мира.

Данные подборки стремятся выявить ключевые и важнейшие слова и фразы года, отражающие национальные особенности, в итоге формируют своеобразный «словарь года». Значимость этих слов выходит за рамки простого употребления, так как они отражают социально-политические тенденции и особенно часто запечатлевают *культурные конфликты* современности.

Систематизация и анализ текстов (более 150), в которых содержатся лексические единицы из словников немецкоязычных акций «Слово года», позволили составить следующую классификацию-рейтинг видов коннотаций в отношении изучаемых феноменов:

1. нейтральная коннотация:
 - а) полностью нейтральная (языковые средства не несут никакой эмоциональной окраски, отмечается только констатация факта);
 - б) структурные элементы (хэштеги: идейные и тематические маркеры);
2. отрицательная коннотация (отношение автора текста к феномену, обозначаемому исследуемым словом из акции «Слово года», сугубо негативное;
3. скрытая коннотация (требует определенных фоновых знаний для адекватного понимания);
4. положительная коннотация (отношение автора текста к феномену сугубо положительное).

Полученное процентное соотношение по категориям: нейтральная коннотация – 44%, отрицательная коннотация - 31%, скрытая коннотация – 19 % и положительная коннотация – 6 %.

Особый интерес представляют *пейоративные маркеры современности*. Экстралингвистическая предпосылка неравномерного употребления пейоративов и мелиоративов заключается в том, что человек зачастую воспринимает положительные моменты как должное, не стоящее упоминания, тем самым сдвигая акцент на критические моменты и точки.

Пейоративные маркеры современности находят свое отражение в актуальных культурных конфликтах. Так, например, появление глагола-эпонима *darthvadern* связано с именем главного антагониста из культовой киноэпопеи «Звездные войны» Дарта Вейдера и его знаменитой фразой: «Я твой отец». Данная лексическая единица описывает «конфликт отцов и детей». Глагол *darthvadern* вошел в список молодежных слов 2016 года и используется для описания отца, который докучает детям своими наставлениями и поучениями.

Культурный конфликт, основанный на нарушении сетевого этикета иллюстрирует лексическая единица *zuckerbergen*, входящая в шорт-лист рейтинга «Молодежное слово года в Германии» в 2018 году. Данный пейоративный глагол-эпоним имеет происхождение от фамилии популярного американского программиста и предпринимателя Марка Цукерберга. Неологизм используется для описания действий человека или пользователя в сети интернет, активно следящего за другими. Появление данного неологизма связано с международным скандалом, который возник из-за того, что крупная социальная сеть, которой владеет Марк Цукерберг, занималась сбором и обработкой личных пользовательских данных, нарушая их право на конфиденциальность. Негативная коннотация заметна и в импозиции (наложении части фамилии) и флексии *-n*, употребляющейся в качестве деривационного форманта.

Пейоратив *Rollerchaos* (хаос из-за самокатов) занял второе место в общем рейтинге слов 2019 года в Германии и характеризует инновационный культурный конфликт, когда одна часть общества улавливает передовые идеи современности, а другая отстаивает устоявшиеся взгляды.

В середине июня 2019 года владельцы электросамокатов в ФРГ получили официальное разрешение на передвижение по улицам немецких городов на данном транспортном средстве, что привело к раздражению остальных участников дорожного движения. В случае отсутствия велодорожек разрешалось ездить на самокате по проезжей части, что привело к многочисленным конфликтам на дороге, так как для управления электросамокатом не требовалось водительское удостоверение, а ношение шлема не являлось обязательным.

Подводя итоги, необходимо отметить, что исследование актуального состояния лексики немецкого языка через рейтинги и акции «Слово года» интересно благодаря актуальным неологизмам, отражающим современные культурные конфликты. Каждый год в словники лингвистических рейтингов попадают емкие наименования, которые сопровождаются негативной оценкой.

Пейоративные единицы образуются не только путем вторичной номинации, но и другими способами. При их анализе проявляется взаимодействие категории пейоративности, экспрессивности и эмотивности.

Лексические новшества, включенные в социолингвистические проекты, позволяют сделать следующие выводы:

1. в итоговый рейтинг проекта каждый год попадают слова с выраженным эмоциональным оттенком;
2. создатели проекта имеют субъективные предпочтения при выборе слов;
3. отмечается расширение значений и смыслов.

Изучение слов в динамике их употребления и включение в будущие рейтинги - ключ к пониманию лексических особенностей их формирования. Отметим, что статус маркеров современности может сохраниться не у всех лексем, поэтому важно учитывать возможности словообразования при анализе данной лексики.

1. Комарова, Л.И. Общие фоновые знания автора и читателя как условие понимание текста / Л.И. Комарова // Вестник ТГУ. – 2010. – №2. – С. 181-187.
2. Купенченко, В.Н. К вопросу о пейоративах и механизмах их образования в немецком языке / В.Н. Купенченко // Вестник Московского университета. Сер.9, Филология: науч. журн. М.: Издательство Московского университета. – 2013. – №2. – С. 158-166.
3. Майер, В.С. Оценочная номинация языковых маркеров современности (на материале немецкого языка) / В. С. Майер // Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – №4. – С. 164-173.
4. Харламова Т.В. Ключевые слова текущего момента. Сильное государство, сильная власть на рубеже веков / Т. В. Харламова // Проблемы речевой коммуникации. – Вып. 8. – 2008. – С. 138-144.
5. Щурина Ю.В. Интернет-мемы: проблема типологии // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2014. – № 6 (59). – С. 85-89.

Мусалитина Е.А.

К проблеме перевода реалий русской традиционной культуры на китайский язык

Комсомольский-на-Амуре государственный университет
(Россия, Комсомольск-на-Амуре)

doi: 10.18411/trnio-10-2024-121

Аннотация

Статья посвящена проблеме перевода реалий русской традиционной культуры тематического блока «одежда» на китайский язык. В ходе исследования установлены трудности, связанные с переводом культурных реалий, выявлены наиболее эффективные способы достижения адекватного перевода.

Ключевые слова: культурные реалии, перевод, китайский язык, русская традиционная одежда.

Abstract

The article is devoted to the problem of translating realities of Russian traditional culture of the thematic block "clothes" into Chinese. In the course of study difficulties of translation of cultural realities were established, the most effective ways of achieving appropriate translation were identified.

Keywords: cultural realities, translation, the Chinese language, traditional Russian clothing.

В настоящее время в условиях развития многополярных отношений с Китаем особую актуальность приобретает вопрос взаимопроникновения китайской и русской культуры, формирования уважительного отношения к национальным традициям государства-партнера. Несомненно, достижение этих целей невозможно без глубокого понимания особенностей национальной культуры.

Особую трудность в познании русской культуры для китайцев представляют реалии, то есть понятия, обозначающие уникальные феномены определенной национальной культуры и отсутствующие в какой-либо другой культуре. Одним из основных инструментов трансляции информации о культурных реалиях является перевод. При этом перед переводчиком стоит серьезная задача не только передать значение понятия, но и отразить его национально-этническую специфику [2].

Целью данного исследования является анализ способов перевода на китайский язык реалий русской национальной культуры, связанных с обозначением традиционной одежды. Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач: рассмотреть понятие «культурная реалия»; установить культурные различия в процессе перевода реалий; разработать способы адаптации культурных понятий к целевой культуре при отсутствии эквивалентов.

Методом сплошной выборки были отобраны тексты экспозиций Музея русской культуры (г. Москва), описывающие произведения народного традиционного русского искусства, национальные костюмы и аксессуары [4]. Музейные экспозиции являются важным источником информации о русском костюме. Этот материал представляет реалии русской традиционной культуры, поскольку не имеет эквивалентов в культуре Китая.

Обращаясь к понятию «культурная реалия» необходимо отметить, что в лингвистике и культурологии существует значительное количество его определений [1]. В рамках настоящего исследования под этим понятием понимается лексика, имеющая культурно-обусловленное значение, которая отражает особенности образа мышления, традиционного уклада жизни, национального менталитета и является социально, культурно и исторически обусловленным феноменом [5, 153]. Культурные реалии обладают рядом характеристик, отличающих их от других понятий. Во-первых, это отсутствие в языке перевода эквивалентов. Во-вторых, культурные реалии обозначают понятия, связанные с национальной культурой этноса. В-третьих, они описывают уникальные черты традиций и обычаев народа [6].

В рамках данной работы анализируется перевод на китайский язык тех названий одежды и аксессуаров, которые носят национально-культурный компонент, и являются культурно обусловленными. Всего было рассмотрено 55 лексических единиц. Примеры перевода представлены в таблице 1.

Таблица 1

Перевод реалий тематической группы «традиционная русская одежда».

Реалия	Перевод на китайский язык
Валенки	毡靴 (zhānxiē) – валенки. 毡 (zhān) – войлочный. 靴 (xiē) – сапоги.
Ланги	树皮鞋 (shùpíxié) – ланги. 树皮 (shùpí) – древесная кора. 鞋 (xié) – обувь.
Портянки	脚布 (jiǎobù) – портянка. 脚 (jiǎo) – нога. 布 (bù) – суц, ткань, материал; гл. покрывать, наносить.
Телогрейка	棉袄 (mián'ǎo) – ватная куртка, телогрейка. 棉 (mián) – хлопок, вата. 袄 (ǎo) – зимняя куртка.
Ушанка	护耳冬帽 (hù'ěrdōngmào) – ушанка.
Шаровары	灯笼裤 (dēnglongkù) – шаровары, никербокеры. 灯笼 (dēnglong) – тканевый или бумажный фонарь.
Перевод данных реалий выполнен описательным способом. Семантическое содержание понятия ИЯ передано путем относительно развернутого описания средствами ПЯ.	
Передник	围裙 (wéiqún) – передник. 围 (wéi) – охватывать, обматывать. 裙 (qún) – юбка.
Фартук	围身裙 (wéishēnqún) – фартук. 围 (wéi) – охватывать, обматывать. 身 (shēn) – тело, торс, корпус. 裙 (qún) – юбка.
Перевод данных реалий выполнен способом подбора функционального аналога. Семантическое содержание понятия ИЯ передано понятием ПЯ, вызывающим у реципиента через схожую, но не строго идентичную ассоциацию.	
Сарафан	萨拉范 (sàlāfān) – сарафан.
Перевод реалии «сарафан» выполнен способом транскрибирования. Семантическое содержание понятия ИЯ не передается, сохраняется исключительно фонетическая форма.	

По итогам анализа лексических единиц установлено, что при переводе культурных реалий тематической группы «традиционная одежда» основными способами перевода являются: описательный, функциональный аналог, транскрибирование. Большинство реалий переведено описательным способом, что обусловлено семантической спецификой лексики данной группы. Так, для передачи основных характеристик предмета одежды вполне достаточно указать материал и то, каким элементом одежды является переводимая реалия. Несмотря на полную утрату культурно-специфических аспектов реалии, данный подход позволяет лаконично передать важную информацию реципиенту. Особый интерес представляет перевод реалии «шаровары» – 灯笼裤 (dēnglongkù) – в котором просторность этого предмета одежды образно выражена понятным каждому китайскому реципиенту понятием «灯笼 (dēnglong)», используемым в Китае для обозначения тканевых или бумажных фонарей, имеющих свойство парить в воздухе во время горения.

Анализ вариантов перевода реалии «ушанка» показал, что помимо приведенного в работе варианта описательного перевода также широко используются понятия «雷锋帽子 (léifēng màozi)», «俄罗斯帽 (éluósī mào)» и «苏联帽 (sūlián mào)». Два последних понятия переводятся как «русская шапка» и «советская шапка» соответственно, что представляет

отдельный интерес в контексте межкультурного взаимодействия России и Китая. Однако первый вариант особенно самобытен: термин «雷锋帽子 (léifēng màozi)» переводится как «шапка Лэй Фэн». В китайской культуре Лэй Фэн известен как сирота, воспитанный Народно-освободительной армией Китая, «безымянный герой», являющий собой образец безупречного альтруизма и верности коммунистическим идеалам, пример для воспитания молодёжи. Одним из неотъемлемых компонентов его образа стала шапка-ушанка, являющаяся частью стандартного обмундирования бойцов НОАК. На многих фотографиях Лэй Фэн носит именно этот головной убор и, таким образом, термин «雷锋帽子 (léifēng màozi)» имеет значительную связь с историей и культурой КНР [3]. Однако при переводе необходимо сохранять стилистическую окраску исходной лексики. Выбранный для перевода реалии «ушанка» вариант имеет нейтральный окрас, в то время как термин «шапка Лэй Фэня» семантически связан с агитационной кампанией патриотического воспитания КНР. Таким образом, описательный способ перевода позволяет сохранить лингвистические особенности исходного текста.

Переведенные способом подбора функционального аналога реалии «фартук» и «передник» обозначают схожие предметы одежды, что отражается на выборе способа их перевода. Понятие ПЯ «围裙 (wéiqún)» является функциональным аналогом обеих реалий. С целью дифференциации реалий при переводе было принято решение дополнить понятие ПЯ иероглифом «身 (shēn)», означающим «тело, корпус», что позволяет разграничить два понятия по признаку покрываемой предметом одежды площади.

Переведенная транскрипированием бытовая реалия «сарафан» имеет значительную культурную специфику, а признаки, отделяющие ее от других видов (отсутствие рукавов, особый крой) делают описательный способ чрезмерно громоздким. Таким образом, сохранение исходного звучания является наиболее эффективным способом перевода данной реалии.

Проведенное исследование позволяет установить, что перевод реалий русской традиционной культуры представляет собой сложную задачу, требующую от переводчика глубоких экстралингвистических знаний в культуре как исходного, так и целевого языков. Эффективность выбранной стратегии перевода зависит от ряда факторов, таких как наличие эквивалентов в целевом языке, культурная близость исходного и целевого языков и коммуникативная цель перевода.

Анализ конкретных примеров перевода реалий тематической группы «традиционная одежда» показал, что используются различные стратегии перевода, в зависимости от специфики реалии и контекста. Наиболее эффективными стратегиями перевода на китайский являются описательный перевод, функциональный аналог, транскрипция.

Данные выводы имеют практическую значимость для переводчиков с целью повышения адекватности перевода культурно обусловленной лексики, не имеющей аналогов в языке перевода.

1. Гао, С., Шушарина Г. А. Языковая политика китайской народной Республики // Молодежь и наука: актуальные проблемы фундаментальных и прикладных исследований : Материалы VII Всероссийской национальной научной конференции молодых учёных, Комсомольск-на-Амуре, 08–12 апреля 2024 года. – Комсомольск-на-Амуре: Комсомольский-на-Амуре государственный университет, 2024. С. 209-211.
2. Гридасова, А. И. Перевод реалий. Теоретические и практические аспекты перевода реалий // Язык и культура в современном мире : Сборник материалов Всероссийской научно-практической студенческой конференции с международным участием, Челябинск, 27–29 апреля 2023 года. – Челябинск: ЗАО «Библиотека А. Миллера», 2023. С. 586-589.
3. Кузнецов, Д. В. "Хороший солдат Председателя Мао" Лэй Фэн // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 5. С. 85-99.
4. Сайт музея Русской культуры // URL: <https://www.частнымузеи.рф/o-proekte/geografiya/moskva/muzej-russkoj-kultury/> (дата обращения: 15.09.2024).
5. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация // 3-е изд. – М. : изд-во МГУ, 2008. 352 с.
6. Юй, Ц., Шушарина Г. А. Способы перевода реалий на иностранный язык // Молодежь и наука: актуальные проблемы фундаментальных и прикладных исследований : Материалы VI Всероссийской национальной научной конференции молодых учёных. В 3-х частях, Комсомольск-на-Амуре, 10–14 апреля 2023 года. Том Часть 3. – Комсомольск-на-Амуре: Комсомольский-на-Амуре государственный университет, 2023. С. 251-253

Саньярова Р.Р., Исмагилова М.У.

Лексические средства выражения вежливости в башкирском языке

Уфимский университет науки и технологий
(Россия, Уфа)

doi: 10.18411/trnio-10-2024-122

Аннотация

Речевой этикет башкирского языка обладает своей национальной спецификой. В нем находят отражение богатый опыт, основанный на многовековых традициях, неповторимость и уникальность обычаев, образа жизни и быта башкирского народа. Поэтому его изучение является одним из интересных и насущных вопросов башкирского языка и культуры речи. В данной статье рассматриваются лексические средства выражения вежливости в башкирском языке.

Ключевые слова: речевой этикет, вежливость, приветствие, благодарность.

Abstract

The speech etiquette of the Bashkir language has its own national specifics. It reflects the rich experience based on centuries-old traditions, the uniqueness and uniqueness of the customs, lifestyle and way of life of the Bashkir people. Therefore, its study is one of the interesting and pressing issues of the Bashkir language and speech culture. This article examines the lexical means of expressing politeness in the Bashkir language.

Keywords: speech etiquette, politeness, greeting, gratitude.

Как невозможна человеческая жизнедеятельность без общения и взаимодействия, так же невозможно общение без вежливости. Потребность в вежливых отношениях возникает из условий совместной жизни людей и исходит из тысячелетней истории человечества. Каждый период жизни общества имел соответствующий ему свод правил и норм поведения, который совершенствовался в процессе развития. Вежливость всегда оставалась и остаётся обязательным и неотъемлемым условием человеческого гармоничного общения.

Вежливость – важный элемент процесса воспитания и адаптации личности, в результате которого каждый должен усвоить принятые в данном обществе не только нормы вежливого поведения, но и его языковые особенности. Речевая вежливость неотделима от вежливого поведения, которое предполагает социально приемлемые манеры поведения, соответствующие определённой речевой ситуации.

Речевой этикет является неотъемлемым элементом категории вежливости, поэтому имеет с ней тесную неразрывную связь. Реализация этикетного общения происходит через систему языковых средств, имеющих статус вежливых, посредством которых собеседники демонстрируют друг другу взаимное уважение.

По мнению Н.И. Формановской, «язык – это инструмент, с помощью которого человек может описать практически всё: окружающую действительность, воображаемые объекты, чувства, эмоции, в т.ч. и вежливость» [5, 89]. Вежливость характеризуется, в частности, знанием этикета. О.Я. Гойхман отмечает, что «речевой этикет – это система устойчивых формул общения, которые вербально обслуживают культуру поведения» [2, 240].

Различают несколько взаимосвязанных между собой языковых уровней: стилистический, лексический, грамматический, каждый из которых характеризуется наличием определённых видов языковых средств – маркеров вежливости. Лексический уровень вежливости современного башкирского языка представлен огромным количеством устойчивых выражений и фраз, которые используются для реализации ситуаций привлечения внимания, обращения, приветствия, знакомства, прощания, извинения, благодарности, пожелания, поздравления, просьбы и т.д.

Приветствие – обычно, первое речевое действие, с которого начинается любая коммуникация. Это проявление доброжелательности и уважения к знакомым и незнакомым людям при встрече. Практически любое общение начинается с приветствия. В башкирском языке это: һаумыһығыз! (Здравствуйте!), Хәйерле иртә! (Доброе утро!), Хәйерле көн! (Добрый день!), Хәйерле кис! (Добрый вечер!). К стилистически повышенным приветствиям относятся приветствия һеззе сәләмләргә рөхсәт итегез! (Разрешите Вас поприветствовать!), Кайнар сәләмдәрәмде еткерәм! (Горячо приветствую Вас!). Также используются приветствия һаумы (здравствуй), сәләм! (привет), кайнар сәләм! (горячий привет!), нихәл? (как дела?) и т.д. Примеры: Салауат калаһы һакимиәте башлығы исеменән һеззе Салауат ерендә сәләмләргә рөхсәт итегез! – Разрешите Вас поприветствовать на земле Салавата от имени главы администрации города Салават! Белем биргән укытыусыларыма, көтөп торған туғандарыма, яқындарыма зур рәхмәтемде, кайнар сәләмдәрәмде еткерәм! – Выражаю благодарность и горячо приветствую своих учителей, родственников и родных!

Знакомство – речевая ситуация сближения собеседников для дальнейшего общения. Знакомство может происходить без посредника и с посредником, поэтому речевые формулы имеют свои особенности. Например, знакомство без посредника предполагает следующие выражения: Әйзәгез, танышайык! (Давайте познакомимся!), Таныш булайык! (Будем знакомы!), Минең исемем ... (Меня зовут...), һеззең исеменгез нисек? (Как Вас зовут?). При знакомстве через посредника речевой акт происходит поочередно между тремя собеседниками и реализуется в следующих фразах: Таныштырырға рөхсәт итегез! (Разрешите Вас познакомить!), Таныш булығыз! (Познакомьтесь, пожалуйста!). Пример:

- Таныш булайык, мин – Айрат, 1-се курс студенты. (Будем знакомы, я – Айрат, студент 1-го курса)
- Ә мин – Марат, 2-се курста укып йөрөйөм. (А я – Марат, учучь на 2-м курсе)
- Һин кайһы яктан? (Ты откуда?)
- Мин Бөрйән районының Иске Собханғол ауылынан. Ә һин? (Я из деревни Старосубхангулово Бурзянского района. А ты?)
- Мин Өфө калаһыныкы. (Я из Уфы)
- Һинең менән танышыуыма шатмын! (Я очень рад знакомству!)
- Мин дә! Осрашканға тиклем! (Я тоже! До встречи!)
- Һау бул! (До свидания!)

Прощание – ситуация завершающая общение, предполагающая обмен приветствиями перед расставанием. Наиболее употребительными и стилистически нейтральными считаются фразы Һау булығыз! Һау бул (До свидания!), Осрашканға тиклем! (До встречи!), Тиззән осрашканға тиклем! (До скорой встречи!). Часто фразы прощания сопровождаются различными пожеланиями: Иңән-һау булығыз! Имен-һау булығыз! Ауырымағыз! (Будьте здоровы!), Иңән-һау кайтып етегез! Аҡ юл һезгә! Имен-аман йөрөгөз! (Счастливого пути!).

Поздравление – это приветственные слова по случаю приятного радостного события в жизни (юбилея, праздника, свадьбы и пр.): котлайым (поздравляю), котларға рөхсәт итегез (разрешите Вас поздравить), ысын күңелдән котлайым (поздравляю от всей души), бәтә йөрәктән котлайым (поздравляю от всего сердца), котлаузарыбыззы кабул итегез (примите наши поздравления). Поздравления практически всегда сопровождаются пожеланиями адресату успехов, здоровья, счастья и т.д.: һаулык теләйбез (желаем здоровья), бәхетле булығыз (будьте счастливы), зур уңыштар теләйбез (желаем успехов), ... теләргә рөхсәт итегез (разрешите пожелать ...) и т.д. Например: Хөрмәтле Фәйрүзә Фәйрүз кызы! Һезгә ныклы һаулык, ғаилә именлеге, яңынан-яңы ижади бейеклектәр теләйбез! Шатлык-кыуаныстарза яқын туғандарығыз, балаларығыз, ейән-ейәнсәрзәрегез, һөйгән йәрегез менән озон-озак йылдар ғүмер итергә язһын! Бәтә әйтелгән теләктәр кабул булһын. – Уважаемая Файруза Файрузовна!

Желаем Вам здоровья, семейного благополучия, творческих успехов! Живите в радости многие лета со своими родственниками, детьми, внуками, мужем! Пусть все наши пожелания сбудутся.

Ответный отклик – это благодарность за поздравление или ответное поздравление: рэхмэт! зур рэхмэт! котлауың өсөн рэхмэт! (спасибо! Большое спасибо! Спасибо за поздравление!).

Благодарность – это чувство признательности и уважения за какое-либо действие, проявление внимания, за поздравление и пожелание. Отсутствие выражения благодарности осуждается обществом и воспринимается как невежливость, невоспитанность, неуважение или оскорбление. Наиболее употребительна нейтральная форма благодарности: рэхмэт белдерэм! рэхмэт эйтәм! рэхмэтлемен! (выражаю благодарность), рэхмэт белдерергә рөхсәт итегез! (разрешите выразить благодарность). Примеры: Безгә ярзамға ашығып килгән ирекмәндәр, янғын һүндерәүселәргә – һәр береһенә оло рэхмәтемде белдерәм. – Выражаю огромную благодарность всем – пришедшим к нам на помощь добровольцам и пожарникам. Ошо изге байрамға йыйылған ағинәйзәргә, апайзарға, йәш кыззарға рэхмәт белдерергә рөхсәт итегез. – Разрешите выразить благодарность бабушкам, сёстрам, девушкам. Бәтә әсәйзәр алдында ла баш әйеп, рэхмәт эйтәм! – Преклоняюсь перед матерями и выражаю им благодарность!

Извинение (прощение) – выражение сочувствия за причинённые неудобства, ошибку или несерьёзный проступок: ғәфү итегез (извините, простите), ғәфү итеүегеззе һорайым, ғәфү итегезсе, ғәфү һорайым (прошу прощения), һезҙең алда ғәйеплемен (виноват перед Вами), бик йәл (очень жаль). Примеры: Аңлауығыззы һәм ғәфү итеүегеззе һорайым! – Прошу понять и простить! Ураза ғәйете алдынан Ғәфү һорайым! Ғәфү һорайым бөгөн барығыззан! – Перед праздником Ураза прошу прощения! Прошу прощения сегодня у всех! Әммә һезҙең алда ғәйеплемен, сөнки сәләмдәрегеззе ваҡытында еткерә алманым (Н. Сафаргулова). – Но я перед вами виновата, ваши слова не смогла передать вовремя.

Просьба – это речевой акт, предполагающий обращение одного лица к другому с призывом выполнения какого-либо действия или желания. Просьба всегда несёт угрозу адресату, т.к. ограничивает ему свободу действий. Поэтому просящий должен быть особенно вежлив для того, чтобы его цель была достигнута: кыйын булмаһа, һезгә кыйынлыҡ тыузырмаһа (если Вам не трудно, если Вас не затруднит), мөмкин булһа (если это возможно), үтенес менән мөрәжәғәт итәм (обращаюсь к Вам с просьбой), үтенесемде кире какмаһағыз ине (не откажите в просьбе) и т.д. В речевых формулах просьбы всегда используется слово «пожалуйста»: зинһар, ярзам итегез (пожалуйста, помогите).

Таким образом, каждому языку присущи национально-культурные особенности, обусловленные жизнью и развитием конкретного общества, т.е. тем, что составляет его национально-культурную специфику. Каждый народ вырабатывает свою национально-специфическую систему правил речевого поведения, вежливых форм общения. Лексический уровень вежливости башкирского языка представлен огромным количеством устойчивых выражений и клишированных фраз этикетных диалогов, которые исторически сформировались в результате многократного повторения в типичных речевых ситуациях и стали ритуализированными.

1. Байзитова Р.Р. Традиционный этикет в башкирской семье. – Ижевск, 2006. – 23 с.
2. Русский язык и культура речи / под ред. О.Я. Гойхмана. – М.: ИНФРА-М, 2009 – 240 с.
3. Саляхова З.И. Средства выражения вежливости в современном башкирском языке: автореф. дис. канд. филол. наук. – Уфа, 2004. – 24 с.
4. Сынбулатова А.Ю. Башкирский речевой этикет: семантика и средства выражения (на материале произведений З. Бишовой): автореф. дис. канд. филол. наук. – Уфа, 2011. – 27 с.
5. Формановская Н.И. Культура общения и речевой этикет: монография. – М.: Икар, 2005 – 250 с.

Саньярова Р.Р., Тулебаев С.А.

Концепт кояш «солнце» в башкирской языковой картине мира

Уфимский университет науки и технологий
(Россия, Уфа)

doi: 10.18411/trnio-10-2024-123

Аннотация

Башкиры, как и остальные тюркские народы, обожествляли солнце, для них оно имело не только значение света и тепла, но и было символом добра и милосердия. Поэтому в башкирской языковой картине мира кояш «солнце» олицетворяет человечность и сострадание и является одним из самых мифологизированных и почитаемых небесных светил.

Ключевые слова: концепт, национальная языковая картина мира, кояш «солнце».

Abstract

Bashkirs, like other Turkic peoples, deified the sun, for them it had not only the meaning of light and warmth, but was also a symbol of goodness and mercy. Therefore, in the Bashkir language picture of the world, koyas "sun" embodies humanity and compassion and is one of the most mythologized and revered heavenly bodies.

Keywords: concept, national linguistic picture of the world, koyas "sun".

Солнце было объектом поклонения у многих народов начиная с древних времён. Данный концепт по-разному представлен в каждой национальной языковой картине мира.

В башкирской народной культуре солнце является одним из самых мифологизированных и почитаемых небесных светил. Кояш «солнце» в башкирской мифологии предстает в образе прекрасной женщины, которая каждое утро выходит из воды, собирает с неба ночные звезды и украшает ими свои волосы. Связь Солнца с водой объясняется тем, что, согласно народным поверьям, днем Солнце совершает свой путь по небу, а вечером спускается под землю и тонет в подземных водах. В башкирском языке словосочетание кояш батты «солнце зашло» буквально переводится как «солнце утонуло» [5].

А в эпосе «Урал батыр» и других произведениях башкирского фольклора кояш «солнце» представляется женой царя птиц и неба Самрауа и матерью девушки-птицы Хумай [1].

Сохранились заговоры-обращения к солнцу (кояш теләү), свидетельствующие о существовании некогда связанных с ним обрядов, отголоски которых можно обнаружить в различных магических приемах, направленных на установление ясной солнечной погоды. Например, выставление на улицу старой посуды, косы, чтобы остановить дожди. Также для прекращения ненастья приносили в жертву животное белой масти. Обряды обратной направленности (чтобы вызвать дождь), сопровождалась противоположными ритуалами – помещение предметов в воду, принесение в жертву животного с темной шерстью. Проявления солнечного культа можно наблюдать в солярной системе ориентации жилищ, ритуалах и обрядах весеннего праздника Сабантуй (һабантуй) [7, 217; 3, 121, 11, 274-277].

Слово кояш интересно своим происхождением. Вероятно, это одно из самых древних слов. Восходит к др.-тюрк. *qıjaš < пратюрк. *gıñal «солнце, солнечное тепло». Впервые представлено в древнеуйгурских и караханидских памятниках, в современных тюркских представлено в карлукских (узб. куёш, уйгурск. куяш), кыпчакских (тат. кояш, нуг. кыяс, каракалп. куяс), сибирских (шорск. куяш, якутск. куйаас «жар»).

Лексема кояш «солнце» в башкирском языке имеет 4 значения:

1. астр. Солнце. Центральное небесное светило нашей планетной системы, представляющее собою гигантский раскаленный шар, излучающий свет и тепло. Примеры: Унда дүрт алты мөйөшлө ағас һәм үрзә шакмак кояш төшөрөлгәйне (М. Кунафин). – Там были нарисованы четыре шестиугольных дерева и наверху квадратное солнце. Касма кабат, касма, кояш, Нурзарыңды

- түк инде (Г. Юнысова). – Больше не убегай, солнышко, радуй нас своими лучами. Кояш калккан иң якшы көн – йома көнө (Из хадиса). – Самый лучший день, когда восходит солнце – это пятница. – Март айында кояш йылыта башлай (Е. Кучеров). – В марте начинает греть солнце.
2. Свет, луч. Пример: Стенаға урам як тәзрәнән кояш төшә (Д. Юлтый). – Из окна с уличной стороны на стену падают солнечные лучи.
 3. перен. Источник счастья, благополучия. Пример: Һәр кешенәң бәхет кояшы үзе менән (Л. Якшибаева). – У каждого человека свой источник счастья. Әйтерһең, кемдер уның бәхет кояшын тартып алды (Н.Мусин). – Как будто, кто-то украл его счастье.
 4. миф. Богиня. Кояш – күк тәңреһе. Тәңреләрҙең иң олоһо, тизәр. – (Из башкирской мифологии). – Солнце – бог неба. Говорят, самый главный бог [2, 523-524].

В башкирском языке со словом *кояш* образовано достаточно большое количество словосочетаний:

Кояш батшаһы *миф.* – божество Солнце, царь Солнце.

Кояшка һығынуу – моление солнцу. Прозносят следующую молитву: Шөкөрәна, шөкөрәна! Якты донъяла йәшәткән өсөн, йылыткан өсөн рәхмәт, тазарткан өсөн рәхмәт! – Господи, благодарю за всё, за всё! За то, что живу на белом свете, за то, что Ты согреваешь, очищаешь меня!

Кояш уты *миф.* – огонь солнца. Согласно башкирской мифологии солнце, рассердившись на людей, своим огнём выжигает все вокруг, не оставляя ни травинки, ни росинки.

Кояш нуры – лучи солнца. Башкиры верили, что солнечные лучи способны уничтожить нечистую силу, болезни.

Кояш тотолоу, кояш ауырыу (диал.) – солнечное затмение. Мифологизированное явление, объясняемое у башкир тем, что нечистая сила прячет солнце. Согласно второй легенде, солнце само от обиды прячется от людей. Во время затмения солнца заставляют кричать домашнюю скотину, плакать детей, стучат по железу.

Кояш ашау – выгореть, выцветать на солнце; досл. съедание солнцем цвета чего-нибудь, например, одежды. Реликт олицетворения.

Кояш калкыу, кояш сығыу, кояш тыуыу – восход солнца. В башкирской мифологии положительное, хорошее время. Вызывая ясную погоду, говорят: Кояш калк, кояш калк, нурланьп калк, кояш калк! – Солнце, выйди, солнце, выйди, все кругом освети своими лучами, солнце, выйди!

Кояш сығышы, кояш тыуышы – восток.

Кояш байыу, кояш батыу – закат, заход солнца. Мифологизированное действие, связанное с умиранием Солнца. Есть благопожелание, которое произносится во время заката: Эй, кояш! Аллаһы Тәғәлә кабат калкыуыңды, донъяны яктыртыуыңды бирһен. – Эй, солнце! Пусть Аллах позволит тебе снова взойти, снова светить.

Кояш байышы – запад; досл. место захода солнца. В башкирской мифологии опасное место, место, куда изгоняются болезни, нечистые силы. Во время захода солнца говорят: Кайзан килдең, шунда кит, һузың ағышына кит, кояш байышына кит! – Откуда пришел, туда и уходи, уходи в течение, уходи на закат!

Кояш кәртәләнеу, кояш колакларыу – появление ореола вокруг солнца. Существуют приметы: Кояш кәртәләһә, буран була. – Если вокруг солнца появляется ореол, будет метель. Кояш колакларып сыкһа, ямғыр булыр. – Если солнце взойдет с ореолом, то будет дождь.

Данная лексема встречается также в составе следующих словосочетаний: *кояш торошо астр.* – солнцестояние, *кояш яктыһы* – солнечный свет, *кояш бите* – солнцепёк, *кояш ваннаһы* – солнечная ванна, *кояш календаре* – солнечный календарь, *кояш сәғәте* – солнечные часы, *кояш энергияһы* – солнечная энергия, *кояш әүземлеге* – солнечная активность, *кояш һуғыу* – солнечный удар и т.д.

Как видно из примеров (например, *кояш ауырыу* (досл. солнце болеет), *кояш ашау* (досл. солнце ест), *кояш тыуыу* (досл. солнце рождается), *кояш сығыу* (досл. солнце выходит), *кояш батыу* (досл. солнце тонет), *кояш һуғыу* (досл. солнце ударяет), *кояш бите* (досл. лицо солнца) в башкирской языковой картине мира солнце персонифицировано, оно ест, может ударить, прийти и т.д., таким образом, реликты олицетворения солнца до сих пор сохранились в башкирском языке. Олицетворённое солнце башкиры называют *кояш арай* и обращаются к ней во время холодных или облачных дней с заговором: *Һалкын ағай, кит-кит, Кояш арай, сык-сык! Һөтлө һыйыр яланда, яланда. Майлы бутка казанда, казанда. Тәтәй калак базарза, базарза. Кояш арай, сык-сык!* (Из башкирского народного творчества). – Дядя Холод, уходи, уходи, тётя Солнце, выходи, выходи! Тучная корова на лугу, на лугу. Каша с маслом в казане, в казане. Красивая ложка в базаре, базаре. Тётя Солнце, выходи, выходи!

Об олицетворении солнца говорит и клятва солнцем. По представлениям башкир, при нарушении такой клятвы солнце выжигает глаза тому, кто её нарушил: *Кояштыр! Кояш менән ант итәм!* – Вот солнце! Солнцем клянусь!

Данное слово включено в состав многих фразеологизмов: *ай за кояш булыу* – досл. быть и луной и солнцем, угождать; *ай күрзе, кояш алды* – досл. луна увидела, солнце взяло, быстро исчезнуть; *кояш йөзөн күрмәйем* – досл. чтобы солнца не видел, слово клятвы; *кояш тискәре яктан сыкмаһа ярар ине* – не дай бог солнцу с другой стороны взойдёт; *кояшы байыу* – досл. закатилось его солнце, его время прошло; *кояш һөңгө буйы күтәрелгәс* – досл. когда солнце на расстоянии длины копья (длина копья от 3 до 4 метров); *сыкмаған кояшка кызыныу (йылыныу)* – надеяться зря, иметь пустую надежду.

В башкирском языке существуют много пословиц и поговорок, расширяющие восприятие концепта *кояш «солнце»*. Пословицы о солнце демонстрируют трепетное и уважительное отношение к нему. Люди осознавали, что без солнца не будет жизни на Земле, не будет света и тепла:

1. Солнце олицетворяет новый день, тепло и доброту: *Кояш юк – көн юк.* – Нет солнца, нет жизни. *Кояш янында – йылылык, эсә янында – изгелек.* – Солнце дарит тепло, мать – доброту.
2. Солнце оно одно единственное: *Ай менән кояш берәр генә була.* – досл. Луна и солнце по одному бывают. *Бер күктә ике кояш булмай.* – На небе двух солнц не бывает. *Себерзә лә шул кояш, Семберзә лә шул кояш.* – досл. И в Сибири, и в Симбирское то же солнце. *Кайза барһаң да бер кояш.* – досл. Везде одно и то же солнце.
3. Пословицы демонстрируют уважительное и трепетное отношение людей к этому небесному светилу: *Кояш якшыға ла, яманға ла бер тигез карай.* – досл. Солнце одинаково смотрит и на хорошего человека, и на плохого человека. *Кояш карағанда йөрөп кал, атаң карағанда кейенеп кал.* – досл. Смотри мир, пока солнце светит, одевайся, пока отец платит. *Ялғансынан кояш бизгән.* – досл. От лжеца даже солнце отвернулось. *Кояштың һиңә буйы етһә лә, һинен уға буйың етмәс.* – досл. Хотя и солнце до тебя дотянется, ты не дотянешься до солнца.

Таким образом, *кояш «солнце»* является уникальным объектом, значимым для всех живущих на Земле людей, поэтому так или иначе образ «солнца» представлен в культуре разных народов. Данный концепт будучи языковым воплощением единого для всего человечества космического объекта и становясь, таким образом, универсальным для любой лингвокультуры языковым образованием, является одновременно носителем природных приоритетов общества, его духовных ценностей и одним из действенных способов познания мира и себя в том мире как его неотъемлемой части.

1. Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987. – 558 с.
2. Башкорт теленә академик һүзлеге. V том / Ф.Ф.Хисаметдинова редакторлығында. – Өфө: Китап, 2013. – 888 бит.
3. Кляшторный С.Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник. – М., 1981. – С. 117-138.
4. Кульсарина Г.Г. Концепт «солнце» («кояш») в башкирской языковой картине мира (на материале фольклорных текстов) // Вестник Башкирского университета. – 2011. – Т. 16. – № 3. – С. 763-765.

5. Муравьёва Т. Мифы Поволжья. От Волчьего владыки и Мирового древа до культа змей и птицы счастья. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023. – 328 с.
6. Панасова Е.П. Концепт СОЛНЦЕ в русском языке и речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2007. – 23 с.
7. Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – 394 с.
8. Сэмситова Л.Х., Ижбаева Г.Р., Әхмәтшина Г.С. һ.б. Башкорт фольклоры көпсөптөсфәраһы. Лингвокультурологик һүзлек. – Өфө: Китап, 2013. – 492 бит.
9. Ураксин З.Ф. Башкорт теленен фразеологик һүзлеге. – Өфө: Башкортостан «Китап» нәшриәте, 1996. – 288 бит.
10. Хисамитдинова Ф.Г. Словарь башкирской мифологии. – Уфа: Китап, 2019. – 432 с.
11. Худяков М.Г. Культ коня в Прикамье // ИГАИМК, 1933. Вып. 100. – С. 251-279.
12. Худяков М.Г. Культурно-космические представления в Прикамье в эпоху разложения родового общества: («Солнце» и его разновидности) // ПИДО. – 1934. – № 11/12. – С. 76-97.
13. Әхтәмов М.Х. Башкорт халык мәкәлдәре һәм әйтемдәре һүзлеге. – Өфө: Китап, 2008. – 776 бит.

Сергеев О.А.

**Рукописная переводная литература христианского просвещения
на марийском языке XIX столетия**

*Марийский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории им. В.М. Васильева
(Россия, Йошкар-Ола)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-124

Аннотация

Статья посвящена обзору ранних рукописных памятников марийского языка XIX века. Они относятся к текстам церковно-миссионерского содержания и впервые вводятся в научный оборот. Рассмотренные нами нравоучительные речи, проповеди в единственном экземпляре хранятся в Национальном архиве Республики Татарстан. Переводчиками этих уникальных памятников письменности марийского языка были как русскоязычные священники, так и марийские просветители, хорошо знающие свой язык.

Ключевые слова: литературный язык, марийский язык, миссионерская литература, неопубликованный памятник, переводчик, фонетическое явление.

Abstract

The article is devoted to the review of early handwritten monuments of the Mari language of the XIX century. They relate to texts of church missionary content and are being introduced into scientific circulation for the first time. The moral speeches and sermons considered by us in a single copy are stored in the National Archive of the Republic of Tatarstan. The translators of these unique monuments of the written Mari language were both Russian-speaking priests and Mari educators who know their language well.

Keywords: literary language, Mari language, missionary literature, unpublished monument, translator, phonetic phenomenon.

По последним библиографическим данным в течение XIX – начала XX вв. составлено (переведено) большое количество церковно-миссионерской литературы по марийскому языку (луговой, горный и восточный варианты). Материалы «Сводного каталога книг на финно-угорских языках, изданных до 1917 года» (Санкт-Петербург) свидетельствуют о существовании 213 единиц марийских книг [1997: 7–8]. Что касается книг христианско-просветительского содержания, то, по нашим подсчетам, их количество доходит до 115. Сюда относятся канонические ветхозаветные книги и новозаветные Евангелия, Послания и Деяния апостолов, а также неканонические священные истории, требники, сборники молитв, служебники, учебники закона Божия, жития, поучения, проповеди, беседы (более 30 наименований) и другая религиозная и религиозно-светская литература (около 80) [подробнее см.: Сергеев 2010: 247–255]. Многие книги в больших и малых экземплярах изданы в различных российских городах.

Безусловно, центром книгоиздания являлся г. Казань. Она же считалась образовательным и воспитательным центром для народов нерусских национальностей всего Волго-Камья, Урала и даже Сибири.

При обстоятельном изучении многочисленных архивных хранилищ, в особенности архивов Казани, нами обнаружены ценные рукописные памятники XIX века, которые в настоящее время хранятся в Национальном архиве Республики Татарстан (НА РТ). К настоящему времени они не вошли еще в научный оборот. Найденные нами материалы в основном относятся к церковно-миссионерской тематике. По содержанию марийских неопубликованных источников можно разделить на несколько тем. Первую группу составляет литература, относящаяся к жанру «Евангелие». Нами обнаружены такие рукописные произведения, как *«Святое Евангелие на черемисском языке. Нылить Святой Евангелия. Марла Олуг илмэдэнэ возалдэмэ у тэнэш пуриш Мари-шамыч вэречень. Озаныштэ 1839 и годомъ»* [ф. 10, оп. 5, д. 884а]. «Святое Евангелие», как указано в памятнике, относится к 1839 году. Оно подготовлено в Казани для «новокрещенных» мари. Особо хочется подчеркнуть, что в марийской части перевода составитель не пользуется словом «черемис» или сочетанием слов «черемисский язык», что было характерно для всех миссионерских книг и многих изданий светского характера дооктябрьского периода. Он употребляет этноним *мари, мари(й)-шамыч* ‘мари, марийцы’, ср. также: *Марла Олуг илмэ*, совр. *марла олык йылме, олыкмарий йылме* ‘лугомарийский язык’, лит. *олыкмарий наречий* ‘луговое наречие марийского языка’, *олыкмарий литератур йылме* ‘лугомарийский литературный язык’. Как всегда (это характерно почти всем православно-вероучительным изданиям XIX – начала XX вв.), переводчик не указан. По языковым особенностям не трудно догадаться, что перевод сделан русскоязычным священником. Язык памятника – лугомарийский диалект. Рукописный текст, конечно, далек от языка народа. Он относится к начальному этапу рождения переводного дела на марийском языке. К этому времени переводческой деятельностью в основном занимались русскоязычные священники. Сами марийцы присоединились к переводческому делу во второй половине XIX столетия. Активизация этого процесса связана с открытием в Казани учительской инородческой семинарии.

Следующую группу составляют рукописи, относящиеся к «церкви, церковному закону». Нами обнаружены два таких источника: 1) *«Церкон законъ тунукта: Юмон люмям нукушитат шоякеш ойлаш огыл; такеш товатлаш огыл; айдэман чонжат возжылмашажат тыдэм шижэши»*; 2) *«Юмон люмям шоякеш ойлаш, товатлаш возжолмаш, и пеш кугу язык лэишъ»* [ф. 968, оп. 1, д. 25]. Дело относится к 1873 г., объем рукописи – 18 листов. Памятники подготовлены после образования Переводческой комиссии при Братстве святителя Гурия, которая ввела в графическую систему марийского языка специфические буквы **ö, ü, н**, также характерные для горномарийского наречия **ä, ÿ**. Однако в тексте автором не применялись эти буквы, в том числе и графема **ÿ**, ср.: *люмям* ‘имя’, вм. совр. *лÿмым* ‘имя’. Нельзя не отметить, что в первом источнике одновременно зафиксированы буквы **ц** и **ч**, ср.: *церкон* ‘церкви’, *чонжат* ‘и душа его’, лит. *черке* ‘церковь’, *черкын* ‘церкви’; *чон* ‘душа’, *чонжат* ‘и душа его’. Таким образом, в одном и том же связанном тексте мы имеем дело с такими фонетическими явлениями как цоканье и чоканье. Цоканье в основном характерно йошкар-олинскому говору лугового наречия и северо-западному наречию марийского языка.

В отдельную группу можно выделить так называемые правоучительные речи. В фонде Национального архива Республики Татарстан нами изучено шесть рукописных проповедей. В основе двух проповедей лежит луговое наречие марийского языка, а лингвистическую базу четырех поучений составляет горномарийский диалект. «Проповедь на черемисском и русском языке» [ф. 968, оп. 1, д. 25] объемом семь листов (л. 1–7), подготовлена в 1873 г. А «Поучение день Святой Пасхи» представлено на л. 14–18. Языковые данные памятников позволяют утверждать, что их базой послужило луговое наречие.

В этом же деле на восьмом листе памятника письменности хранится горномарийский вариант церковной проповеди.

Не менее значимым для истории марийской письменности является документ, называемый «Проповеди, составленные учителями и священниками». В деле подшиты три проповеди. Они принадлежат перу горномарийских представителей. Одна из них написана «помощником учителя села Малого Сундыря (Малый Сундырь – ликвидированное в 1980 году село в Горномарийском районе Республики Марий Эл. Входило в состав Виловатовского сельского совета. – О.С.) Федором Тимофеевым Лебедевым» [ф. 968, оп. 1, д. 30, л. 171–175]. Другим переводчиком наставления является «учитель Кузнецовской школы Козьмодемьянского уезда Иван Яковлев Моляров» [Там же, л. 177–179], а третья проповедь переведена «дер. Янгосовой Николаем Федоровым Виноградовым (дер. Янгосово современного Горномарийского района Республики Мари Эл. – О.С.)» [Там же, л. 181–184]. Перевод осуществлен в 70-х годах XIX столетия.

В этом же деле хранится «Ведомость о произнесенной кузнецовским черемисским прихожанам проповеди, кузнецовского школьного наставника Ивана Яковлева Молярова» [Там же, л. 49–56]. Следует отметить, что И.Я. Моляров активно занимался с горномарийскими учащимися чтением священных книг на родном языке. Он писал: «...много наставляю изустно невежных черемисов, и из священных писание, всегда на черемисском языке» [ф. 968, оп. 1, д. 30]. Материал (письмо. – О.С.) относится к 70-м годам XIX века. Письмо было адресовано директору Казанской учительской семинарии Н.И. Ильминскому.

Ценным для истории письменности марийского языка является незавершенный вариант религиозно-нравственного текста на левобережном говоре горного наречия, именуемый «Переводъ Священной исторіи Новаго Завѣта на черемисское Заволжское нарѣчіе, составленный учителемъ Ардинской школы и сверя штатнымъ Псаломщикомъ села Арды, инородцемъ Федоромъ Лебедевымъ» [ф. 968, оп. 1, д. 36, л. 29]. Рукопись перевода «Священной истории Нового завета» подготовлена в 1878 г. ардинским учителем (ныне с. Арда Килемарского района Республики Марий Эл. – О.С.) горным марийцем Федором Лебедевым. Из другого документального источника узнаем, что Федор Лебедев был «помощником учителя села Малого Сундыря» Козьмодемьянского уезда Казанской губернии [ф. 968, оп. 1, д. 30, л. 171].

К неопубликованным материалам также относятся документы православно-христианского содержания, как «Мемнѣн Кого Кугижѣнѣ Александр Николаевич кыцэ колэн» [ф. 968, оп. 1, д. 176, л. 31–31 об., л. 44–44 об.], «Изге өдөр Маріам чиркӱшн нӱмеин портмо кече пӱрӱм» [Там же, л. 34–37], «Joаннь пайамбӱр» [Там же, л. 37–37 об.]. Использование специфической буквы **ӱ** горномарийской графической системы, позволяет утверждать, что рукопись была подготовлена в начале 70-х годов XIX столетия. Подтверждением этого является также наличие букв **ӱ** и **ӱ̄**. Следует отметить, что перевод сделан очень неудачно, допущено много неточностей. Это видно даже из названия дела, особенно много погрешностей содержится во второй и третьей рукописях. Не исключено, что переводом последних вероучительных текстов занимались русскоязычные люди.

Рассмотренные памятники относятся к 40–70-м годам XIX века. Несмотря на плохое качество некоторых переводных неопубликованных материалов, они весьма ценны для истории марийской письменности. Важно уже то, что рукописи сохранились до наших дней. Листая страницы этих документов, мы можем проследить развитие марийской графической системы, лексики, морфологии и строя марийского предложения. В переводных текстах шлифовался марийский литературный язык.

1. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 10, оп. 5, д. 884а.
2. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 968, оп. 1, д. 25.
3. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 968, оп. 1, д. 30.
4. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 968, оп. 1, д. 36.
5. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 968, оп. 1, д. 176.
6. Сводный каталог книг на финно-угорских языках, изданных до 1917 года. Санкт-Петербург: Издательство Российской национальной библиотеки, 1997. 84 с.
7. Сергеев, О. К характеристике книг на волжско-пермских языках, изданных в дооктябрьское время // Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum. Piliscsaba, 9–14. VIII. 2010. Pars V. Dissertationes sectionum et symposiumum ad linguisticam. Piliscsaba, 2010. С. 247–255.

Тлисова С.М.¹, Агирбов Т.Р.¹, Кемова А.Н.²

Использование глагольных словосочетаний на занятиях английского языка

¹ «Северо-Кавказская государственная академия»
(Россия, Черкесск)

² «Адыгейский государственный Университет»
(Россия, Майкоп)

doi: 10.18411/trnio-10-2024-125

Аннотация

Статья посвящена использованию глагольных словосочетаний на занятиях английского языка. Изучение глагольных словосочетаний необходимо для развития и обогащения речи обучающихся. Комплекс практических заданий способствует формированию и развитию устной речи.

Ключевые слова: навыки, обогащать, глагольные словосочетания, лексическая сочетаемость.

Abstract

The article is devoted to the use of verbal collocations in English classes. The study of verbal phrases is necessary for the development and enrichment of students' speech. A set of practical tasks contributes to the formation and development of oral speech.

Keywords: skills, to enrich, expressive, verbal collocations, lexical compatibility.

Необходимость изучения слов не изолированно, а в присущих им сочетаниях признается всеми преподавателями иностранных языков как в нашей стране, так и за рубежом. Изучение отдельно взятого слова и особенно многозначного слова не обеспечивает умения правильно употреблять его в речи. Так, например, простое перечисление русских эквивалентов английского глагола call - называть, навещать, заходить ...не дает указания на то, в каких сочетаниях какое из значений реализуется (в сочетании to call on somebody, например, глагол call имеет значение навещать), call at somebody's house означает заходить к кому-либо. Перевод отдельного слова может не совпадать с переводом того же слова в словосочетаниях, например, глагол break имеет разные переводы в одной и той же модели в зависимости от группы слов, с которой он сочетается. Break a glass (a cup) разбить что-либо, break a stick – ломать, сломать, break a twig from a tree – отломить, обломить что-либо, break a car – портить что-либо, выводить из строя.

Важным условием овладения иностранным языком можно считать усвоение особенностей лексической сочетаемости английского глагола внутри заданной модели. Например, в модели take +noun, глагол take может иметь разные значения и разные русские эквиваленты в зависимости от контекста. В словосочетании take a book, где в качестве существительного выступают названия конкретных вещей, используется значение, выражаемое русским эквивалентом брать. В случае когда группа существительных обозначает продукты питания, например take tea (milk, coffee) используется значение – пить. Сочетаемость английского глагола в каком – либо определенном значении может не совпадать с сочетаемостью соотносительного глагола в русском языке. Так, по-русски мы говорим: на меня напало раздумье, на меня напала сомнение, на меня напал страх и т.д. и не говорим: на меня напала радость, в то время как на английских словосочетаниях с глаголом seize: I was seized with grief (with sorrow, with joy, etc.) не существует аналогичных ограничений. Поэтому необходимо усвоение не только структуры моделей, но и лексической сочетаемости глаголов [4]. Break chains (bonds) – рвать, разрывать что-либо.

В контексте этот же глагол может иметь и другие варианты перевода. Большей частью это делается тогда, когда перевод глагола в предложении отличается от перевода того же глагола в различных словосочетаниях. Например, словосочетание «he is slow to act»

переводится как «медлительный человек», «он медленно раскачивается» (глагол *act* переводится как «действовать»).

Перевод глагола в обобщенном словосочетании дается в том случае, когда, как правило, русский эквивалент может быть использован в сочетании со многими словами. Например, *borrow something (money, smb's bag, smb's book, smb's phone, etc.)* «брать в долг, займы», «брать что-либо».

Исходя из изложенных выше типовых трудностей усвоения идиоматичных английских словосочетаний, можно порекомендовать следующие виды упражнений.

1. Устное или письменное завершение моделей:
to depend...
to be independent...
to accuse smb...
Обучающиеся должны устно или письменно дать полную структуру словосочетаний, т.е.
to be depend on smth, smb;
to be independent of smb, smth;
to accuse smb of smth.
2. Использование изучаемых моделей в устной речи.
A: Everything depends on the work of the organization. On what does everything depend?
B: Everything depends on the work of organization.
A: Does everything depend on the work of the Komsomol organization?
B: Yes, it does.
3. Использование моделей в собственных примерах.
Задание. Составьте устно или письменно предложения, в которых используются следующие глаголы:
to depend on smth, smb;
to be independent of smb, smth;
to accuse smb of smth.
Например: I don't think it depends on him, it depends on his father.
India is independent of England now.
We accuse him of laziness.
4. Переводы с русского на английский.
Задание. Переведите следующие предложения, используя глаголы *to depend (on smth, smb)*, *to accuse smb (of smth)*, etc.
Многое зависит от него.
В чем вы его обвиняете?
2. Упражнения, направленные на усвоение лексической сочетаемости внутри изученных моделей.
 1. Устное или письменное дополнение указанной лексической группы:
To take tea ... (coffee, milk, cocoa, etc.);
To take a bus ... (a tram, a train, etc.);
To take a pencil ... (a book, etc.).
 2. Диалоги с использованием изучаемых глаголов с их типовой лексической сочетаемостью. [6]
A: Do you take tea or milk for breakfast?
B: I usually take tea.
A: Does your mother also take tea?
B: No, she does not. She usually takes coffee.
 3. Использование типовой сочетаемости в собственных примерах и ситуациях.
Задание.

- А. Расскажите, как вы провели сегодняшнее утро, используя следующие словосочетания:
To take tea (coffee, milk, etc.);
To take a bus (a tram, etc.);
To take books (pencils, maps, etc.).
- Б. Опишите ситуации, в которых вы могли бы услышать следующие фразы:
They haven't named the baby.
What have you ordered for dinner?
4. Перевод с русского языка на английский с последующим использованием типовой сочетаемости в предложениях (ситуациях).
Задание. Переведите на английский язык и используйте в своих предложениях:
Пить чай, кофе, молоко, какао и т.д.
Ехать автобусом, трамваем, метро и т.д.
Брать книги, карандаши, бумагу и т.д. [7].

Также, можно использовать разнообразные упражнения, подстановочные таблицы, заполнение пропусков предлогами и т.д. Комплекс упражнений способствует усвоению структуры глагольных сочетаний. Овладение иностранным языком и в первую очередь овладение навыками устной речи предполагает овладение основными словосочетаниями и особенностями этих словосочетаний, присущими изучаемому языку. Глагольные словосочетания способствуют обучающимся расширению запаса слов и быстрому овладению устной речью.

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии / Н. Н. Амосова. – Л.: ЛГУ, 1963 – 237 с.
2. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка: Синтаксис./ Ф. И. Буслаев. – М.: Книжный дом Либроком, 2015 – 344 с.
3. Бим И.Л., Некоторые актуальные проблемы современного обучения иностранным языкам // ИЯШ 2001 - № 4.
4. Бурлакова В.В. Основы структуры словосочетания в современном английском языке. — Л., 1975. — 128с.
5. Бурлакова В.В. Синтаксические структуры современного английского языка. — М.: Просвещение, 1984. — 112 с.
6. Т.А. Бармина, Л.А. Медникова, А. Санкин Глагольные словосочетания в современном английском языке - М., «Просвещение», 1975- 302с.
7. Щукин А.Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика: Учебное пособие для преподавателей и студентов. 2-е изд., испр. и доп. - М.:Филоматис, 2006. - 480 с.

Чжан Ю.

Русский и славянские языки: исследование сходств и различий

СФУ

(Россия, Красноярск)

doi: 10.18411/trnio-10-2024-126

Аннотация

В данной статье рассматриваются общие черты и различия между русским и славянскими языками на лексическом, грамматическом и фонологическом уровнях, выявляются тесные связи и уникальные особенности между ними. С помощью сопоставительного анализа подчеркивается важность этих выводов для понимания славянского культурного разнообразия и содействия межкультурной коммуникации. В статье утверждается, что русский и славянские языки имеют широкие перспективы для развития в области лингвистических исследований и культурного обмена.

Ключевые слова: русский язык, славянские языки, сходства и различия, межкультурная коммуникация, языковые исследования.

Abstract

This paper examines the commonalities and differences between Russian and Slavic languages at the lexical, grammatical, and phonological levels, revealing the close ties and unique features between them. Through comparative analysis, the importance of these findings for understanding Slavic cultural diversity and promoting intercultural communication is emphasized. The article argues that Russian and Slavic languages have broad prospects for development in linguistic research and cultural exchange.

Keywords: Russian language, Slavic languages, similarities and differences, intercultural communication, language studies.

Введение

Славянская языковая группа, являющаяся важной ветвью индоевропейской языковой семьи, ведет свое происхождение от древних славянских племен, которые первоначально были распространены в Восточной и Центральной Европе. С течением времени славянские языки постепенно дифференцировались на восточнославянскую (представленную русским языком), западнославянскую (например, польский, чешский) и южнославянскую (например, сербский, хорватский) ветви, которые широко распространены в Европе и некоторых частях Евразийского континента.[1] Русский язык, как основной представитель восточнославянской ветви, не только несет в себе богатую историю и культуру России, но и занимает ключевое положение в мире, особенно в бывших советских республиках и странах Восточной Европы.

Целью данной статьи является глубокое изучение общих черт и различий между русским языком и славянской языковой группой. Путем сопоставительного анализа можно не только выявить уникальное положение русского языка в славянской языковой семье и его взаимосвязь с другими славянскими языками, но и глубже понять разнообразие и единство славянской культуры. Это исследование не только помогает углубить понимание славянской лингвистики, но и дает ценные рекомендации для сфер межкультурной коммуникации, преподавания языков и переводческой практики. Таким образом, изучение сходств и различий между русским и славянскими языками имеет не только академическую ценность, но и большую практическую значимость и перспективы применения.

Обзор славянской языковой группы

Славянские языки можно разделить на восточнославянскую, западнославянскую и южнославянскую ветви в соответствии с их географическим распространением и исторической эволюцией. Восточнославянская ветвь, ядром которой является русский язык, включает также украинский и белорусский языки, которые имеют высокую степень согласованности в грамматических структурах и много лексических общих черт, что отражает культурную однородность восточнославянского региона. Западнославянская ветвь, с другой стороны, включает польский, чешский и словацкий языки, которые демонстрируют уникальные западнославянские характеристики в произношении, лексике и грамматике и находятся под глубоким влиянием центрально-европейской культуры.[2]

Южнославянская ветвь более сложна и разнообразна, включая сербский, хорватский, словенский и т. д. Хотя эти языки принадлежат к одной славянской языковой семье, из-за многочисленных расколов и слияний в истории они демонстрируют большие различия в произношении, словарном запасе и грамматике. Однако именно эти различия обогатили культурный подтекст славянской языковой семьи и показали траекторию эволюции славянской нации в разные исторические периоды.[3] Историческая эволюция славянской языковой семьи - это динамичный и сложный процесс, в котором различные языковые ветви сохраняли определенную степень независимости, но при этом взаимодействовали друг с другом посредством культурных обменов, войн и завоеваний, распространения религий, что в совокупности сформировало уникальный облик славянской языковой семьи. Этот процесс не только отражает исторические изменения славянской нации, но и предоставляет богатый материал и перспективы для современных лингвистических исследований.

Сходства между русским языком и славянской языковой семьей

Русский язык, являясь важным представителем славянской группы языков, демонстрирует значительные общие черты с другими славянскими языками на нескольких уровнях. На лексическом уровне русский язык имеет широкий спектр корней и аффиксов, общих для западнославянских и южнославянских языков, которые не только обогащают словарный запас русского языка, но и создают соответствие и эволюцию лексики между славянскими языками. Например, слово «дом» (дом) широко распространено в славянской группе, а его корень «дом-» встречается во многих славянских языках, что отражает глубокую лексическую связь.[4] На грамматическом уровне русский язык демонстрирует высокую степень сходства с другими членами славянской группы в плане морфологических изменений. Такие грамматические категории, как грамматический строй существительных, время и тело глаголов, преобладают в славянских языках и имеют сходные модели изменений. Кроме того, есть общие черты в синтаксической структуре, такие как базовая структура предложения субъект-глагол-объект, которая широко применяется в славянских языках, что отражает единство на грамматическом уровне.

На фонологическом уровне русский и другие языки славянской группы демонстрируют сходство в составе системы согласных и гласных, что облегчает изучение славянских языков. В то же время общие модели ударения и интонации облегчают слуховое распознавание и понимание между славянскими языками.[5] Эти общие черты не только углубляют наше понимание связей внутри славянских языковых семей, но и обеспечивают важную теоретическую основу для кросс-лингвистических исследований.

Различия между русским языком и славянскими языками

Несмотря на множество общих черт между русским языком и другими представителями славянской группы, не менее важно не упускать из виду и существенные различия между ними. На лексическом уровне одной из заметных особенностей является отсутствие и добавление специфических слов, что отражает уникальную траекторию развития различных славянских народов с точки зрения их истории, культуры и географии.[6] Кроме того, даже в общей лексике существуют тонкие различия в значении и употреблении, которые часто несут в себе богатый культурный подтекст и контекстуальную информацию.

В грамматическом плане между русским и другими славянскими языками существуют значительные различия в правилах изменения лексики. Например, спряжение существительных и спряжение глаголов демонстрируют уникальную сложность в русском языке, в то время как в некоторых западнославянских или югославских языках они могут быть относительно упрощены. Кроме того, уникальными для русского языка являются синтаксические структуры, такие как предпочтения и табу для определенных типов предложений, которые в определенной степени влияют на богатство и точность языкового выражения. С точки зрения фонологии, русский язык отличается от других славянских языков особенностями произношения. Такие нюансы, как четкость согласных и длительность гласных, не только являются важной основой для распознавания языка, но и влияют на общее звучание и ритм языка. Различия в интонации и ударении еще больше обогащают лингвистическое разнообразие славянских языков, добавляя новые проблемы и возможности для межкультурной коммуникации.

Взаимовлияние и интеграция русского и славянских языков

Исторически языковые контакты между русским языком и другими членами славянской языковой семьи были частыми и глубокими, и эти контакты способствовали не только языковому взаимодействию, но и языковой интеграции и развитию.[7] В силу своего сильного политического, экономического и культурного влияния русский язык оказал глубокое воздействие на другие славянские языки, особенно в плане лексики и грамматической структуры, а нововведения и изменения в русском языке часто быстро распространялись на другие славянские языковые области.

В то же время другие славянские языки внесли богатый лингвистический вклад в развитие русского языка. Благодаря лексическим заимствованиям и слияниям русский язык постоянно впитывал новую лексику и обогащал свою собственную языковую систему. Кроме

того, на грамматические и фонологические особенности русского языка оказали тонкое влияние другие славянские языки. Этот процесс взаимного влияния и слияния сделал языковые отношения в славянской языковой семье более тесными, а также отразил динамику и сложность развития языка.

В современной языковой коммуникации этот феномен слияния становится еще более значимым. С ускоренным развитием глобализации обмен и общение между славянскими языками становятся все более частыми, лексические заимствования и слияние становятся нормой, а взаимодействие грамматических и фонологических особенностей еще больше способствует коэволюции языков славянской группы.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что в данной статье мы подробно рассмотрели сходства и различия между русским и славянскими языками на лексическом, грамматическом и фонологическом уровнях, выявив сложные взаимоотношения между ними, которые являются одновременно взаимосвязанными и отличительными. Благодаря этому исследованию мы не только углубляем наше понимание внутренней структуры славянских языков, но и осознаем важность изучения этих общих черт и различий для понимания разнообразия славянских культур и развития межкультурной коммуникации. В будущем, по мере ускорения процесса глобализации, перспективы развития русского и славянских языков в области лингвистических исследований и культурного обмена будут еще более широкими. Мы надеемся внести новый вклад в процветающее развитие славянского языкознания путем непрерывных исследований и изысканий и в то же время оказать мощную поддержку в создании более гармоничной и инклюзивной международной языковой среды.

1. Григорянова Т. К вопросу о межъязыковых омонимах в славянских языках (на материале словацкого, чешского и русского языков // Филологический класс. - 2015. - № 4 (42). - С. 23-26.
2. Маркова, Е.М. Лексиконы современных славянских языков: сходства и различия // Филология и культура. - 2015. - № 4(42). - С. 98-105.
3. Судаков, Г.В. История лексических групп в славянских языках: перспективы сравнительно-сопоставительных исследований // Верхневолжский филологический вестник. - 2015. - № 1. - С. 67-71.
4. Иркова, А.В. К вопросу о построении транслятивной типологии славянских языков // Полилингвальность современной культуры. - 2022. - С. 218-231.
5. Петрукхина, Е. Интерпретация видовых различий между русским, чешским и словенским языками // Славистика Ревия. - 2019. - № 67(1). - С. 31-49.
6. Манучарян, И.К. Типология терминов родства в славянских языках в синхронии и диахронии // Русский язык на перекрестке эпох: традиции и инновации в русистике.- 2018. - С. 425-433.
7. Басалаева, Е.Г. Особенности метафорического развития глаголов обонятельного восприятия в славянских языках // Сибирский филологический журнал. - 2019. - №. - С. 203-215.

Malashenko P.V.

English argot in the system of social dialects

*Ufa University of Science and Technology
(Russia, Ufa)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-127

Abstract

The article examines the lexical units that are used by special professional or social groups. The author provides a comparison of different elements of social dialects and their use in some areas of human activity, such as mass media and criminology.

Keywords: argot, jargon, slang, subculture.

Аннотация

В статье исследуются лексические единицы, которые используются особыми профессиональными или социальными группами. Автор приводит сравнение разных элементов

социальных диалектов и их использования в некоторых сферах жизнедеятельности человека, таких как, масс-медиа и криминалистика.

Ключевые слова: аргот, жаргон, сленг, субкультура.

Scientific research of language has been most successful in the field of grammatical and phonological structures, however, the lexical system is less developed due to the fact that the vocabulary is more extensive and less structured [1, p. 68]. To study any object, its clear structuring is necessary, so one of the effective ways to study lexical units is to combine them in groups according to certain criteria, for example, their meaning or different fields of usage. Thus, lexical units can be studied by collecting them into lexico-semantic groups, the so-called lexico-semantic fields. A semantic field is a set of linguistic (mainly lexical) units united by some common (integral) semantic feature, in other words, having some common non-trivial component of meaning and reflecting the conceptual, objective or functional similarity of the phenomena being designated. The semantic field method is designed to confirm the fact of the systemic organization of vocabulary, demonstrating that the unity of the system is ensured by the principle of integration of units.

Argot is a hidden language used by certain social groups to communicate with each other and to denote their unique identity. It performs an essential part in the system of social dialects, providing a sense of cohesion and distinction within certain social circles. Initially, the term «argot» was used to denote the language of marginal groups, such as beggars, thieves and swindlers. However, over time it acquired a broader meaning. J. Jordan identifies three main meanings of the term «argot»:

1. The language of criminals, vagabonds and beggars.
2. The special language of certain social categories (e.g. military, workers, students).
3. Elements of popular speech that penetrate into literary language, characterized by naturalness, expressiveness and efficiency.

The first two meanings of J. Jordan coincide with the conceptual definition of the term in the Slavic tradition, but the third meaning does not. In a narrow sense, the term «argot» denotes a way of communication of declassed elements used in the criminal world (thieves' argot), as well as the language of persons engaged in the profession of wanderers, beggars, etc. [2, p.1].

The study of social dialects is one of the main tasks of sociolinguistics. In American and European linguistics such terms as «argot», «jargon» and «slang» are actively used. These words have specific meanings and nuances in different languages. Which indicates broad opportunities for studying these phenomena and their terminological aspects.

In different countries, social dialects, argots or jargons have different names: in English lexicography – slang, cant, in German – Rotwelsch, in Spanish – jergonza, jerga, in Portuguese – calão, in Dutch – bargoens, and also, as noted in French literature, argot, etc. In Soviet linguistics, the term «cant» corresponds to the term «argot».

Argot, jargon and slang are three similar but distinct terms. They all differ from Standard English in vocabulary, syntax and style. Jargon is a special type of speech used mainly in oral communication between members of a particular social group. It differs from ordinary language by its specific vocabulary and phraseology. The term «jargon» can also be used to denote distorted or incorrect speech.

Jargon develops in groups that are related by a common occupation, social status, interests or age. It is not a separate language, but rather a special way of communication, that is characteristic of a certain circle of people. Speakers of jargon are representatives of social groups united by a common way of life and social position.

Slang is a colloquial form of speech that is used in a youth or a particular social group. Slang consists of abbreviations, idioms, calques, irregular grammatical forms and words that have received a new meaning or are used only in specific contexts. It is often used to indicate group membership, express identity, and maintain unity. Slang may change over time and may differ from region to region or community to community. It is often used in everyday conversation and is understood by people in a given social environment.

Argot is professional jargon used in certain fields of activity or communities. It consists primarily of specialized terms, simplified words, and phrases that allow information to be conveyed quickly and accurately between members of a given professional group. Argot is typically used for communication between experts in a particular field, such as medicine, aviation, navigation, and others. This style of speech is not usually used in everyday life and may be incomprehensible to people without the relevant experience and education.

The positive attitude of law-abiding citizens towards and interest in the criminal subculture contributes to the spread of argot in society. Elements of the language of the criminal subculture are increasingly found in the media, public speech, cinema and literature. The process of argotization demonstrates the social potential of language hidden in the standard literary language.

Nowadays, in English-speaking countries, one can observe how non-standard speech structures move to more formal levels of use, displacing standards, and this concerns such areas as forensics; radio and television, which were previously considered examples of standardized speech. The use of argot, slang or jargon in different areas and contexts has evolved over time and has been influenced by various factors, including cultural and social norms, language contact and the needs of specific communities or subcultures. Here are some ways in which argots is used in different areas and contexts:

1. Academic and scientific communities: In academic and scientific communities, argot is used to convey complex ideas and concepts in a concise and precise manner. Terms such as «theory», «hypothesis», «experiment» and «data».
2. Business and Finance: In the world of business and finance, argot is used to communicate quickly and effectively with colleagues and clients. Terms such as «bottom line», «bottom dollar», «ROI» and «KPI».

Currently, there is an increasing prevalence of argot vocabulary in the media, public speaking and modern fiction. The process of using argot is due to its expressiveness, figurativeness and metaphorical nature, which fully reveal the social potential of language hidden in standard vocabulary. Publishers often use slang in headlines to attract new readers, even if the style of the article itself remains more formal. Slang helps create a casual, conversational tone in the article and evoke emotions in readers.

Some modern publications try to follow the linguistic tendencies of native speakers and use slang words and expressions to add expressiveness to journalistic texts, that «indicates the intensity of the speaker's emotions and experiences» [2, p. 138]. Thus, objective journalistic information, combined with the expressiveness and evaluative meaning of slang, can have an emotional impact on readers [3, p.1].

The use of English slang expressions reflects sociocultural changes and is an important aspect of language and cultural studies. Slang can be used to add expressiveness and realism to various fields such as literature, music, and the media. It can also serve as a valuable tool for law enforcement in criminal investigations. It is important to consider that slang will continue to evolve under the influence of various factors and its use will reflect social and linguistic changes in society. By analyzing these specialized vocabularies, researchers can gain a deeper understanding of the cultural values and beliefs held by specific communities. This knowledge has far-reaching implications for fields such as education, linguistics, cognitive science, and natural language processing.

1. Varukha I.V., Shamsutdinava J.Kh. Methods of emotive vocabulary research // Philology: scientific research. — 2021. - No. 8. - pp.67-74. DOI: 10.7256/2454-0749.2021.8.36278
2. Rudenko M.Yu. Research of argot, jargon and slang: questions of terminology [Electronic resource]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-argo-zhargona-i-slenga-voprosy-terminologii> (date of application: 09.29.2024)
3. Urazmetova A.V. Axiological aspect of toponymic vocabulary // Issues of Cognitive Linguistics. 2022. № 2. С. 138-144. – DOI 10.20916/1812-3228-2022-2-138-144.
4. Uskova A.I. The status of argot in the English language and artistic speech [Electronic resource]. – URL: <https://www.dissercat.com/content/status-argo-v-angliiskom-yazyke-i-khudozhestvennoi-rechi>

Martynova N.A.

Features of The Spoken Language of Employees of The Internal Affairs Bodies

*Oryol Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
(Russia, Orel)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-128

Abstract

This article deals with the studying of features of the spoken language of employees of the internal affairs bodies in order to help to master the process of linguistic education. Moreover, article contains the analysis of the linguistic and non-linguistic factors influencing the process of professional education.

Keywords: professional competence, spoken language, linguistic education, professional education.

Аннотация

Данная статья посвящена изучению коммуникативной этики сотрудников полиции и ее влиянию на формирование профессиональной компетентности с целью содействия овладению процессом лингвистического образования. Кроме того, статья содержит анализ лингвистических и неязыковых факторов, влияющих на процесс профессионального образования.

Ключевые слова: профессиональная компетентность, разговорный язык, лингвистическое образование, профессиональное образование.

It is also necessary to take into account the previously insufficiently studied transitional stage in the development of ethical and ideological issues of police officers, which has a significant impact on public safety. In addition, it is necessary to study the various stages of this process, including both obtaining basic direct theoretical knowledge and their practical use. The results showed that the psychological profile of a police officer competent in communication consists of a three-dimensional assessment of aspects of communication (psychophysical, psychological and socio-psychological), the ability to predict the results of communication, as well as the ability to individually approach citizens who have agreed to cooperate on a confidential basis. It is worth noting that, despite the non-specific features of this profile, the ability to present such a "professional image" is an indicator of the communicative advantage of a police officer during an investigation. Recommendations for improving the psychological competence of police officers include achieving a balance between theoretical and psychological-practical professional training. In addition, the internship of investigators should include not only an artificially modeled act of communication, but also its version adapted to reality. Reforming practical police education in the field of communication can greatly contribute to the psychological competence of police officers interested in receiving information from citizens. In addition, effective communication theoretically includes appropriate measurements in a three-dimensional coordinate system (Syromyatnikova, 2005) – at the psychophysiological, psychological and socio-psychological levels. A police officer who is competent in communication evaluates all the above levels.

In colloquial speech, law enforcement officers have a bright, emotional expressive and stylistic coloring (for example, "ochnyak"), some of them may turn into colloquial speech (for example, "crook"). Very often, the following expressions are used by police officers: "throw into the hold" - to choose a preventive measure in the form of detention; "capercaillie", "hanging", "factukha" – an unsolved crime; "important" - an investigator investigating particularly important cases; "alarm" – a resolution on the initiation of criminal cases; "brood" – checking the testimony on the spot; "write out the ninety-first" - detain a suspect under Article 91 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation; "crook", "predator" - a suspect, accused; "terpila", "terpila" – a victim; "accusation", "attraction" - a resolution on involvement as an accused; "extension" – a decision to initiate a petition for an extension of the procedural period; "investigate "vodka" – conduct a preliminary investigation

under Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation; "one hundred and forty-fifth" – checking a crime report; "two hundred and seventeenth" - familiarizing the accused with the materials of the criminal case; "slam" – red-handed; "stand" – to give the same testimony as before; "cotton" – the implementation of an operational investigative measure for bribery; "close" - to detain a suspect or apply a preventive measure in the form of detention; "lost", "bevapashka" – missing; "ochnyak" – confrontation; "refusal" is the verification material, according to which a decision was made to refuse to initiate a criminal case, "oper", "detective" is an operational officer.

Speaking about the speech of police officers, it is possible to single out the "special" pronunciation of commonly used words, the use of words with an incorrectly stressed accent, for example: "Convicted" is the official name of the prisoner in respect of whom the court sentence has entered into full force; "convicted" (criminal case). It should be noted that the same lexical units are used as jargonisms in the speech of prisoners and are pronounced with the same accents. To date, the colloquial vocabulary of law enforcement officials has a great influence on various, including youth jargons. And sometimes they become common colloquial words and expressions used in everyday life ("opera", "crook", etc.). This is largely due to the fact that they penetrate into speech from television screens, through television series that have become popular with a mass television audience: "Streets of broken Housesnarey", "Capercaillie", "National Security Agent", "Good guys", "Brigade", "Bandit Petersburg", etc.

For those outside law enforcement agencies, when talking between police officers, it may seem that you are trying to decipher a completely different language. Law enforcement agencies have their own jargon, police jargon and ten codes. But it is often the most effective way to communicate and gives a sense of community among its users.

The history of the development of modern English in the legal field

English contains elements from many different European languages, and has borrowed words from many other languages. It is impossible to understand how these factors affect the language without understanding the history of the British Isles.

Before the Roman invasion in 55 BC, the inhabitants of Britain spoke a Celtic dialect. The Latin language left little trace until Saint Augustine arrived in 597 AD to preach Christianity. Latin words are regularly used in English, especially in the professional language. For example, in the legal profession, Latin phrases such as *in-teralia* (among others) and *perse* (by itself) remain in the present day.

Subsequently, the Angles, Saxons and Jutes invaded the British Isles from Northern Europe. The language they brought with them forms the basis of what is known as Old English. This gives us the 100 most frequently used words in English (words like like God, man, woman, child, love, live, go, at, to)

Vikings began raiding the north-east of England from Scandinavia starting from the 8th century. Later, a significant number of Vikings settled in the so-called Denlo (area of Danish law), bringing with them their own language (traces of which can be seen, for example, in numerous volumes in the north-east of England (and Scotland) in words ending in -by or -thorpe, -wick, -hami in words such as egg, husband, law, take, knife).

In 1066, the Normans invaded and conquered England from Northern France.

Words such as court, parliament, justice, sovereign and marriage appear during this period.

Later, the British borrowed words such as *chauf-feur*, *bourgeois*, *elite* from French. As the British Empire expanded, there were further opportunities to borrow words.

The result of such a variety of linguistic influences is a rich and diverse language with complex grammar and many synonyms.

Legal English reflects the mix of languages that created the So-English language. Modern legal English has taken a lot from French and Latin. After the Norman invasion of England in 1066, French became the official language of England, although most ordinary people still spoke Middle English. For almost 300 years, French has been the language of legal proceedings, as a result of which many words in modern legal usage have their roots in that period. These include property, estate, chattel, lease, ex-ecutor and tenant.

During this period, Latin remained the language of official fathers and charters.

However, despite the fact that educated people spoke Latin fluently, it never became the language of legal defense or debate.

Therefore, for several centuries after the Norman War, there were three languages in England. English remained the spoken language for the majority of the population, but almost all writing was done in French or Latin. Middle English was not used in legal matters.

In 1356, the law on the admission of guilt (in French) was passed. He stated that all legal proceedings should be conducted in English, but should be written in Latin. Nevertheless, the use of French in legal papers was still observed in the seventeenth century in some branches of law. In this later period, new branches appeared, in particular, the branch of commercial law began to develop entirely in English and remained relatively independent of French terminology.

As the printed word became more widely used, some writers made efforts to master words borrowed from the Latin language in order to give their text a visible complexity. Some legal words were taken in this way from Latin – adjacent, frustrate, inferior, legal, quiet and subscribe. Some writers have also started using Latin word order. This has led to the use of a style that is intentionally used to make an impression rather than to convey information. Even today, Latin grammar is responsible for the unusual word order of legal documents

. English was adopted for various types of legal documents at different times. Legal documents began to be written in English around 1400. The statutes were written in Latin before 1300, in French before 1485, in English and French for several years, and in English since 1489.

Each language reflects the specifics of the relevant legal system. [1] The variety of approaches to the perception of the system of language, first of all, testifies to the complexity, multidimensionality, complexity, inconsistency and variability of the language system itself, its levels and units. Practical activity on the creation of terms takes place in the process of the development of the material and spiritual culture of peoples. “The history of terminology in any sphere of science, culture, or industrial activity is at the same time a story about the patterns of development of knowledge about nature and society.” [2]

Terminology is the basis of the language of science. The analysis of the laws and peculiarities of terminology development is the primary task of terminology as a science, since “without this, modern terminology is in danger of becoming a purely descriptive science, fixing certain aspects of the layers of special vocabulary.” [3]

The historically established English language system is difficult to learn. And there are four main factors that make English difficult to master:

1. Inconsistency of grammar rules. We have seen that the English language is a product of various linguistic traditions. One of the results of this is the relative lack of consistency of grammatical rules. Prepositions are a prime example of this.
2. Extensive vocabulary. There are many different ways to say the same thing in English. This is due to the fact that the English language relies on various linguistic structures. For example, if you want to say that something was legal or permissible, you can use the Old Norse (Scandinavian)-derived word lawful.

In addition, you can use Latin derivatives of words, for example – legitimate. Or, if you wanted a more emotional word, you could use the old English word right. Another example is when it comes to employment; you can say calling, career, profession, employment, job, work, occupation or vocation.

3. The use of phrasal verbs in English (and legal English). For example, put down a deposit and enter into a contract. These combinations must be studied individually because they involve the use of a verb with a preposition or adverb, or both at once; and, as noted above, prepositions do not follow grammatical rules.
4. Using idioms. Idioms are groups of words whose combined meaning differs from the meanings of individual words. For example, the expression over the moon means "happy". Idioms are often found in ordinary English – they represent a distinctive element of how native English speakers use the language. They are less common in

legal English, but exist in certain legal jargons. For example, the expression on all fours is used to denote the facts of a case that correspond exactly to the facts of the previous case.

One of the main reasons why legal language is sometimes difficult to understand is that it is often very different from ordinary English. This is reflected in two points:

1. "Unwritten" rules for writing written documents, or conventions. Letters are different: sentences often have oddities, structures and punctuation are insufficiently used, sometimes there are foreign-language phrases that are used instead of English phrases (for example, inter alia, instead of among others), pronouns are used (the same, the aforesaid, etc.), and you can also find unusual and unusual word combinations (null and void, all and sundry).
2. The use of a large number of complex words and phrases. They fall into four categories.

The first category is general legal terms

This category includes technical words and phrases that have precise and fixed legal meanings that usually cannot be replaced by other words. Some of them will be familiar to the non-specialist (for example, patent, share, royalty). Others, as a rule, are known only to lawyers (for example, bailment, abatement).

The second category is highly specialized legal terms (legal jargon).

General legal terms should be distinguished from legal jargon. Legal jargon includes words used by lawyers that are difficult for non-lawyers to understand. Slang words range from almost slang to almost technically accurate words. Well-known examples of boiler plate clause and corporate veil jargon.

Jargon includes a number of archaic words that are no longer used in ordinary English.

This category includes words such as annul (to explain something, for example, a contract or marriage, no longer legally binding) and bequest (to transfer as hereditary property, except land).

It also includes some obscure words that have highly specialized meanings and therefore occur infrequently, only in legal documents. These include words such as emoluments (human earnings, including salaries, tariffs, wages, profits and benefits in kind) and provenance (the origin or early history of something).

Slang words should be replaced with equivalents in ordinary language wherever possible.

The following category includes terms whose legal meaning may differ from the general meaning. There is also a small group of words that have one meaning as a general legal term and another meaning in ordinary English. One example is the word distress, which, as a legal term, means the seizure of goods in order to ensure the fulfillment of an obligation. In ordinary English, this word means anxiety, pain, or exhaustion. Here are some more examples.

The word and its legal and its usual meaning:

Table 1

<i>Consideration</i> in legal English means an act, forbearance, or promise by one party to a contract that constitutes the price for which the promise of the other party is bought. Consideration is essential to the validity of any contract other than one made by deed.	<i>Consideration</i> in ordinary English mean: (1) careful thought, (2) a fact taken into account when making a decision, (3) Thoughtfulness towards others.
<i>Consideration</i> на юридическом английском языке означает действие, рассмотрение или обещание одной стороны к договору, которое составляет цену за то, что обещала другая сторона купить. Рассмотрение необходимо к сроку действия любого договора, кроме того, который свершают на деле.	<i>Consideration</i> в обычном английском языке означает: (1) тщательно продуманный (2) факт, принимаемый во внимание при принятии решения, (3) заботливость по отношению к другим.
<i>Construction</i> in legal English means interpretation. 'To construe' is the infinitive verb form of the term.	<i>Construction</i> in ordinary English means: (1) the action of constructing [e.g. a building]; (2) a building or other structure; (3) the industry of erecting buildings.
<i>Construction</i> на юридическом английском языке	<i>Construction</i> в обычном английском языке

<i>означает толкование.</i>	<i>означает: 1) сооружение; (2) здание или другое сооружение; (3) строительство</i>
Redemption in legal English means the return or repossession of property offered as security on payment of a mortgage debt or charge.	Redemption in ordinary English usually means Christian salvation.
Redemption на юридическом английском языке означает возврат или изъятие имущества предлагается в качестве обеспечения по оплате ипотечного долга или обязанности.	Redemption в обычном английском языке обычно означает Христианское спасение.
Tender in legal English means an offer to supply goods or services. Normally a tender must be accepted to create a contract.	Tender in ordinary English means: (1) gentle and kind; (2) (of food) easy to cut or chew; (3) (of a part of the body) painful to the touch; (4) young and vulnerable; (5) easily damaged.
Tender на юридическом английском языке означает предложение поставки товаров или услуг. Обычно тендер должен быть принят для создания контракта.	Tender на обычном английском языке означает: (1) нежный и добросердечный; (2) (еды) легкий для того чтобы отрезать или (3) (части тела) тягостный к прикосновению; (4) молодые и уязвимые; (5) легко повреждается.

1. Martynova N.A. Structure and features of the terminological vocabulary of international law (on the example of English and Russian languages) // science and practice. 2015. No. 1 (62). pp. 157-161.
2. Vinogradov, V.V. The problem of authorship and the theory of styles. - M.: Goslitizdat, 1961. - 614 p.
3. Grinev St. Introduction to Terminology. - M.: Moscow Lyceum, 1993. -309 S.
4. Z. Khasanova. S. Sublanguage and terminological system: correlation and specificity of terminological units [text] / Z. M. Frolov. S. Khasanova // A young scientist. — 2013. — No.2. — pp. 224-232
5. Tsarev, P. V. Compound words; Meshkov, O. D. Word formation of the modern English language. M. : Nauka, 1976. 246 p. (or is it Ivanova, Because Foreign-language components in the word formation of Russian and English languages // izv. Volgograd. ped. un-ta. The Serb. Philol. sciences. 2011. No. 7 (61). p. 45.)
6. Martynova N.A. Structure and features of the terminological vocabulary of international law (on the example of English and Russian languages) // nauka i praktika. 2015. No. 1 (62). pp. 157-161.
7. Pitler, Howard; Hubbell, Elizabeth R.; Kuhn, Matt. Using Technology with Classroom Instruction that Works, 2007.
8. Shyamlee, Solanki D. "Use of Technology in English Language Teaching and Learning": An Analysis, Medias and Culture IPEDR, Vol.33 J. Of College Of Education For Women, vol. 27 (6), 2012. – 2016- 2191
9. Wright, A. Picture for language learning. Tianjin: Nan Kai University Publishing House, 2003.

Martynova N.A.

Historical and social prerequisites for the development of the legal terminology system

*Oryol Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
(Russia, Orel)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-129

Abstract

This article deals with the studying of historical and social prerequisites for the development of the legal terminology system in order to help to master the process of linguistic education. Moreover, article contains the analysis of the linguistic and non-linguistic factors influencing the process of professional education.

Keywords: professional competence, historical and social prerequisites, linguistic education, professional education.

Аннотация

Данная статья посвящена изучению исторических и социальных предпосылок развития юридической терминологической системы с целью содействия овладению процессом лингвистического образования. Кроме того, статья содержит анализ лингвистических и неязыковых факторов, влияющих на процесс профессионального образования.

Ключевые слова: профессиональная компетентность, исторические и социальные предпосылки, лингвистическое образование, профессиональное воспитание.

The study of the structure and use of terms in the field of law allows us to deduce the basic patterns and methods of education. Knowledge of the forms and options for the creation of terms and terminological formations helps to understand the essence of the phenomena that arise when interacting with foreign legal systems, and to explain the meaning of realities characteristic of legal systems of other countries and laws that are absent in our system.

The established terminology base in the legal field allows a specialist to effectively exchange professionally relevant information, and, consequently, effectively interact and fulfill their professional duties. The skill of effective communication is the essence of communicative competence, the formation of which is aimed at teaching a foreign language in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Thus, the formation of a foreign language communicative competence is one of the main goals of teaching a foreign language in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, which is a means of achieving another common goal - the development of professional competence of the student. Foreign language communicative activity contributes to the formation of professional communicative competence among students and ensures their successful professional activity in the future, being enriched by appropriate knowledge, skills and abilities in the process of educational and professional activity.

Foreign-language professional communicative competence should be considered as a resource quality, which acts as the basis for the formation of a professionally competent specialist and, therefore, should be taken into account when designing educational programs of a new generation.

One of the main characteristic properties of the term can be considered motivation. The motivation of a term is currently understood to mean its semantic transparency, the property of its form to give an idea of the concept called by the term (Grinev, 1993, p. 171). The very sign of motivation of a word is often associated with modality. We believe that very often terms with an internal form tend to a possible manifestation of evaluation in the structure of terminological meaning, for example: robber, blackmail, murder and others.

In accordance with all of the above, we turned to legal terms and concepts of the English language, considering the legal terminology system to be one of the most important industry terminology systems.

The need to study the legal terminology of the English language as a system is due to a number of reasons: firstly, the constantly growing interest of linguistics both in terminological units as a whole and in individual sectoral terminological systems; secondly, the lack of precise elaboration of the structure of complex terminological systems of diversified sciences, to which English law belongs; Thirdly, there is a small study of the features of the systemic organization of the lexicon of law and the evolution of systemic relations of legal terms in the English language. The explanation for this lies primarily in the complexity and originality of the law itself, as well as in historically established cultural and legal customs related to law enforcement.

The basis for the formation of the terminology of law in ancient Saxon England was the commonly used vocabulary, which could contain an evaluative element in its semantic structure; a small number of borrowings could not have a decisive influence on the development of the legal terminological system.

The consistency of terminology is predetermined by its strict dependence on the conceptual system of scientific knowledge. As a result, the terminology of English law is characterized by two types of systemic relations – classification and correlation.

The first group includes legal terms that express general concepts: courts, administrative courts, arbitration courts.

The second group includes terms that express private concepts - the names of judicial institutions and non-judicial institutions that resolve civil disputes: county courts (county courts), magistrates' courts (magistrates' courts), the Crown Court (the Crown Court), the disciplinary court of solicitors (the Solicitors' Disciplinary Tribunal).

The third group includes terms denoting the names of institutions that are part of the judicial system of England, but are not involved in the resolution of civil disputes and criminal cases: county police, Metropolitan Police, Council of Barristers (Council of the Bar), the Society of Solicitors (Inn of Chancery).

The term bar denotes the legal institution of the bar, which implements the right to defense. It has the same ancient roots as the institution of the court. During the duel, the accused party had the right to defend himself, therefore, the Institute of advocacy is a universal legal concept present in any modern society. The term bar has the meaning in English legal terminology of "all barristers or lawyers who are members of the Inns of Court" (Dictionary of Law, 1995, p.21).

Generic concepts express terms of the first group, which are hyperonyms for hyponymous terms expressing specific concepts of the second and third groups.

The second microsystem of terms includes three groups of legal terms that express the range of competencies of institutions and officials.

General concepts related to the jurisdiction of institutions and officials are expressed in terms of the first group: jurisdiction (competence) – jurisdiction, jurisdiction; justice – justice, justice. Each such term is a hyperonym for other terms expressing particular generic concepts, and expresses a generic concept.

The second group of terms expresses particular concepts that are defined by the specific competencies of judicial and non-judicial institutions and officials. It consists of two groups of legal terms that are united by hyper-hyponymic relations.

For example, the terms of the first group of competence or jurisprudence for some terms of the second group are hyperonyms: continuing jurisprudence - jurisdiction arising from previous consideration of cases, contentious jurisprudence — a matter considered in dispute between the parties, criminal jurisprudence - criminal jurisdiction, supervisory jurisprudence - supervisory jurisdiction, appellate jurisprudence - appellate jurisdiction, etc.. The term justice, which belongs to the first group, is a hyperonym for such hyponymic terms as dissenting justice – dissenting justice, administrative justice – administrative justice, justice's justice – world justice, which belong to the second group.

The legal terms expressing the participants of the judicial system of England (legal profession) are combined into a third microsystem. It is based on genus-species relations expressed in terms of concepts. This microsystem is formed on the basis of two main groups:

The first group includes all English legal terms that express generalizing concepts. The terms of the first group express generic concepts and are hyperonyms for the terms of the second group, which express specific concepts.

Law arose as a reaction of society to the objective need to have a more rigid and imperious (imperative) regulator of social relations, equipped with coercive force, because moral and other moral norms could no longer cope with this task.

Historically, the first political institution, the most important and the largest was the state. The vital needs, first of all of the material order, underlie the origin of the state. At the same time, law and power arise as interrelated concepts. They are inconceivable without each other. Nevertheless, the state and law are relatively independent phenomena, and their identification is unacceptable, the distance between them still remains.

The term, like the word, fixes and consolidates the result of human labor activity. That is why the legal term is a cultural and historical phenomenon, the basis of the process of legal thinking performs the functions of a source and keeper of information, thanks to which a person can refer to the experience of previous generations.

In the Old English period, it was almost impossible to talk about a single system structure of the proper legal vocabulary, since the legal concepts that corresponded to the vocabulary of law were inseparable from the religious sphere and the sphere of social ties (marital and tribal). People's behavior was predetermined by the customs of the area. During this period, there was still no unified technique of justice, but the legal profession, in our opinion, has already arisen, since one can find terms of that period that indicate persons involved in the trial (aldor-frea, eldordema, mund-bora, anspeca, gewitness, forespeca). The presence of lexical and thematic groups of legal terms that denoted

lawful actions, criminal acts, types of punishments and reparations for violations, judicial authorities, administrative units, etc. determined the local nature of law.

The organization of the legal vocabulary of the Old English period was characterized by unification into lexico-thematic groups, on the one hand, and the presence of a large layer of vocabulary, characterized by the unity of common, religious or social and terminological meanings, on the other hand. 55% of the total volume of the studied layer of legal vocabulary was noted for legal terms used only in a legal context. Common words – the same terms made up 45% of all studied legal terms, which is explained by the specifics of the legal system of that time, namely the lack of uniform laws and centralized justice bodies. Verbal phrases were the most productive at the initial stages of the formation and functioning of English legal terms.

Each language reflects the specifics of the relevant legal system. [1] The variety of approaches to the perception of the system of language, first of all, testifies to the complexity, multidimensionality, complexity, inconsistency and variability of the language system itself, its levels and units. Practical activity on the creation of terms takes place in the process of the development of the material and spiritual culture of peoples. “The history of terminology in any sphere of science, culture, or industrial activity is at the same time a story about the patterns of development of knowledge about nature and society.” [2]

Terminology is the basis of the language of science. The analysis of the laws and peculiarities of terminology development is the primary task of terminology as a science, since “without this, modern terminology is in danger of becoming a purely descriptive science, fixing certain aspects of the layers of special vocabulary.” [3]

The laws of the Anglo-Saxon kings were formulated as a condition with the appropriate use of conjunctions with a conditional meaning, which can be considered as one of the universal ways of linguistic realization of the internal logic of the law. Hyper-hyponymic relations of law could not exist during this period for the reason that a hierarchy of legal concepts on a generic basis had not yet been built.

Due to the fact that Old English law did not have a systematic organization, i.e. legal concepts were not formed into an orderly hierarchy, the legal vocabulary, which corresponded to the concepts of the legal sphere, was not organized in the form of any hierarchy (scheme).

From the point of view of semantics, the legal vocabulary of the Old English period, like any other units of the language, was divided into unambiguous and polysemous (domboc – code of laws, book of statutes, handbook of jurisprudence). The peculiarity of the polysemous legal vocabulary of the Old English language, like all ancient ambiguous words, was their broad meaning. Among the multi-valued units of law, a whole group stood out, combining in its semantic structure the meaning of "crime" and "punishment for this crime": slaly – stealing / fine for stealing; burgbryce – breaking into dwelling/ penalty for that offence. The main part of the polysemous vocabulary consisted of broad-meaning legal terms that belong to the group by type of meaning: commonly used words-legal terms. Since, by virtue of their broad meaning, the polysemous terms of law of that period did not classify concepts of the legal sphere, they did not perform a system-forming role and could not be an indicator of the systemic organization of the lexicon of law.

The primordial nature of the Old English terminology of law is one of the main reasons for the existence of evaluative legal terms.

In the Old English period, three methods of legal vocabulary formation were used: morphological, lexico-semantic and syntactic methods. The morphological one, which was the most productive, was represented by word composition and word production (suffixation, prefixation and prefix-suffixing method). Lexico-semantic relations in the Old English language were represented by the relations of variety, synonymy and antonymy. The composition of synonyms was not numerous (5.3%). One of the signs of the consistency of industry terminology is a well-developed system of synonymous relations, which suggests that the terminology of law has just begun to develop. Like many researchers, we believe that in the Old English period, the phenomenon of variation was more widespread than the phenomenon of synonymy. We analyzed the interword variants, which accounted for 60.3% of the legal terms of the Old English period. The number of intra-word variants was

significantly lower - 33.7%. The intraverbal variants were divided into five subgroups: phonetic, affixal, composite-affixal, composite and syntactic variants-the terms of law. In the period under review, examples of terms that at first glance had different meanings, but were united by a common meaning (brego - ruler, chief, king, lord) were noted. 89.8% of such examples were noted when the meaning of the term covered a wide conceptual area without a clear allocation of LSV in its meaning. Among the polysemous terms, a group of 10.2% terms was identified in the semantic structure of which there was a clear movement from undifferentiated expressed concepts to their clearer differentiation.

The antonymic relations of the Old English vocabulary were represented by three types: contrarian, contradictory and converse antonyms. Due to the underdevelopment of the legal system, the number of antonymic pairs was insignificant.

The Old English vocabulary of law did not possess signs of a systemic organization, but both at the logical and conceptual, and at most linguistic levels - semantic, word-formation and lexico-semantic levels, systemic relations have already begun to be laid.

One of the important consequences of the Norman conquest was the introduction of a centralized system of government, and, consequently, a strict centralized system of courts throughout the country.

In the Middle English period, the lexical composition of legal terminology underwent significant changes: the lexicon of law was updated by 90%, which was primarily due to the establishment of the Norman legal system, as well as the continuity of semantic links between legal vocabulary and vocabulary of other spheres in ancient society. The Norman legal system led to the borrowing and assimilation of foreign-language legal terms. Legal terms were borrowed to denote legal concepts of various groups: concepts related to the administration of justice; church concepts; concepts related to the management of the state; officials; economic concepts; criminals, etc. The most important factor influencing the organization of the legal vocabulary of the Middle English period was the extralinguistic factor.

The system of law of the Middle English period is a system that included the field of organization and government of the state, the sphere of ecclesiastical jurisprudence, and the legislative field of administration of justice. All the main features of English law of that time are reflected in the meanings of the basic legal terms "decree (-g-) decree, dom". The listed terms had the meanings of "judicial decisions", "law", as well as "common law as a set of laws", which is also not accidental, since the Middle English period was characterized by a single, universally valid judicial system.

The lexical and semantic relations of legal terms were represented by the relations of variation, synonymy and antonymy. Lexico-semantic relations of similarity of features were characteristic of two subtypes of relations: for variants that did not differentially express the concept of law and for synonymous variants that differed in peripheral semantics. Variants-the terms of law differed at the level of phonetic, morphological and syntactic features. As a result, the following were distinguished: phonetic, morphological, affixal, composite and syntactic variants-terms of law.

As for antonymy, it was represented by contradictory, contrarian and converse antonymic terms of law. The opposite of meaning was achieved both at the level of single-root terms using antonymic affixes, and at the level of multi-root terms.

The second group includes terms that are the names of officials working in the English court system. Among those who are professionally engaged in legal activities and other participants in justice, there are: two levels of lawyers – solicitors and barristers, judges, jurors and other executive persons (legalexecutives). Each category of persons performs its functions in a process called the administration of justice (A.K. Romanov, 2000; Ph.S.James, 1989).

1. Martynova N.A. Structure and features of the terminological vocabulary of international law (on the example of English and Russian languages) // science and practice. 2015. No. 1 (62). pp. 157-161.
2. Vinogradov, V.V. The problem of authorship and the theory of styles. - M.: Goslitizdat, 1961. - 614 p.
3. Grinev St. Introduction to Terminology. - M.: Moscow Lyceum, 1993. -309 S.

4. Z. Khasanova. S. Sublanguage and terminological system: correlation and specificity of terminological units [text] / Z. M. Frolov. S. Khasanova // A young scientist. — 2013. — No.2. — pp. 224-232
5. Tsarev, P.V. Compound words; Meshkov, O. D. Word formation of the modern English language. M. : Nauka, 1976. 246 p. (or is it Ivanova, Because Foreign-language components in the word formation of Russian and English languages // izv. Volgograd. ped. un-ta. The Serb. Philol. sciences. 2011. No. 7 (61). p. 45.)
6. Martynova N.A. Structure and features of the terminological vocabulary of international law (on the example of English and Russian languages) // nauka i praktika. 2015. No. 1 (62). pp. 157-161.
7. Pitler, Howard; Hubbell, Elizabeth R.; Kuhn, Matt. Using Technology with Classroom Instruction that Works, 2007.
8. Shyamlee, Solanki D. "Use of Technology in English Language Teaching and Learning": An Analysis, Medias and Culture IPEDR, Vol.33 J. Of College Of Education For Women, vol. 27 (6), 2012. – 2016- 2191
9. Wright, A. Picture for language learning. Tianjin: Nan Kai University Publishing House, 2003.

Martynova N.A.

Professionally Oriented Language As A Reflection Of Police Culture

*Oryol Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
(Russia, Orel)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-130

Abstract

This article deals with the studying of professionally oriented language as a reflection of police culture in order to help to master the process of linguistic education. Moreover, article contains the analysis of the linguistic and non-linguistic factors influencing the process of professional education.

Keywords: professionally oriented language, police culture, linguistic education, professional education.

Аннотация

Данная статья посвящена изучению профессионально ориентированного языка как отражения полицейской культуры с целью содействия овладению процессом лингвистического образования. Кроме того, статья содержит анализ лингвистических и неязыковых факторов, влияющих на процесс профессионального образования.

Ключевые слова: профессионально ориентированный язык, полицейская культура, лингвистическое образование, профобразование.

The language of "in uniform" suggests that the language of instruction and training is a part of life for some men and women in uniform, whether in military or police roles. While this may not seem to be an integral component of military and police activities, members of the defense and law enforcement forces are often called upon to participate in national and international events that require understanding languages other than their own. Law enforcement and security have become part of international politics with the participation of police forces involved in international law enforcement initiatives and military personnel involved in international deployments, whose activities require language education and training. In some cases, it is the language of international interaction, such as English or French, as in NATO operations. In other cases, it is the language of the country where the employees are stationed. Around the world, police and military personnel also face language issues in their internal security responsibilities, including interacting with foreign tourists and community members who speak any number of languages.

The approach to language learning in these sectors is usually one of developing general knowledge. Having general language guidance at a functional and/or professional level will provide the necessary basic skills to manage any additional language requirements within the framework of the work. This approach makes it possible to coordinate the assessment with a scale of qualification assessments consisting of sets of abstract statements about the performance of the language, grouped and graded into groups from the minimum to the advanced level. There may be situations where such qualification systems do not refer to specific context requirements, such as military or police work.

Over the past three to four decades, study programs for international students and immigrants have developed robust formulations for specific approaches, such as English for Academic Purposes (EAP) and English for Employment Purposes (EEP). Recently, it has been recognized that military and police personnel often have to perform specific and routine tasks. Combined with budgetary constraints, this meant that organizations responsible for military and police language training began to adopt different approaches. However, a relatively new level is being used in the field of defense and policing, and it is for this reason that these areas combine recent examples of use in the defense and security sectors from around the world. Examples from Europe, Southeast Asia, Australia and North America are presented. They represent various uses of the language and range from lesson plans by individual teachers to the organization-wide development of educational programs in selected language educational institutions, as well as the language Advisory Council and the university research center "Answers to questions about the supplier and standardization of testing".

The assessment examines examples of skill assessment, skill assessment, and competency-based assessment in military language programs, which note the uneasy relationship between these types of assessment.

The emergence and development of the English vocabulary of law enforcement agencies is understandable from the point of view of historical sociolinguistics. An example is the appearance of the corpus dictionary.

The police terms of the 19th and 20th centuries are the starting point of several significant semantic fields reflecting key concepts: titles, duties and powers, names of police officers, equipment, instruments of crime, punishment. The names of police officers are presented diachronically (19th century vs. 20th century) and synchronously (level of formality), defining the law at key moments as a self-governing institution. Individual rows of words are associated with a great development of history. Historical sociolinguistics shows the connection between language and society, reflected in its historical dimension. The relationship between activity and vocabulary is presented here. Specialized vocabulary and its development are closely linked to the evolution of the user community, since "Language is the living history of the human soul." UK law enforcement agencies have developed specialized terminology since the first attempts to regulate the work and duties of the police in the 14th century. Two key time milestones – the 19th and 20th centuries – are characterized by stability, order, the value of regulation, as well as innovation. These features can be clearly seen and standardized by clarifying and correcting the English language. Thus, we target the corpus semantically and imply socially conditioned lexical evolution. There is a clear sociolinguistic relationship between social status or function, the speech community and the register or oral legacy left by it. All events have linguistic consequences, some more direct than others: the perception of classes and gender belonging to the police, the old and new police, reforms, the emergence of professional crime and criminals, the Police Act of 1919, pre-war outbursts of crime, the creation of a Police Department, arbitrariness and corruption in the police, the invention of the automobile and a telegraphic message. Only by combining the history of these words with the historical background or meanings and social determinants of the language can we trace the complex changes in the frames of this specialized language. To identify the features of specific terminology, its relationship and coincidence with a non-specialized language, it is necessary to turn to the functional assessment of the language. The emergence of law enforcement agencies as a self-governing social entity associated with the influence of other systems contributed to the formation of a body of narrow specialized vocabulary. Unlike the field of legal sciences, texts are not its main object. However, well-established institutional frameworks, traditions, ideology and reforms attribute limited meaning to some elements in the lexicon of law enforcement agencies or police terms. Political terminology is studied, not police discourse, which gives special importance to lexemes, regardless of which semantic field they relate to. The study of these points indicates that the lexemes partially cover a strictly linguistic area and approach the corresponding social, cultural and even political phenomena. Like any specialized dictionary, the thesaurus of law enforcement agencies, on the one hand, contains frequently used common words included and specifically designated in common dictionaries, selected by frequency (police, crime, punishment). On the other hand, there is a set of words that partially overlap other specialized lexical fields – military, legal, and social sciences.

In the course of this process, the relevance and primary use of terms (series, form, law) is challenged. The third component is the technical, strictly specialized series of concepts characterized by uniformity (E-fit, handcuffs), which are the trademark of the dictionary of law enforcement agencies.

Each language reflects the specifics of the relevant legal system. [1] The variety of approaches to the perception of the system of language, first of all, testifies to the complexity, multidimensionality, complexity, inconsistency and variability of the language system itself, its levels and units. Practical activity on the creation of terms takes place in the process of the development of the material and spiritual culture of peoples. "The history of terminology in any sphere of science, culture, or industrial activity is at the same time a story about the patterns of development of knowledge about nature and society." [2]

Terminology is the basis of the language of science. The analysis of the laws and peculiarities of terminology development is the primary task of terminology as a science, since "without this, modern terminology is in danger of becoming a purely descriptive science, fixing certain aspects of the layers of special vocabulary." [3]

Khudyakov A.A. proposed to divide all statements into two types of constatives and performatives. Also J. Austin characterized some statements as describing some events or fragments of events in a non-linguistic world. They are called constatives. And those that are, in fact, an action, or an act of a verbal nature, are called performatives. Both types are found in the texts of the interrogation protocols of the suspect.

In this study, we examined the protocol of the suspect's interrogation in order to find signs of an official business style in it and determine the type of speech act recorded in the second part of the protocol.

The first part of the interrogation protocol of the suspect is an example of an official business style text that has all the main characteristics: conservatism, specific syntactic turns, dryness and compactness of speech, absence of emotionally colored words, and most importantly - language cliches and cliches. This is explained by the purpose of the first part of the interrogation protocol of the suspect. In the first part, the investigator records information concerning the identity of the suspect and obtained from various sources: identity documents, witness statements and information bases of the Ministry of Internal Affairs.

The second part of the protocol is aimed at clarifying the circumstances of the case. And this task determines the form and linguistic content of the second part. We examined the types of speech act according to various classifications and applied them to analyze the speech act recorded in the protocol of interrogation of the suspect. Despite the fact that according to the characteristics of different authors, the speech act recorded in the protocol of interrogation of the suspect belongs to different types, there is a pattern that it belongs to those types that characterize the speech action aimed at communicating information, stating facts, clarifying the situation.

Khudyakov A.A. proposed to divide all statements into two types of constatives and performatives. Also J. Austin characterized some statements as describing some events or fragments of events in a non-linguistic world. They are called constatives. And those that are, in fact, an action, or an act of a verbal nature, are called performatives. Both types are found in the texts of the interrogation protocols of the suspect.

The advantage of grouping words in semantic fields is that they show a greater burden on semantic changes, which can subsequently be associated with the structure of society itself. The volume of such a field shows the difference in the sizes of both categories, linguistic and social, as well as interesting variations, even if they are not completely predictable. Thus, the development of English vocabulary is reflected in lexical changes. These include: the invention of new terms by naming new referents, the removal of outdated words from the dictionary, borrowings (sergeant, constable); changes in meaning, generalization, specialization (constable), clarification of meaning, euphemisms. When constructing lexical fields, we start from the center to the outer borders, from the prototype to the periphery: the same word can appear in different fields and dictionary entries. Some semantic functions may be different, they may have other uses, in basic vocabulary or as part of other specialized dictionaries. Thus, research can be both paradigmatic and syntagmatic, considering,

according to descriptive features, nouns, adjectives, glares and collocations (adjective-noun, verb-noun), defined as part of the vocabulary of law enforcement agencies (convicted, criminal, illegal immigrants, drug trafficking, blood sampling, seizure of assets, modus operandi, operation, criminal record). The basic terms defined by the general context and frequency, as well as specialized meanings, form the basic lexicon. The analyzed corpus includes many lexical subjects. They are provided with their definitions with various meanings from dictionaries, encyclopedias, thesauruses and corpus, which provide a useful tool for the study of semantic relations: Oxford English Dictionary, Encyclopedia Britannica, Oxford Dictionary of Law, Oxfordian Thesaurus, (police and law enforcement agencies under the heading "Society"), WordNet (hierarchical relations between words), The Longman Lexicon of modern English (sections "courts" and "legal work"), the British National Corpus. In addition to linguistic sources, we also use materials describing the institution of law organized in hyponyms (leadership, police tactics, history of the British police, etc.) and even images (linking mental vocabulary with a pictorial thesaurus for terms).

Another source is the documentation following the creation and development of the law. From such a document, we find that one of the first names attached to police officers in Britain at the end of the 18th century used a metonymy that indicated the address where the police camp was. This information has historical and linguistic significance and is part of a complex corpus of specialized meanings. The first step in creating such a corpus was to list all police conditions and select central terms according to frequency and relevance. The next step was to create semantic fields and distribute other components in the selected fields in accordance with hyponymy, synonymy and metonymy. Thus, the words reflect the institutional components: ranks, means of transport, uniforms and equipment, crimes, institutions.

These ranks include the terms constable, sergeant, duties and powers, to suspend, search, arrest and detain, life and property, identify and arrest criminals, formal, constable, detective, policeman, police, officers, unofficial, bobby, weapons, vehicles, car, helicopter, horse, bicycle, moto-cycle, van, transportation, equipment, protection, helmet, bulletproof vest, whistle, torch, seat belt, insignia, radio, composition, building, units, metropolitan police service, murder, wear, assault, crimes against property, fraud, fraud, cybercrime, theft, burglary, arson, theft, shoplifting, serious, death penalty, life imprisonment, punishment, light, term.

One of the types of lexical changes is the appearance of new words invented, borrowed from the predecessors of the police (army, administrative and legal institutions) and other languages (mainly from French: sergeant, constable). Another type of lexical change is the removal of obsolete words from use. A change in meaning over time is a process associated with the replacement of new social needs (a constable who was once understood as an army commander), a metaphor (the long arm of the law), or a metonymy (Peelers, Bobby). Starting with a set of words selected from the Oxford English Dictionary and WordNet, a public official who complies with the law can be classified according to various criteria due to the high probabilistic potential of their possible linguistic analysis.

What distinguishes them, such tokens, is their appearance and stability over time, their level of formality or their combinations. "Bobby", for example, is not widely used in the UK now, although it can happen with a mixture of love and a slight irony in the phrase "village bobby" when applied to local police officers. The term comes from the name of Robert Peel (Bobby is an abbreviated name for Robert), the founder of the Metropolitan Police. Peeler also comes from Robert Peel; the term has mostly disappeared in the UK, but is sometimes used in Northern Ireland. Cop or Copper refers to "someone who captures or captures." Flatfoot refers to the large amount of walking that causes police officers to have flat feet. "Sweeney" is a rhyming slang derived from Sweeney Todd, who inspired the authors of the eponymous film. "Old Bill" is a term used in London and other areas where the TV series "Bill" is loved. The origin of this nickname is unclear; according to the Metropolitan Police itself, there are at least 13 different explanations. Bizzies is a common Liverpool slang for policing, invented because the police were always too "busy" to come to the rescue. Police names can be classified according to age, frequency, etymology, register, origin, mixing, mono and polysemanticism and their development. We can clearly define and distinguish the levels of formality: specialized terms

recognized by the institution, and units reflecting socio-cultural relations in society (street and criminal slang, the language of the media, detective films and short stories).

Some values show close similarity or even potentially identical sets of components, although the pros and cons do not necessarily mean the same thing. Subsequently, the semantic domain "police" can be represented on the diagram, displaying the register along the formal/informal axis and the history along the axis of archaism/ neologism.

This study offers reasoned answers to questions related to the emergence and development of specialized vocabulary. This proves the existence of an English police dictionary and the fact that this dictionary reflects the social reality of this area. The police vocabulary is organized according to the taxonomy of the police as an institution and has developed along with the institution itself, demonstrating diachronic changes similar to social changes in the described area. Future research may include a more thorough classification of word sets according to various criteria, cross-linguistic references, comparisons, and changes in the relationships between them. The diachronic and synchronic aspects of the terminological field may eventually be evidence of the development of the vocabulary of English law enforcement agencies over the centuries

The possibility of voluntary cooperation between citizens and law enforcement agencies largely depends on the development of civil and legal culture, which is the basis of social responsibility. A. Lawton, Z. VanderWal & L. Huberts (2015) conducted a global study of legal culture, including police ethics, over the past 25 years.

Some studies (Lindberg & Rantatalo, 2014) rate the psychological characteristics and competencies of police officers so highly that they compare them with doctors. However, other studies (Meine & Dunn, 2013) focus on ethics, and thus further complicate the already difficult professional activities of police officers.

1. Martynova N.A. Structure and features of the terminological vocabulary of international law (on the example of English and Russian languages) // science and practice. 2015. No. 1 (62). pp. 157-161.
2. Vinogradov, V.V. The problem of authorship and the theory of styles. - M.: Goslitizdat, 1961. - 614 p.
3. Grinev St. Introduction to Terminology. - M.: Moscow Lyceum, 1993. -309 S.
4. Z. Khasanova. S. Sublanguage and terminological system: correlation and specificity of terminological units [text] / Z. M. Frolov. S. Khasanova // A young scientist. — 2013. — No.2. — pp. 224-232
5. Tsarev, P.V. Compound words; Meshkov, O. D. Word formation of the modern English language. M. : Nauka, 1976. 246 p. (or is it Ivanova, Because Foreign-language components in the word formation of Russian and English languages // izv. Volgograd. ped. un-ta. The Serb. Philol. sciences. 2011. No. 7 (61). p. 45.)
6. Martynova N.A. Structure and features of the terminological vocabulary of international law (on the example of English and Russian languages) // nauka i praktika. 2015. No. 1 (62). pp. 157-161.
7. T. Galushko. G. On the question of the evolutionary paradigm of language // www.amursu.ru/vestnik/3/
8. L. Barmina. A., Verkhovskaya I. N.P. English language workshop: Articles. - M.: Nauka, 2000
9. Wright, A. Picture for language learning. Tianjin: Nan Kai University Publishing House, 2003.

Martynova N.A.

**The Communicative Ethics of Police Officers and
Its Impact on the Formation of Professional Competence**

*Oryol Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
(Russia, Orel)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-131

Abstract

This article deals with the studying of the communicative ethics of police officers and its impact on the formation of professional competence in order to help to master the process of linguistic education. Moreover, article contains the analysis of the linguistic and non-linguistic factors influencing the process of professional education.

Keywords: professional competence, communicative ethics, linguistic education, professional education.

Аннотация

Данная статья посвящена изучению коммуникативной этики сотрудников полиции и ее влиянию на формирование профессиональной компетентности с целью содействия овладению процессом лингвистического образования. Кроме того, статья содержит анализ лингвистических и неязыковых факторов, влияющих на процесс профессионального образования.

Ключевые слова: профессиональная компетентность, коммуникативная этика, лингвистическое образование, профобразование.

The most relevant modern literature concerning the professional and communicative ethics of police officers emphasizes the theory of ethics, which is unable to "help" investigative operations without prior psychological training of police officers and training in skills of cooperation with citizens. For example, L. May (1996) argues that professionalism (including police officers) is a sphere of constant compromises, which faces a number of problems due to their ethical content, regardless of the scope of its application. These include rapidly changing knowledge (caused by post-industrial changes and the information environment), partnerships, and social networks aimed at informing society even at the cost of disclosing investigative information. Social responsibility determines a set of unconditional obligations that police officers must comply with, regardless of the complexity of their professional actions related to voluntary cooperation. J. Weber and S. Gliptis (2000) noted that in a simulated situation of psychological communication with citizens who voluntarily agreed to cooperate with police officers, police trainees develop moral motivation, which becomes the basis of their worldview and, thus, best corresponds to the competence framework of police officers. However, understanding the essence of moral influence itself can be very useful (VanMontfort, Beck&Twiijnstra, 2013). This aspect has been studied in business, but it is also an integral part of the administrative activities of the police. Another significant part of the sources competent in matters of professional ethics of police officers refers to the results of experiments conducted in professional institutions (Bäck, 2015). For example, Belgian researchers DeSchrijver A. and Maesschalck J. (2015) argue that the impact of socialization on a police officer and his subsequent employment is extremely underestimated. According to research in Belgium, at present, recruits in the police pay almost no attention to communication competence, which can negatively affect further investigative actions and harm the investigation. In addition, the above-mentioned researchers argue that even if police academies train psychological competence skills, these skills are hardly used because of the erroneous practical aspect of psychological training: modeling in police educational institutions rarely includes real obstacles to communication. However, Scottish researchers disagree with this position (Fenwick, 2015). Thus, there is a problem of differentiated artificial communication in a situation in which an alleged police officer must have psychological competence (the elements of which were theoretically studied in advance) in real time as part of investigative operations. In addition, according to another study (Jones, 2015), police officers should also develop professional qualities while working. However, the disadvantage of research on this issue is that it does not cover the transitional stage of a police officer's personality development with regard to professional ethics, which includes the time of a police officer's internship and the time of his or her first job.

It is also necessary to take into account the previously insufficiently studied transitional stage in the development of ethical and ideological issues of police officers, which has a significant impact on public safety. In addition, it is necessary to study the various stages of this process, including both obtaining basic direct theoretical knowledge and their practical use. The results showed that the psychological profile of a police officer competent in communication consists of a three-dimensional assessment of aspects of communication (psychophysical, psychological and socio-psychological), the ability to predict the results of communication, as well as the ability to individually approach citizens who have agreed to cooperate on a confidential basis. It is worth noting that, despite the non-specific features of this profile, the ability to present such a "professional image" is an indicator of the communicative advantage of a police officer during an investigation. Recommendations for improving the psychological competence of police officers include achieving a balance between theoretical and

psychological-practical professional training. In addition, the internship of investigators should include not only an artificially modeled act of communication, but also its version adapted to reality. Reforming practical police education in the field of communication can greatly contribute to the psychological competence of police officers interested in receiving information from citizens. In addition, effective communication theoretically includes appropriate measurements in a three-dimensional coordinate system (Syromyatnikova, 2005) – at the psychophysiological, psychological and socio-psychological levels. A police officer who is competent in communication evaluates all the above levels.

- 1) The psychophysiological level. The characteristics of the nervous system have been studied: strength, dynamics, mobility, lability. The levels of stability, the attention switch, the speed of thinking, the range of memory zones, the psychomotor system and other basic psychophysiological features are evaluated.
- 2) The psychological level. The patterns of cognition, emotions and expression of will of a personality manifested in activity and behavior are determined. Their diagnosis allows you to accurately determine goals, motivation, needs, interests, inclinations, abilities and personality traits. This definition concerns a specific candidate for participation in confidential cooperation with the internal affairs bodies.
- 3) Socio-psychological level. This level is determined by the regularity of mental phenomena caused by the inclusion of an individual in social relations (social relations, stands, adaptation and socialization, communicative abilities and psychological compatibility).

The specifics of communication with persons who have agreed on assistance in investigation are considered in the study by M. Adorjan and R. Ricciardelli (2015). They describe not only the mechanism of the act of psychological communication with ordinary citizens, but also aspects of communication with mentally unstable people, such as rape victims and prisoners. In addition, the specifics of communicating with citizens who can help the investigation include racial and national tolerance (Nakayama & Martin, 2014).

Based on the above, practical psychodiagnostics and the involvement of citizens in trust-based cooperation with internal affairs agencies require professional training. Therefore, investigators must comply with a set of socio-ethical and professional requirements.

The professional and ethical standards of cooperation between a police officer and a citizen contain a number of principles, including:

- confidentiality (this principle consists in not disclosing the results without the personal consent of the person with whom the conversation was conducted);
- professional secrecy (information that should be available only to certain investigators);
- termination of moral damage (the results of the conversation do not harm the person involved in the cooperation);
- effective conversation (such conversations should be useful for a person who must meet certain requirements for cooperation).

The results of the conversation should be reported in connection with the training of internal affairs investigators, taking an individual approach. The interpretation of the language should not form an undesirable attitude that can have a negative impact on the citizen.

Each language reflects the specifics of the relevant legal system. [1] The variety of approaches to the perception of the system of language, first of all, testifies to the complexity, multidimensionality, complexity, inconsistency and variability of the language system itself, its levels and units. Practical activity on the creation of terms takes place in the process of the development of the material and spiritual culture of peoples. “The history of terminology in any sphere of science, culture, or industrial activity is at the same time a story about the patterns of development of knowledge about nature and society.” [2]

Terminology is the basis of the language of science. The analysis of the laws and peculiarities of terminology development is the primary task of terminology as a science, since "without this, modern terminology is in danger of becoming a purely descriptive science, fixing certain aspects of the layers of special vocabulary." [3]

An individual conversation is a psychological form of questioning, which, unlike a standard interview, is based on the principles of equal communication between an investigator and a citizen. Depending on the purpose of this method, the conversation can be introductory, experimental, or prophylactic. Legal consciousness as a form of public consciousness develops on a real foundation as a reflection of existing legal phenomena in human consciousness. It is a relatively independent phenomenon with its own special place and specific functions in the social structure.

The work of citizens providing assistance to investigative authorities is based on socially useful and valuable work. The exceptional importance, importance and expediency of such work lies in the acquisition, often in extremely difficult conditions that sometimes pose a danger to health and life, of information that is crucial for the timely prevention and disclosure of crimes, the neutralization of dangerous criminals and ensuring the safety and security of the State.

This work, like any other type associated with danger and risk, requires legal and social protection, which has been duly enshrined in law. Therefore, the investigator should focus on the peculiarities of human psychology, while using methods of observation and visual diagnosis.

Elementary communicative stereotypes (Derkach, 1996) are verbal stereotypes, i.e. phrases (or parts of phrases or sequences of phrases) pronounced as a whole.

The second level of communicative stereotypes forms etiquette, including speech etiquette. In this case, the spoken whole is not a separate phrase, but a combination of oral and non-verbal behavior correlated with a particular situation and the standard for it. Etiquette, it would seem, can be related either to the behavior of a particular person or to communication in a group.

However, strictly speaking, etiquette is impossible beyond the latter: a "one-sided" etiquette of behavior means that etiquette implies a "well-left reaction" from other members of communication in a particular situation.

The third and highest level of communication stereotypes is the reproduction of the act of communication as a whole in a repetitive situation.

This includes two main cases. Firstly, the reproducible act of communication can be dictated by customs or traditions - to be part of the foundation of the national culture of this ethnic group or the subculture of a certain group within the ethnos. At the same time, a stereotype can be functionally justified (for example, have a magical meaning) or purely traditional.

From the point of view of psychology, contact between people develops in three stages:

1. mutual evaluation;
2. mutual interest;
3. isolation in the form of a dyad.

In the field of investigative operations, research has already been undertaken using systems analysis. For example, D.V. Grebelsky (1988) used this method and came to the conclusion that the system of investigative frameworks of the internal affairs bodies includes an independent subsystem, which they call the information base.

Thus, the security system of secret cooperation includes four elements: the subject of management, the object of management, the relationship between them, as well as the relationship of the subject and the object of management with the external environment.

Citizens who have agreed to help the investigative authorities are under State protection, and the Government guarantees the protection of their rights and freedoms. Thus, this system makes it possible to provide safe conditions for helping confidential assistants of internal affairs bodies in the fight against crime and preventing the disclosure of the identity of trusted persons. According to many researchers, it is only a matter of effective management.

When solving any problem that may arise in the course of investigative work with assistants, it is crucial to correctly clarify and apply the norms of cooperation.

According to D. V. Grebelsky (1988), such a development of events, which facilitates the development of a scientific basis for research, is relevant both for theory and for research practice.

Facts obtained in the course of investigative work can be used as evidence if they are verified in accordance with criminal procedural procedures. This type of evidence (information, facts) goes through two stages before it is recognized as evidence: investigative activities and criminal procedures. The problem lies not in the source of the facts, but in compliance with the evidentiary procedure established in criminal law.

Despite the need to preserve such secrecy, it is impossible to guarantee absolute confidentiality regarding typical organizational and tactical actions over a long period of time. In general, the immediate danger to participants in investigative work arises only with uncontrolled disclosure. In modern discourse, the topics and limitations of discussing issues related to the investigation in the open press are defined. The basic principle of such media activity is not to violate the restrictions on information established by law, but not to publish any information about the results of such work in addition to court orders or information that is necessary to inform the public about the investigation or to prevent an atmosphere of mass panic and the fears of society. In particular, direct or indirect disclosure of the content of regulatory institutional acts is prohibited.

The methodological foundation of effective interpersonal contact and achievement of the set goal is a logical conversation plan. In addition, the ability of a police officer to predict the act of communication is part of his or her psychological competence. That is why it is necessary to improve the empirical aspect of the professional activity of police officers, which takes place in a peculiar environment of interpersonal communication. This stimulates the improvement of police education in the field of communication. At the same time, a number of relevant questions arise about what such communication is, what communicative norms are typical for employees of internal affairs bodies, and also is there a special specificity in terminology, in the lexical composition of their professional activities?

Just like consciousness, the relationships that arise during communication are one of the main psychological categories that are inextricably linked to each other both theoretically and practically.

Professional communication in the field of police activity is a fairly complex, normatively prescribed, pragmatically determined, purposeful process of establishing and developing interpersonal contacts generated by the needs of law enforcement practice. Of course, its component includes the exchange of information, its perception by partners, and the development of a unified interaction strategy to achieve the set goal. A number of specific distinctive features are inherent in the professional communication of operational staff:

1. The high socio-political importance of professional communication, determined by the presence of state authorities among employees, the inept implementation of which in relation to even individual citizens, may lead to a negative public response.
2. A pragmatically determined focus on solving official tasks and the presence of a specific multiplicity of goals in professional communication. These goals are determined by the regime of law and legal relations, the functional responsibilities of employees, the required results that must be achieved.
3. The variety of employee role functions implemented in professional communication in the ranges of operational, investigative, professional and other official activities.
4. A high degree of tension, conflict, extremity, confrontation of participants in professional communication, due primarily to an understanding of the personal significance of the consequences of its results and the compulsion of interaction for a number of categories of citizens.

5. Secrecy, role-playing staging and manipulative professional communication in operational practice.
6. A variety of reasons for professional communication (restoration of violated legal rights and interests of citizens, conducting operational search activities, investigative actions, etc.).
7. A wide "role spectrum" of professional communication partners: preventable persons, witnesses, victims, suspects, accused, confidants, defendants, etc.
8. The frequency of manifestations of negative mental states in professional communication partners interacting with employees (aggression of detainees, emotional arousal of victims, conscious passivity on the part of witnesses caused by fear for their lives and the health of loved ones, etc.).
9. A high degree of formalization of communication due to the need to fulfill a number of official regulations provided for by law and regulatory documentation.

1. Martynova N.A. Structure and features of the terminological vocabulary of international law (on the example of English and Russian languages) // science and practice. 2015. No. 1 (62). pp. 157-161.
2. Vinogradov, V.V. The problem of authorship and the theory of styles. - M.: Goslitizdat, 1961. - 614 p.
3. Grinev St. Introduction to Terminology. - M.: Moscow Lyceum, 1993. -309 S.
4. Z. Khasanova. S. Sublanguage and terminological system: correlation and specificity of terminological units [text] / Z. M. Frolov. S. Khasanova // A young scientist. — 2013. — No.2. — pp. 224-232
5. Tsarev, P.V. Compound words; Meshkov, O. D. Word formation of the modern English language. M. : Nauka, 1976. 246 p. (or is it Ivanova, Because Foreign-language components in the word formation of Russian and English languages // izv. Volgograd. ped. un-ta. The Serb. Philol. sciences. 2011. No. 7 (61). p. 45.)
6. Martynova N.A. Structure and features of the terminological vocabulary of international law (on the example of English and Russian languages) // nauka i praktika. 2015. No. 1 (62). pp. 157-161.
7. Pitler, Howard; Hubbell, Elizabeth R.; Kuhn, Matt. Using Technology with Classroom Instruction that Works, 2007.
8. Shyamlee, Solanki D. "Use of Technology in English Language Teaching and Learning": An Analysis, Medias and Culture IPEDR, Vol.33 J. Of College Of Education For Women, vol. 27 (6), 2012. – 2016- 2191
9. Wright, A. Picture for language learning. Tianjin: Nan Kai University Publishing House, 2003.

РАЗДЕЛ IX. ТУРИЗМ

Нехаева Н.Е.

Особенности организации экскурсионного квеста

*Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
(Россия, Саранск)*

doi: 10.18411/trnio-10-2024-132

Аннотация

В настоящее время, когда экскурсионных маршрутов насчитывается огромное множество, встает вопрос о поиске новых инновационных способов проведения экскурсий. Таким примером может служить квест, который представляет собой сочетание игры и экскурсии. В статье рассматриваются особенности организации экскурсионного квеста.

Ключевые слова: экскурсионный квест, экскурсия, инновационная форма экскурсии, маршрут квеста, организация квеста.

Abstract

Nowadays, when there are a huge number of sightseeing routes, the question arises of finding new innovative ways to conduct excursions. Such an example is a quest, which is a combination of a game and an excursion. The article discusses the specifics of organizing an excursion quest.

Keywords: excursion quest, excursion, innovative form of excursion, quest route, quest organization.

Экскурсии предполагают получение новых знаний и эмоций, а значит и духовное обогащение человека через общение экскурсовода с экскурсионной группой, используя методические приемы показа и рассказа. Квест, как инновационная форма экскурсии, на наш взгляд, способна разнообразить экскурсионное обслуживание людей, т.к. обладает определенной аттрактивностью за счет малой изученности и пока еще небольшого распространения.

Термин «квест» («quest») можно перевести с английского как «поиск приключений». Идея стать хотя бы на время героем из известной книги, фильма, игры или легенды стала осуществимой при помощи квеста и стала интересовать не только детей, но и взрослую аудиторию.

В истории квеста было несколько знаменательных дат, одной из которых является 1990 г., когда его идею стали использовать в американских школах ради поощрения тяги к знаниям учеников и повышения общей успеваемости, ведь целью квеста было создание ими презентации, проекта или эссе. Чуть позже квест использовался для рекламы компаний-гигантов, для привлечений к социальным вопросам волонтерами и многого другого. Можно сказать, что за довольно короткое время, квест стал частью экскурсионного обслуживания, который стало возможным использовать по своему усмотрению, с одними лишь общими рамками для всех: наличие идеи или сюжета, препятствия, цели, к которой можно прийти через препятствие.

Квест-экскурсия – это услуга по организации посещения специально подобранных объектов экскурсионного показа индивидуальными туристами (экскурсантами) или туристскими группами, заключающаяся в ознакомлении и изучении указанных объектов посредством наблюдения, общения с другими субъектами и решения логических задач под руководством квалифицированного специалиста – экскурсовода, продолжительностью менее 24 часов без ночевки [4].

Квест как инновационная форма экскурсии представляет собой активную, приключенческую игру, в которой команда (группа экскурсантов), используя свои знания, интеллект, смекалку, силу, творчество должна выполнить все задания и преодолеть дистанцию за определенное время. Выполнив задание, команда (экскурсанты) получает направление на следующую точку. Таким образом, после прохождения всех контрольных пунктов в итоге участникам необходимо дойти до финиша. Количество точек (уровней) и их сложность определяется для каждой игры в отдельности. Во время прохождения маршрута квеста можно не только познакомиться с окружающими культурно-историческими достопримечательностями, но и потренировать мышление, физические способности, отдохнуть от повседневности и получить массу впечатлений. Туристский квест может стать важной составляющей развития детского туризма в регионе [5].

Организация квеста может включать в себя использование велосипедов, роликов, самокатов; для связи: телефонов, раций; QR-коды, костюмы, светопредставления и многое другое. Каждый из этих элементов принесет в квест еще большее разнообразие и будет способствовать еще большей запоминаемости.

Тематика и станции, так называют остановки на маршруте для получения и исполнения заданий, могут быть совершенно разными: сложными и крайне замысловатыми в зависимости от целевой группы людей, которая проходит данный квест и конечно от цели, которую они преследуют в большей степени. Квесты могут быть познавательными, развлекательными, направленными на сплочение и многое другое, а основной целью проведения экскурсионного квеста можно считать знакомство с достопримечательностями города или региона и отдых от повседневности.

Маршрут экскурсионного квеста построен по местам, представляющим интерес участников квеста. При прохождении квеста имеется возможность не только развлечься, но и получить новые знания об экскурсионных объектах города или региона. Отсюда вытекает, что объектами экскурсионного квеста являются экскурсионные ресурсы населенного пункта. К ним можно отнести природные, культурно-исторические, социально-экономические достопримечательности, представляющие интерес не только для туристов, но и для жителей региона [2, 3]. Часто при организации квестов используют туристские карты для обозначения маршрута передвижения экскурсионных групп. Это позволит экскурсантам передвигаться безошибочно по населенному пункту и не пропустить объекты показа (станции в игре).

Таким образом, квест как инновационная форма экскурсионного обслуживания населения становится чем-то большим, нежели простой поток информации. Использование экскурсионных квестов будет способствовать: 1) развитию физического и духовного потенциала человека, расширению кругозора и в целом отдыху от повседневности; 2) расширению экскурсионных программ, развитию нестандартных экскурсий, что позволит оживить работу не только с туристами, но и способствовать формированию интереса к экскурсионным объектам у жителей своего региона; 3) элементом продвижения экскурсионных продуктов и региона в целом [1].

При реализации квеста для экскурсионных групп существуют определенные проблемы:

- большое количество задействованных лиц при проведении квеста, а значит удорожание стоимости участия в нем, особенно, если квест проводится для индивидуалов;
- количество экскурсионных объектов в населенном пункте может быть ограничено, что ведет к небольшому разнообразию квестов;
- необходима общественная реклама с целью привлечения желающих;
- разработка квеста достаточно трудоемкое занятие и требует продолжительного времени на его подготовку и внедрение.

Несмотря на эти проблемы, можно выделить ряд перспектив при его использовании в рекреационной деятельности:

- разнообразие экскурсионных предложений для жителей населенного пункта и формирование интереса к чему-то новому;
- удовлетворение рекреационных потребностей жителей региона;
- формирование интереса к своему населенному пункту и экскурсионным объектам.

1. Емельянова Н.А., Нехаева Н.Е. Инструменты продвижения туристских продуктов территории / Н.А. Емельянова, Н.Е. Нехаева // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2018. – № 1 (45). – С. 152-160.
2. Нехаева Н.Е. Развитие культурно-познавательного туризма в Республике Мордовия / Н.Е. Нехаева, Н.Ю. Прасалова, А.В. Власова // Природно-социально-производственные системы: связь науки и практики: сборник научных трудов. Саранск, 2016. – С. 12.
3. Нехаева Н. Е. Культурно-исторические объекты Мордовии: возможности их использования в туризме / Н. Е. Нехаева // финно-угорское пространство в туристском измерении материалы 1-й международной научно-практической конференции. Редколлегия: М. А. Жулина, А. М. Носонов, Л. В. Сотова, М. В. Уткина. 2011. – С. 266-271.
4. Нехаева Н. Е. Туристский квест как инновационная форма экскурсии / Н. Е. Нехаева, К. В. Морозкина // Инновации в науке: научный журнал. – № 7(68). – Новосибирск: Изд. Анс «Сибак», 2017. Часть 1. – С. 46-47.
5. Сарайкина С.В., Емельянова Н.А., Нехаева Н.Е. Социальное значение детского туризма в регионе / С.В. Сарайкина, Н.А. Емельянова, Н.Е. Нехаева // Регионоведение. – 2017. – Т. 25. – № 4 (101). – С. 573-587.



Рецензируемый научный журнал

**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ
№114, Октябрь 2024**

Часть 3

Подписано в печать 25.10.2024. Тираж 400 экз.
Формат.60x84 1/16. Объем уч.-изд. л.8,75
Отпечатано в типографии Научный центр «LJournal»
Главный редактор: Иванов Владислав Вячеславович